

Белая княжна

МАРИЯ ДЮРИЧКОВА

Белая княжна

МАРИЯ ДЮРИЧКОВА

Белая княжна

МАРИЯ ДЮРИЧКОВА

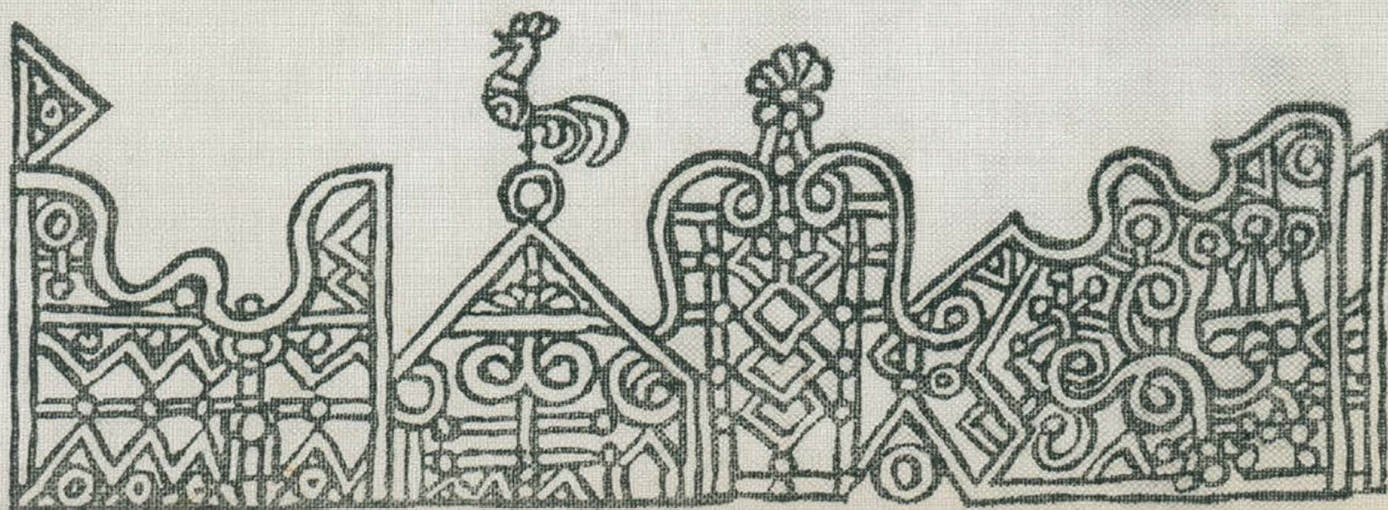
Цена 3 р. 32 к.

Младе лета

МАРИЯ ДЮРИЧКОВА

Белая княжна

МЛАДЕ ЛЕТА

1982

© MÁRIA ĎURÍČKOVÁ 1973

ILLUSTRATIONS © MIROSLAV CIPÁR 1973

TRANSLATION © JUZEF PRESŇAKOV 1982

Белая княжна

Во времена далекие за горами высокими затерялась деревня, а в той горной деревне, на самой окраине, жил бедный крестьянин с женой, и было у них два сына. Старший – парень хоть куда, а меньшей еще хлеба себе не умел отрезать.

Однажды говорит старший сын родителям: хочу, мол, из дому уйти, белый свет повидать и силы свои испытать. Ничего не поделаешь, отпустили его родители. Из последней муки напекла мать сыну лепешек, положила в сумку и благословила его на дорогу.

Стал парень спускаться вниз, как вода течет – но только дошел до края деревни, как дорога повернула в гору. Тогда парень пошел обратно, уж очень ему хотелось повидать, как там люди внизу, в долине живут – глядь, а дорога опять вверх повернула и ведет его в густые леса. И так до трех раз. Наконец парень перестал упрямиться и пошел, куда дорога вела. А вела она его прямо в черный лес.

Идет молодец дремучим лесом, чем дальше, тем лес глубже, и к вечеру приходит он к одинокой избушке. Избушка та покосилась и вся мохом заросла. Притомился парень, и ночь на носу, вот он и вошел в избушку.

Вошел, поздоровался:

– Добрый вечер честным хозяевам!

А в избушке нет никого, кроме старой старухи: волосы белей молока, лицо в глубоких морщинах. Сидит она за столом и что-то пишет в толстой книге, на молодца не глядит и на поклон его не отвечает.

– Добрый вечер, бабушка, – поздоровался парень погромче.

Но старуха как воды в рот набрала, сидит, царапает пером по бумаге.

Пожал парень плечами, сел на лавку, достал еду из сумки и перекусил. Потом растянулся на лавке, сумку под голову положил – и заснул как убитый.

Утром проснулся, и только тогда старуха с ним заговорила:

– Недобрая судьба привела тебя сюда, сынок. Для того я вчера с тобой

не поздоровалась, чтобы ты уходил, пока не поздно. А раз не ушел, то попал ты в нашу общую беду.

– Расскажите, бабушка, что это за беда? Вдруг я сумею вам помочь.

– Ну так вот, слушай, – говорит старуха. – Есть где-то здесь в горах колодезный сруб. Если сумеешь набрать воды из этого колодца, не коснувшись верхнего бревна, и принесешь эту воду ко мне, то и мы будем счастливы, и еще много людей с нами. Только задача эта не такая простая, как кажется.

– Простая или непростая, а я попытаюсь, – говорит парень. – Если придется, то справлюсь я и с волком, и с медведем, а то и с драконом. Есть у меня добрый самострел, крепкая рука и меткий глаз.

– В том-то и дело, сынок, что не встанет на твоём пути ни волк, ни медведь, ни другой зверь. Твоя задача будет намного легче, но и намного труднее. Многие за это дело брались, и ни один с ним не справился.

– Будь что будет, а я все же попробую, – говорит парень. – Только вы мне, бабушка, скажите, как этот колодец найти.

– Сказать не скажу, а подсказать подскажу: на пути к колодцу нужно пройти одно, два и мимо трех.

– Это как же понимать? – удивился парень.

– Пройти нужно одно темное, два светлых и мимо трех неживых. А больше ты меня не спрашивай ни о чем, – сказала старуха и снова принялась писать.

Покачал молодец головой и отправился в путь. Идет лесом, а сам всё думает: темное – что бы это могло быть? Чаша ли дремучая, или пещера, а может, глубокая пропасть. А светлое – это, пожалуй, огонь. Или солнечная лужайка? Или река в лунном свете?

В полдень достал он еду из сумки, перекусил, напился воды из родника и дальше пошел. Ясный день постепенно клонился к концу, приближалась темная ночь. Устроил себе молодец ночлег в русле высохшей реки: сгреб в кучу сухую листву и улегся на ней, а берег нависал над ним словно крыша. Хорошо ему спалось.

Утром, только забрезжило, он снова подался в дорогу. Идет он, идет, и всё не видит ничего темного, ничего светлого, ничего неживого.

В обеденную пору пришел он на поляну и увидел под сухим тисом колодец. Парень рассудил, что это еще не тот колодец, о котором

говорила старуха, и решил здесь пообедать: отломил от сухого дерева ветку, развел огонь и поджарил кусок сала. После еды напился из колодца, вода была вкусная, словно медом подслащенная. И пошел дальше, внимательно глядя по сторонам, чтобы, не дай бог, не прозевать темное, светлое или неживое.

К вечеру, когда солнце уже за горой скрылось, пришел он к колодезному срубу, а рядом валялся конский череп. „Видно, и это не тот колодец, – подумал парень, – я ведь так и не повстречал ни темного, ни светлого, ни неживого. Ну да ладно, хоть воды напьюсь.“ Нагнулся он к воде и при этом коснулся верхнего бревна.

И тут же превратился в камень.

Дома ждут родители сына, а его все нет и нет. Они и подумали: то ли постигло сына несчастье, то ли он свое счастье нашел и от хорошей жизни позабыл про родителей. Тем сильнее привязались они к младшему сыну Янко, который обещал вырасти в ладного парня.

А потом пришел день, когда и Янко собрался поглядеть на белый свет, ума-разума набраться и пропавшего брата поискать. Долго они его отговаривали: ведь если и с ним что-нибудь случится, они с кручины умрут, – но Янко стоял на своем. Ну что ж, напекла ему мать лепешек, положила в сумку еды, какая в доме нашлась, и плача благословила в путь.

Пустился было Янко вниз, как вода течет, но и у него всё вышло, как у брата: дорога упрямо поворачивала в черный лес. В конце концов и он пришел к той же самой одинокой избушке.

– Добрый вечер, бабушка, – поздоровался Янко со старухой, которая за столом сидела и что-то в большую книгу записывала. Но она в его сторону и не взглянула.

Поздоровался Янко во второй раз, и опять старуха не ответила. Тогда он скинул сумку с плеча, перекусил, лег на лавку и тут же заснул крепким сном.

Наутро говорит ему старуха:

– В недобрый час ты пришел сюда, сынок. Когда вчера вечером я тебе не ответила, лучше было бы тебе повернуться и уйти прочь. А теперь уже поздно, потому что и ты попал в нашу общую беду.

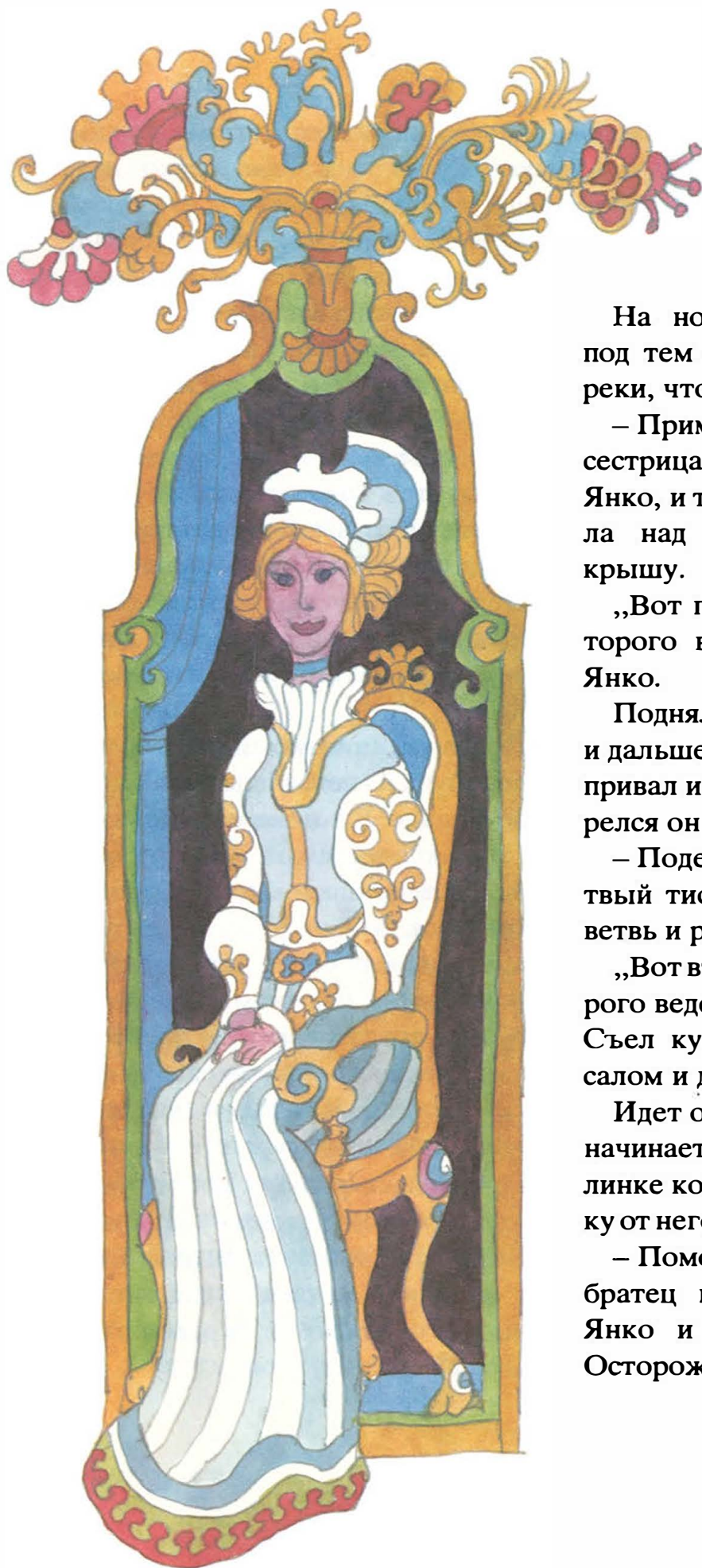
– В какую беду, бабушка? Есть у меня добрый самострел, да и смелости мне не занимать – может, я и сумею вам помочь.

– Может быть, и сумеешь, – молвила старуха.

И она рассказала ему о колодезном срубе, на пути к которому нужно пройти одно темное, два светлых и мимо трех неживых. И что из колодца нужно набрать воды, не коснувшись верхнего бревна.

И опять подался Янко в лес. Идет и думает, что бы это могло быть: темное, светлое, неживое. Когда солнышко уже наполовину скрылось, а с другой стороны приближалась ночь словно женщина в темном платке, тут ему и пришло в голову: ведь светлое – это день, а темное – ночь; значит, путь к колодцу продлится два дня и одну ночь.

На ночлег расположился Янко под тем самым берегом высохшей реки, что и его брат когда-то.

– Прими меня под свой берег, сестрица неживая река, – сказал Янко, и та приняла его, распростерла над ним свой берег словно крышу.

„Вот первый неживой, мимо которого ведет мой путь“, подумал Янко.

Поднялся он рано-ранехонько и дальше пошел, а в полдень сделал привал и решил перекусить. Осмотрелся он и увидел сухой тис.

– Поделись со мной, братец мертвый тис, – сказал Янко, отломил ветвь и развел огонь.

„Вот второй неживой, мимо которого ведет мой путь“, – подумал он. Съел кусок хлеба с поджаренным салом и дальше пошел.

Идет он, идет, вот уже и вечереть начинается, и тут увидал он на прогалинке колодезный сруб, а неподалеку от него – белый конский череп.

– Помоги мне воды зачерпнуть, братец мертвый конек, – сказал Янко и приблизился к колодцу. Осторожно, не задевая верхнего

бревна, нагнулся он к воде. Только он коснулся воды этим конским черепом, как раздалось ржание, топот копыт – и стал перед ним богатырский конь с золотой гривой.

– Спасибо тебе, добрый молодец, что ты меня у смерти вырвал,
– заговорил златогривый конь.
– Теперь поживей набери воды и сядь на меня.

Оглянулся Янко и увидел у колодца небольшой жбан. Набрал он в него воды, сел на коня, и полетели они назад, к старухиной избушке. Два дня добирался Янко до колодца, а назад вернулся в один миг.

Перед избушкой заржал богатырский конь – и появилась в дверях старуха, протянула навстречу руки.

Подав ей Янко жбан с водой, она зачерпнула из него воды и плеснула себе на лицо. В тот же миг мелькнули три молнии, словно небеса трижды растворились. И когда Янко опомнился, то вместо седой старухи увидел перед собой прекрасную княжну, всю в белом. На месте избушки стоит дворец, а на месте дремучего леса – прекрасный и богатый город. Из домов выходят люди, благодарят своего избавите-

ля и кланяются Белой княжне. Потом появились рыцари и богатыри в блестящих доспехах – это были те, кто долгие годы стояли у колодца, превращенные в камни, а впереди всех шагал старший брат Янко.

Вскоре была свадьба: Белая княжна выходила за своего спасителя. Пригласили на свадьбу и родителей Янко, и те не могли нарадоваться встрече с обоими своими сыновьями.

Три дня веселились гости на свадьбе: ели, пили, плясали. А на четвертый день, когда все приустиало, Янко подал знак музыкантам, чтобы те перестали играть, и обратился к своей жене:

– А теперь, милая наша Белая княжна, расскажи нам, что здесь случилось и как постигло эту землю несчастье, от которого она лишь теперь избавилась.

– Благодаря тебе, князь Янко, – сказала Белая княжна и поклонилась ему.

Затем она взошла на резной трон и начала свой рассказ:

– Легко говорить теперь, когда все беды остались позади! Ну, слушайте, люди. Были у меня когда-то три чудесных друга. Первый – мой богатырский конь. Откуда бы ни вторгнулся на нашу землю враг, мой конь вмиг доставлял меня на поле боя. Увидят мои воины, как я лечу на волшебном коне – и вливается в их жилы новая сила. В те времена по всей стране распевали песенку:

*„Наша Белая княжна,
и отважна, и умна,
пролетает в вышине
на волшебном скакуне.“*

Вторым моим чудесным другом, вернее, подругой, была река Ойда. Если одолевали нас несметные полчища врагов, река Ойда разливалась им навстречу, словно море, и всех их топила. А третьим моим чудесным другом был вековой тис. Каждый год мы делали из ветвей этого тиса семь луков, которые никогда не давали промаха. Поэтому наши лучники были лучшими в мире. Никто не мог нас одолеть, пока у меня были

три этих чудесных друга, и мы все долго жили покойно и счастливо.

И вот однажды на наш княжеский двор прибыл караван из далекой страны. Сотни верблюдов несли на своих спинах сундуки с драгоценными камнями, тюки редкостных тканей и ковров, золотые клетки с невиданными птицами. А на самом большом верблюде восседал под голубым балдахином Черный король. Он пришел просить моей руки и не сомневался в успехе, ведь это был один из самых богатых и могущественных государей на свете. Но я отвергла его сватовство. Он был мне не по душе, и к тому же я бы ни за что не уехала из своей страны куда-то на край света. Черный король оскорбился и объявил нам войну. Раз за разом мы били его войско, но, на нашу беду, Черный король оказался еще и могучим чародеем. Гадая на песке и ветре, он узнал, в чем наша сила, и произнес страшное заклятье: „Да превратится эта страна в дремучий лес, ее правительница – в уродливую старуху, река Ойда и чудесный тис пусть засохнут навеки, а кости богатырского коня растаскают в своих клювах сороки и вороны!“

Так всё и случилось и должно было остаться на веки веков. Опустела наша страна, столетия пролетали над ней своей чередой как птицы, мир постепенно забывал о нас и наконец совсем забыл. Ничего от нас не осталось, кроме короткой песенки:

*„Наша Белая княжна,
и отважна, и умна,
пролетала в вышине
на волшебном скакуне.“*

Собственно, это уже была не песенка, просто дети выкрикивали эти слова во время игры, и люди думали, что это такая детская присказка или считалочка. Никому и в голову не приходило, что это последняя память о погибшей стране и о ее правительнице.

А я все это время сидела в убогой избе и записывала всё, что с нами случилось, писала о мудрости наших людей, о их ошибках и промахах, обо всех тайнах нашей земли. Писала я, писала, слово к слову добавляла, и стало у меня выходить, стало складываться, что наше заклятие будет длиться хоть и долго, но не вечно. Что найдется юноша, который распознает в лесу моих мертвых друзей и вернет нас к жизни. Так велика была сила этого прорицания, что она обращала в нашу сторону пути-доро-

ги бесстрашных юношей, пока не пришел Янко. Пусть же он живет долго и вместе со мной по справедливости правит этой страной.

А потом свадьба закончилась, гости разошлись и разъехались. Янко остался со своей красавицей-женой и был счастлив. Иногда Белая княжна седлала своего волшебного скакуна и скакала на нем: одним скачком на Матру, другим на Фатру, а третьим скоком на Татру – так называются высокие горы на границах той страны.

Янчик-Мизинчик

В одной стране, в чужедальной стороне была когда-то деревня, а на самом ее краю, у самой речки стоял домишко с резным крылечком. И жили в том домишке отец, сгорбленный от работы, мать, седая от заботы, шестеро сыновей, крепких как молодые дубки и седьмой сыночек-малышок. Был он ростом с мизинец, поэтому все его иначе и не называли, как Янчик-Мизинчик.

Как водится, мать любила этого малыша больше остальных своих детей, а как же иначе, ведь он у нее был последний – самый маленький, самый веселый.

Спал Янчик-Мизинчик на печи, в колыбельке из яичной скорлупы, потому что он очень качаться любил. Уляжется в свою колыбельку и распевает так, что стены трясутся:

*Гоп, колыбель моя,
гойда-гой,
когда велю, качай меня,
когда велю – стой!*

Колыбель была такая послушная и так качалась, что иногда лопалась от усердия. Ну, невелика беда! Мать стелила Янчику-Мизинчику постель в другой скорлупке, и снова изба ходуном ходила от его крика:

*Гоп, колыбель, моя,
гойда-гой!*

Раз пошли братья косить и Янчика-Мизинчика с собой взяли. Посадили его на межу около узелка с хлебом и принялись за работу. Косы звенят, трава шуршит, а Янчик-Мизинчик на меже сидит, вокруг себя глядит, с муравьями беседует. Тут прилетает бабочка:

– Здравствуй, Янчик-Мизинчик!

– И ты здравствуй, бабочка, – отвечает Янчик-Мизинчик.

– А что ж ты сидишь без дела? Не хочешь ли поглядеть на широкий свет?

– Как не хотеть, очень хочу!

– Тогда садись мне на спину!

Янчику-Мизинчику не надо было два раза повторять. Взобрался он бабочке на спину – и полетели! Летели они над лугами, над полями, над густыми лесами, летели над горами, над долами, над скалами голыми. Очень далеко залетели.

– Гляди, над рекой летим! – говорит бабочка.

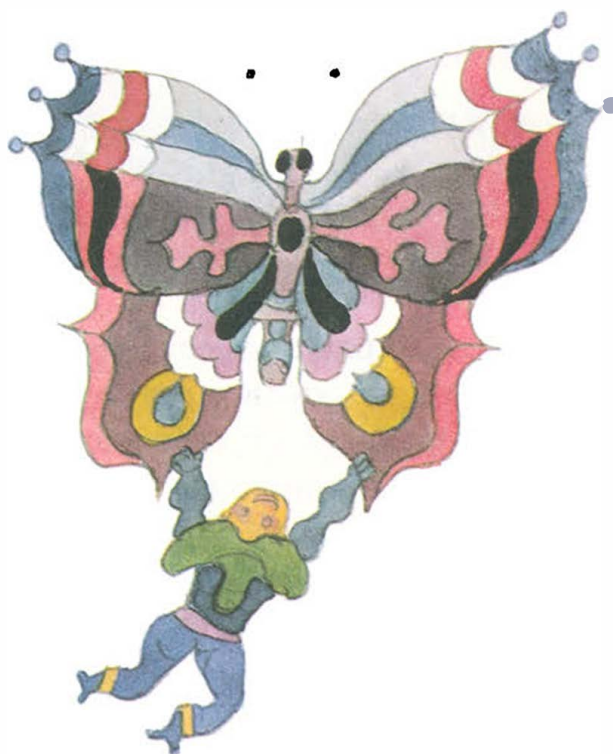
Глядит Янчик-Мизинчик и видит: что-то мелькнуло в воде. Он и наклонился, чтобы получше разглядеть, а вот этого ему как раз и не следовало делать. Соскользнул он с бархатистой бабочкиной спинки и – хлюп! Сомкнулась над ним вода.

Тут он сразу узнал, что там в воде мелькало – это была прожорливая щука. Разинула она пасть – гам! – и проглотила Янчика-Мизинчика словно какого-нибудь малька.

На его большое счастье неподалеку ловил рыбу один рыбак, он поставлял рыбу самому королю. Наловил он полную корзину рыбы и отнес в королевский дворец.

На королевской кухне повар вывалил рыбу на стол и стал ее чистить. Повар очень спешил, потому что припозднился с обедом. И когда он вспорол брюхо самой большой рыbine, то даже не заметил, как из нее выкатилось что-то живое. И то сказать, не всякий разглядит человека ростом с мизинец.

Янчик-Мизинчик протер глаза и увидел, что совсем рядом с ним мелькает страшное лезвие ножа. Испугавшись, он пустился бежать со всех ног. Но только стол был не так уж велик, и Янчик-Мизинчик с разбегу шлепнулся во что-то мягкое и холодное, пахло оно клубничкой и на вкус было как клубника. Янчик-Мизинчик свалился в клубничное мороженое. Зябко ему ста-

ло, но он на всякий случай еще глубже забился в эту холодную кашу. И вовремя, потому что мороженое понесли к королевскому столу.

За королевским столом сидели королевские родители и в один голос уговаривали свою королевскую дочку, принцессу Мариетку:

– Детка, принцесса Мариетка, скушай супчик, получишь новый соболий тулупчик!

Но принцесса Мариетка буркнула:

– Не хочу ни супчик, ни тулупчик! Хочу клубничное мороженое!

Родители печально переглянулись и сказали в один голос:

– Детка, принцесса Мариетка, съешь котлету, получишь хрустальную карету!

Но принцесса Мариетка отрезала:

– Не хочу ни котлету, ни карету! Хочу клубничное мороженое!

Родителям было известно, что уговаривать полагается до трех раз, но они знали, что это все равно не поможет. Поэтому они лишь печально переглянулись и дали своей дочери клубничное мороженое.

Принцесса Мариетка жадно зачерпнула мороженое и тут увидела, что в ее ложечке что-то шевелится: маленькое, живое, с двумя ручками, с двумя ножками, с одной головой, а на голове шапка.

– Да ведь это мальчик! – взвизгнула она от радости. – Как тебя зовут, мальчик?

Мальчик снял шапку, поклонился и сказал:

– Меня зовут Янчик-Мизинчик, желаю вам доброго здоровья, – апчхи!

– Янчик-Мизинчик! – захлопала в ладоши принцесса Мариетка. Она себя не помнила от радости. Подумать только! До сих пор она была самой маленькой во дворце – и вдруг появился человечек еще меньше ее, зовут его Янчик-Мизинчик, он упал в мороженое и поэтому простудился – апчхи!

Она тут же велела принести из кухни малинового варенья и наперсток горячего чая. Сперва ромашкового, потом липового, шиповникового и жасминного. Она было призадумалась, какой еще чай заказать, но, во-первых, во дворце больше не нашлось наперстков, а во-вторых, Янчик-Мизинчик выздоровел.

И стал Янчик-Мизинчик жить-поживать в королевском дворце. Спал он в золотой кроватке, ел торты, мороженое и всякие другие невиданные блюда – и у всех был в большом почете. Не потому, что он был такой диковинкой, а потому что принцесса Мариетка жить без него не могла. Она так его полюбила, что за обедом съедала в одну минуту и суп, и котлету, и компот – только бы ее поскорее отпустили играть с ее маленьким другом.

На первых порах Янчику-Мизинчику это нравилось. Но потом он стал все чаще хмурить брови.

– Что с тобой, Мизинчик? – спрашивает принцесса Мариетка.

– Я и сам не знаю, что со мной – в том-то и беда! – проворчал Янчик-Мизинчик. – Ага, уже знаю! В этом вашем дворце кругом мрамор, да золото, да серебро – и нигде ни луга, ни поля, ни муравья, ни бабочки. Вот что со мной.

– Да на лугу... ведь на лугу ты бы потерялся! – ужаснулась принцесса Мариетка. – Ты бы заблудился словно в дремучем лесу. Но ты не печалься, я что-нибудь придумаю.

И в самом деле придумала.

Позвала мастера-каретника и заказала ему крохотную деревянную карету. В карету велела запрячь пару мышей и подарила этот экипаж Янчику-Мизинчику в тот самый день, когда ему было грустнее всего.

Янчик-Мизинчик очень обрадовался карете. Он разъезжал в ней по

дорожкам королевского парка и спустя долгое время снова увидел вблизи траву, цветы, муравьев и бабочек. Стал он искать свою знакомую бабочку, которая унесла его с отцовского луга, но о той не было ни слуху, ни духу. Очень огорчился Янчик-Мизинчик.

– Чего тебе еще недостает, Мизинчик? – спрашивает принцесса Мариетка.

– Я и сам не знаю, чего мне еще недостает – в том-то и беда! – проворчал Янчик-Мизинчик. – Ага, уже знаю! Недостает мне шестерых моих братьев и отца с матерью.

– Только-то? – махнула рукой принцесса Мариетка. – Этому горю нетрудно помочь. Пошлем за ними нашего министра.

Стоило принцессе Мариетке чего-то захотеть, как с ней соглашались и король, и королева, и весь королевский двор.

Послали за министром. Тот пришел и спрашивает:

– Так где твои родители живут, Янчик-Мизинчик?

– Ясное дело где, в нашей деревне, – отвечает Янчик-Мизинчик. – На берегу речки, в домишке с крылечком. А в окне розмарин растет.

Отправился министр искать родителей Янчика-Мизинчика. Ходил-бродил, ездил – а вернулся ни с чем.

– Триста деревень обошел, осмотрел три тысячи домов с крылечком и с розмарином в окне. И ни в одном твои родители не живут.

Янчик-Мизинчик понурил голову.

– Не тужи, Мизинчик, уж я что-нибудь да придумаю, – утешала его принцесса Мариетка.

И в самом деле придумала.

Была у них в парке большая птица – Золотое-перо. Вот этой птице Золотое-перо принцесса Мариетка повесила на шею маленькую корзиночку, в корзиночку посадила Янчика-Мизинчика и сказала ему:

– Разыщи свой дом сам и скажи своим родным, чтобы переезжали в королевский город. Это, мол, королевский приказ.

Птица Золотое-перо расправила крылья, и куда Янчик-Мизинчик показывал, туда она и летела. Вскоре оказались они в той самой деревне, где на берегу речки стоял знакомый дом с крылечком.

То-то было радости, когда Янчик-Мизинчик появился в дверях и закричал:

– Доброго вам здоровья отец, матушка и вы, братцы!

Уж они его обнимали, целовали, наглядеться на него не могли.

Когда они нарадовались досыта, Янчик-Мизинчик спросил, не хотят ли они перебраться в королевский город.

– Отчего бы и нет, – говорит отец, – если у нас там будет дом не хуже этого.

– Если нам дадут лужок и поле, и упряжку волов впридачу, – добавили братья.

– И если будет у нас двор с курятником, чтобы я там могла кур держать, – сказала мать. – Сам знаешь, сколько яичной скорлупы уходит на колыбельки для тебя.

Янчик-Мизинчик сказал, что всё это у них будет. Тогда они согласились переехать и не пожалели об этом, потому что на новом месте им жилось хорошо.

А еще лучше было принцессе Мариетке: ее друг Мизинчик жил под боком, и она могла играть с ним в любое время.

Но лучше всех было Янчику-Мизинчику: захочет – играет с принцессой Мариеткой, захочет – катается в своей карете с мышиной упряжкой, а то в поле пойдет со своими старшими братьями. А вечером уляжется в колыбель из яичной скорлупки, качается и поет так, что стены трясутся:

*Гоп, колыбель моя,
гойда-гой,
когда велю, качай меня,
когда велю – стой!*

Только давно это было. Так давно, что даже моя мама об этом не помнит. Она мне только то рассказала, что от других слышала.

Жених из колодца

То ли далеко, то ли близко, то ли высоко, то ли низко – в маленькой деревушке среди гор жила мать с тремя дочерьми. Красивые были девушки, в деревне многие на них заглядывались, а мать – та только ими и жила и видела себя в них, словно небо в озере. А милее всех была самая младшая, Доротея.

Жили они бедно, зато покойно, но однажды мать занемогла, одолела ее злая хворь. Бросились дочери травы собирать, спрашивать совета у сведущих людей.

– Знаю я, чем вашей матери можно помочь, – говорит им одна старушка. – Вверх по реке, в двух днях пути отсюда, есть островок, а на том островке – чудесный колодец. Как напьется ваша мать воды из того колодца, хворь с нее как рукой снимет.

Тут же собралась в дорогу старшая сестра. Дошла до островка, вброд реку перешла, опустила в колодец ведро и набрала воды. Смотрит, а в воде рак плавает. Рак зашевелил клешнями и молвил:

*Здравствуй, здравствуй, красна девица,
наконец-то рак поженится!
Если будешь мне женой –
дам воды тебе живой.*

Девушка так и обмерла.

– Чтоб я за тебя пошла, усатое ты страшилище?! – крикнула она. – Да лучше я век в девках просижу!

Бросила ведро в колодец и припустила домой.

– Ну как, принесла целебной воды? – спрашивают сестры.

– Нет, сестрицы, не принесла, ведро у меня сорвалось.

Отправилась по воду средняя сестра. Добралась до колодца, вытянула ведро воды – а там черный рак хвостом шевелит и так ей говорит:

*Здравствуй, здравствуй, красна девица,
наконец-то рак поженится!*

*Если будешь мне женой –
дам воды тебе живой.*

– Чтоб я за тебя пошла, чудище ты хвостатое?! – содрогнулась девушка.
– Да лучше я век в девках просижу!

Бросила ведро в колодец и припустила домой.

– Ну как, несешь? – выбежала ей навстречу младшая сестра. – Совсем худо матери стало!

– Нет, не несу, уронила я ведро в колодец, – отвечала со стыдом средняя сестра.

Отправилась по воду младшая сестра. Добралась до острова, вытянула полное ведро – а там черный рак хвостом и клешнями шевелит, приговаривает:

*Здравствуй, здравствуй, красна девица,
наконец-то рак поженится!
Если будешь мне женой –
дам воды тебе живой.*

„Ой, да ни за что!“ – подумала Доротея. Но тут вспомнилась ей умирающая мать, и жалость, и страх охватили ее, и она поспешно ответила:

– Хорошо, я согласна выйти за тебя.

Набрала воды и побежала домой, побежала что было сил.

Едва больная мать смочила губы этой водой, тут же и выздоровела и встала с постели.

Счастье и радость вернулись в дом. Но не надолго.

Только свечерелось, раздался голос за дверь:

*Доротея, невеста моя,
ты вступи-ка погреться меня!
Помнишь клятву, моя любя,
у колодезного сруба?*

Доротея помертвела от страха. Но что поделаешь, данного слова не воротить – отворила она дверь и подождала, пока жених-рак перепятится через порог. Вполз рак и остановился посреди комнаты.

– Ух ты, как он лихо ногами загребает, твой жених! – захихикала старшая сестра.

– И это чудо-юдо будет нашим зятем? – возмутилась средняя сестра

и так ему наподдала, что рак опрокинулся на спину и беспомощно затряс ногами в воздухе.

Сжалилась Доротея над раком, подняла его и положила на лавку.

Пришла пора ужинать. Только поставили ужин на стол, жених-рак снова подал голос:

*Доротея, невеста моя,
посади поближе к миске меня!
Помнишь клятву, моя любя,
у колодезного сруба?*

– Это еще что! – отозвалась старшая сестра. – Неужто этот урод будет с нами из одной миски есть? Вот тебе кочерга, прихлопни его и дело с концом!

И она протянула Доротее кочергу.

Несчастливая Доротея с превеликой охотой избавилась бы от мерзкого жениха, но никак у нее из головы нейдет, какую службу он ей оказал и что она ему за это обещала. Поставила она кочергу в угол, а рака пересадила с лавки на стол.

После ужина собрались мать и девушки спать. Младшая принесла подстилку, чтобы уложить на нее рака, а тот подает голос в третий раз:

*Доротея, невеста моя,
уложи к себе в постельку меня!
Помнишь клятву, моя любя,
у колодезного сруба?*

Старшие сестры расхохотались, а у Доротеи от стыда слезы выступили на глазах. Но что поделаешь – данного слова не воротишь. Положила она рака в постель и сама легла, и до полуночи заливала подушку горячими слезами.

А ровно в полночь раздался страшный гул, грохот, скрежет, чердак затрепал, крыша рассыпалась – словно бы мир рушился. А утром, когда рассвело, Доротея увидела рядом с собой в постели прекрасного королевича, и комнатка ее уже не комнатка, а прекрасная опочивальня, и изба не изба, а великолепный дворец с четырьмя башнями, сорока палатами и четырьмястами окнами.

Королевич опустил на колени перед Доротеей и говорит ей:

*Доротея, невеста моя,
ты спасла от заклятья меня!
Вот теперь-то наконец
можно нам и под венец!*

Ну, а потом была свадьба – но какая! Праздновала ее вся страна: гости ели, пили, пировали, песни пели, танцевали. Даже – слыханое ль дело! – поле песню вдруг запело; лес терпел, ветвями тряс, а потом пустился в пляс.

Да, а кого на свадьбе не было – так это обеих невестиных сестер, и ничего тут поделать нельзя было. Ведь одна от злости позеленела, а другая пожелтела от зависти – вот они и стыдились показаться на глаза добрым людям.

Хлеб великанов

Пахал мужик свою полоску земли где-то в горах. Волон подгонял, а сам вокруг поглядывал. Вдруг видит: шагает по склону горы огромного роста женщина, настоящая великанша, и прямо к нему. Пахарь было вздумал с испугу бежать куда глаза глядят, но тут ему пришло в голову: „А с волами что будет? Ведь вол ни за что не побежит, это даже малому ребенку известно. А бросить безвинную скотину в беде – душа не велит. Какой же я тогда хозяин?“ И остался мужик на месте, мол, будь что будет, от судьбы никуда не денешься.

А великанша-то уже совсем рядом! Нагнулась к нему, глаза выпучила, большие, как две плоски, и вдруг рассмеялась, захлопала в ладоши – по горам гул пошел. Потом присела на корточки, расправила на коленях передник, положила в него пахаря вместе с волами и с плугом и стала подыматься в гору. А сама смеется, приплясывает на ходу, будто радуется чему-то.

А пахаря со страху лихорадка бьет: „Уж не собирается ли она съесть меня вместе с волами?“ Стал он, бедняга, выглядывать из передника: куда это его великанша несет?

Тем временем поднялись они на самую высокую гору в Татрах. Видит пахарь, что там среди скал проложена широкая ровная дорога, по обе стороны дороги – высоченные ворота, и ведут эти ворота прямо в скалы. Вошла великанша в одни такие ворота, выложила пахаря с волами вместе на огромный каменный стол и выбежала вон с криком:

– Ребята, угадайте, что я вам принесла!

Смотрит крестьянин, куда это он попал: преогромная палата, в каменных стенах красуются драгоценные камни – красные, зеленые, синие – и освещают палату, словно большие лампы. А вдоль стен стоят великанские постели и лавки, медвежьими шкурами застланные. На столе нож, длиннее сабли, а рядом каравай хлеба. „Ну и каравайце! – думает пахарь. – Под его коркой можно мою избу спрятать, да и двор тоже.“

Не успел он всё это разглядеть, как в палату ввалилась целая толпа великанов. Кричат, визжат, смеются – оглохнуть можно! Обступили стол, дивятся на пахаря, передают его вместе с волами из рук в руки, сладони на ладонь перебрасывают. А тот только глаза замуривает: „Вот, сейчас уронят, и останется от меня мокрое место!“

– Это отец тебе принес, Зузка? – спрашивает один великан.

– Скажешь тоже! – гордо отвечает великанша. – Я сама его нашла под горой.

– А что он там делал?

– Да так, забавлялся, ходил с этими рогатиками по полю: туда-сюда, туда-сюда, – смеется Зузка.

Тут уж пахарь не выдержал:

– Пахал я, если хотите знать, и никакая это не забава! – закричал он изо всех сил.

Великаны притихли от изумления. Потом Зузка и спрашивает:

– А что это такое: пахал?

– Это настоящая мужицкая работа, – отвечает пахарь. – Если б мужики не пахали, не было бы ни зерна, ни хлеба.

Тут отворились двери и вошел еще один великан, раза в два больше этих. Зузка подбежала к нему и кричит:

– Отец, отец, погляди, что у меня есть! Я его нашла на поле под горой.

Отец-великан взглянул на стол и говорит:

– Добро пожаловать к нам, человек!

Пахарь скинул шляпу:

– Доброго вам здоровья, пан великан.

Великан взял за руку дочь и говорит ей:

– Зузка, отнесешь человека и волов на то самое место, где ты их взяла, пусть продолжают свою работу.

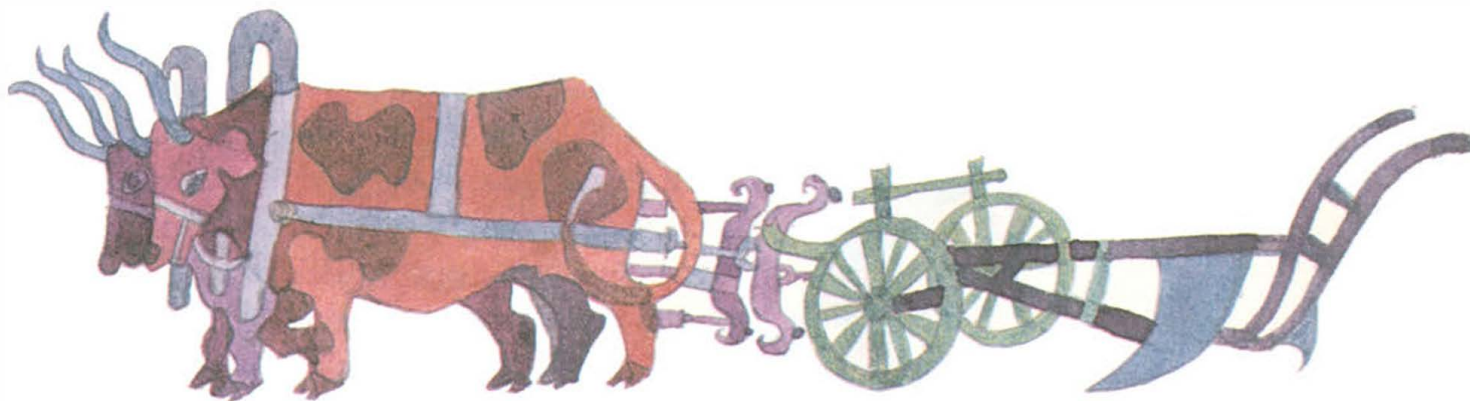
Потом он присел к столу и завел разговор с пахарем:

– Не обижайся на мою дочку, человек, она еще ребенок и плохо знает мир. По ее вине ты, небось, натерпелся страху. Скажи, что я могу сделать для тебя?

– Подумаешь, ничего ведь со мной не случилось, – отвечает пахарь.

– Одна только у меня просьба: отрежьте мне ломоть хлеба от вашего каравая, чтобы наши в долине увидели, какой хлеб едят великаны.

Отрезал великан ломоть хлеба, положил его в корзину, а рядом с ним – самого пахаря с волами и с плугом. Зузка отнесла корзину в поле, выложила пахаря на то самое место, где у него борозда прервалась, и спрашивает:

– Ничего больше не нужно сделать?

– Будь так добра, положи этот ломоть хлеба на мой воз, на котором я плуг вожу.

Зузка положила ломоть на воз и, не говоря ни слова, ушла. Четырьмя-пятью шагами одолела склон горы и скрылась среди скал.

Допахал мужик поле и к вечеру воротился домой. А как въехал в деревню, каждый встречный его останавливал и спрашивал, что это он такое везет.

– Это, люди добрые, ломоть хлеба из страны великанов, – гордо отвечал мужик. – Отведайте-ка, что за хлеб великаны едят.

Люди и отламывали, и отрезали от ломтя, но он не становился от этого меньше, такой он был огромный. Все говорили, что хлеб великанов ничуть не хуже человеческого, но и не лучше.

Три недели в деревне хлеба не пекли, все были этим ломтем сыты. Но со временем и он весь вышел, потому что всё на свете кончается – вот как эта наша сказка.

Золотая пряжа

Случилось это в те давние времена, когда счастье меряли понюшками, зато горе – кадушками. У одной матери было две дочери: родная Илена и неродная Ганка. Илену мать баловала, и выросла она нерасторопная, ленивая, не то, что Ганка – та и в доме, и вокруг дома всё делала играючи, работа так и горела у нее в руках.

А обе уже были девушки на выданьи.

И вот что получилось. Полюбился Илене соседский парень Адам, жених хоть куда, а что проку: ведь он только на Ганку и глядит, а Ганка на него.

Стала Илена матери жаловаться:

– Нет мне в жизни счастья, а всё из-за Ганки! Адам только за ней и увивается. И вчера на посиделках ни на шаг от нее не отходил. Она прядет, а он за руку ее ловит и говорит: „Вот бы мне в дом эти золотые руки.“

Загорелась в мачехе злоба, и злоба надоумила ее, как с Ганкой поступить. Завела она падчерицу в темную каморку, что была у них за домом пристроена, и говорит:

– Прослышала я, что у тебя руки золотые, и решила задать им золотую работу. Всю коноплю, какая здесь есть, перепрядешь в золотую пряжу. А до тех пор я тебя отсюда не выпущу.

Напрасно Ганка ее умоляла, напрасно слезы проливала – захлопнула мачеха тяжелую дверь, засов задвинула и ушла.

В каморке тьма, только через оконце под самой крышей едва пробивается лучик солнца. А когда Ганка выплакала, наконец, все обиды, скопившиеся на душе за все эти годы, то и лучика уже не стало. И от этого пропавшего лучика еще тяжелее стало на душе у девушки. В отчаянии схватилась она за голову и воскликнула:

*И ночью – ночь, и днем – ночь,
неужто никто не придет мне помочь?*

Только она это вымолвила, вдруг – диво дивное – расступилась стена,

и в каморку заглянула темно-синяя ночь с месяцем и звездами. Через отверстие в стене сама собой вкатилась расписная тележка, а в той тележке сидел мальчонка с красной шапкой на большой голове. Тележка объехала вокруг Ганки, мальчонка из тележки выпрыгнул и говорит:

– Я тебе, Ганичка, помогу: научу тебя прясть золотую пряжу.

– Ах, научи меня, маленький, научи, миленький! – обрадовалась Ганка.

– Так и быть, но ты пообещай встретиться со мной через год на этом самом месте. Ты должна будешь отгадать мое имя. Если отгадаешь – ты свободна, а если нет – тогда я возьму тебя в жены. Ну как, согласна?

Что было Ганке делать? Без его помощи ей не выбраться из этой темной дыры. А через год дело может по-всякому обернуться, глядишь, и отгадает карликово имя. Она и кивнула: мол, согласна.

– Тогда садись за прялку и пряди, – говорит карлик.

Ганка раскрутила веретено, а карлик, знай, катается вокруг нее на своей тележке и распевает во всю глотку:

*Сколько нитку не вить, а концу быть –
прядись, прядись, золотая нить!*

*Кому с милым жить, кому век тужить –
прядись, прядись, золотая нить!*

Тут Ганкина нить заблестела, словно лучик солнца. И этот лучик наматывался на веретено, а веретено вертелось и росло. Потом карлик сразу вдруг остановился и говорит:

– Ну, Ганичка, стала ты золотою пряхой. Я свое слово сдержал, теперь за тобой черед. Ровно через год, помни!

Он засмеялся радостным смехом и укатил в своей тележке, а стенка затворилась за ним сама собой.

На другой день заглянула мачеха в каморку – и зажмурилась от золотого сияния. Ганку она живо из каморки выпроводила, а золотую пряжу заперла в сундук. „Ну, – думает, – теперь накуплю Илене нарядов, накоплю для нее денег, станет девка первой невестой во всей округе“.

Вскоре слух о золотой пряже разнесся не то что по округе – по всему королевству. Зачастили в их дом женихи: богатые мужики и веселые пастухи, чумазые углежог и дворяне-тонконоги, чумаки на волах, гусары на конях... И хотя мать наряжала Илену как принцессу, все женихи просили только Ганкиной руки. Но мачеха им всем отказывала. Еще бы! Станет она выпускать из дому падчерицу, чтобы та пряла золотую нить для чужих!

Однажды появился в деревню сам король, на белом коне, со всей свитой.

Известно было, что король недавно овдовел, поэтому мачеха живо сообразила, к чему дело идет. И появилась у нее дерзкая мысль. Ганку она услала прочь, Илену усадила за прялку, сунула ей в руки веретено с золотой пряжей и говорит:

– Сиди здесь и помалкивай, а об остальном я сама позабочусь.

Тут зазвучали перед домом королевские фанфары, и в комнату вступил король.

– Это и есть золотая пряжа? – спрашивает.

– Точно так, пресветлый король, это моя дочь Илена, – отвечает мачеха.

Король взял в руку веретено, потеревил золотую пряжу, а сам думает: „Нда, красавицей ее не назовешь, зато золото отменное.“ А вслух сказал:

– Илена? Ну что ж, отличное имя, такое и королеве к лицу. Так вот, пани хозяйка, я намерен взять в жены твою дочь Илену.

Мачеха расцвела от счастья:

– Большая честь для нас, пресветлый король!

– Тогда готовь девицу Илену. Через два часа приедет за ней карета и отвезет ее в королевский замок.

Когда улеглась на улице пыль за королевской свитой, Илена наконец открыла рот:

– Да как же это, маменька? Я ли золотая пряжа? Я и простую-то пряжу толком прясть не умею.

– А ты не бойся, доченька, – успокаивала ее мать, сияя от радости.

– Как-нибудь обойдется!

Тут же послала она за Ганкой и сказала ей, что Илена будет королевой и переезжает вместе с матерью во дворец. А она, Ганка, теперь вольна выходить за Адама, но за это должна отдавать им все золото, которое нарядит.

Ганка согласилась, не раздумывая, потому что Адам был ей дороже всего золота на свете. И как знать, может, он поможет ей узнать имя этого карлика с большой головой.

Мачеха с Иленой увязали в тюки всю золотую пряжу, какая была в доме

и укатили в королевской карете. Подъехали они к королевскому замку, распахнулись перед ними первые ворота, вторые, третьи, а за ними дожидался их сам король. Привел он Илену и ее мать в огромную комнату, до самого потолка заваленную льном.

– Это самый лучший лен, какой только уродился в нашем королевстве, – объяснил король. – Нам нужно очень много золота, потому что королевская казна пуста до дна. Ты, девица Илена, спасешь наше королевство от разорения. За год ты перепрядешь весь этот лен в золото, и как только закончишь эту работу, мы сыграем нашу королевскую свадьбу. А что ж ты так побледнела, невеста моя?

– Это она от счастья, пресветлый король, – затараторила мачеха. – Уж вы на нас положитесь, всё будет, как вы желаете.

– Вот-вот, пусть лучше будет, как мы желаем, а не то кой-кому плохо придется, – зловеще сказал король. – А чтобы вам никто не мешал работать, я эту комнату запру и ключ буду носить с собой.

– Пресветлый король, только мне еще нужно домой забежать, – говорит мачеха. – Мы там кой-чего забыли впопыхах...

Король ей позволил отлучиться, и мачеха, ясное дело, прямым путем к Ганке. И начинает к ней ластиться:

– Милая ты моя, расскажи, как это ты стала золотой пряхой.

А та ни в какую, мол, ни за что не скажет: страшно, и кто знает, чем это еще кончится. Но мачеха не отставала, пока Ганка ей всё не рассказала: как в ответ на ее отчаянные слова объявился то ли мальчонка, то ли карлик в красной шапке и научил ее прясть золотую нить. Но это еще не всё, рассказывала Ганка, через год карлик вернется и она должна будет

угадать, как его зовут. Если же не угадает, карлик заберет ее с собой.

Сперва мачеха оторопела, а потом рукой махнула:

– Ну, да ведь тебе же первой угадывать. Если угадаешь, придешь к нам и скажешь. Люди должны помогать друг другу, так-то, девушка.

Ганка ей это пообещала, и мачеха вернулась в замок. В полночь Илена произнесла те же слова:

*И ночью – ночь, и днем ночь,
неужто никто не придет мне помочь?*

Карлик пришел, научил ее прясть золотую нить и сказал, что через год вернется и она должна будет отгадать его имя. Если угадает, он оставит ее в покое, но если не угадает, то он уведет ее с собой.

Потом карлик ушел тем же путем, каким пришел.

Стала Илена прясть золотую пряжу, и работа у нее пошла как по маслу. Каждый день король приходил в ее комнату и уносил всё, что она напярла. Сначала он наполнил королевскую казну. Потом велел нашить на все свои платья золотые пуговицы. Потом велел выковать королевской страже золотые мечи, королевской кавалерии золотые шпоры, а коням – золотые подковы. Потом велел позолотить крыши королевского замка – и в ясную погоду казалось, что в замке само солнце живет. Счастлив был король, окруженный этим золотым сиянием, и одно лишь его огорчало: чем дальше, тем меньше нравилась ему будущая королева Илена. Мыслимое ли дело, чтобы рядом с ним, одним из богатейших королей на свете, сидела на троне такая уродина?

Как бы ему от нее избавиться?

А дни бежали за днями, часы за часами, отпущенный карликом год таял на глазах.

Ганка вышла за Адама, но черная туча висела над их счастьем. Что если она не угадает имя карлика? Ей уже и в голову не приходило прясть золотую нить, целые дни она только тем и занималась, что придумывала с Адамом всевозможные имена.

– Может, его зовут Вырвиус, – говорит, бывало, Адам. – Или Понайбух. А может Какафуй? Или Циголиго? А то еще, знаешь что? Помнится, зареченская тетушка рассказывала, что каких-то двух карликов звали Гопцупмишко и Копытотояш. Но вполне возможно, что такую нечисть называют Подъединога. Или Пипапенди Горош.

Не будь у Ганки так тяжело на душе, она бы посмеялась над Адамовыми придумками, но теперь она только головой качала: нет, не то, видно, не подойдут эти имена.

Год прошел и остался один-единственный день. Адам не усидел дома, не мог больше глядеть, как жена его мается. Взял он топор и подался в лес, будто бы дров наготовить. Идет он, идет, но о дровах и не думает, ноги сами несут его неведомо куда. Уже темнеть начало, а он всё шагает наобум. И вдруг перед ним долинка! А в ней огоньки! Вгляделся Адам зорким глазом, прислушался чутким ухом.

Посреди долинки стоит дерево с девятью ветвями, на каждой ветви висит горшочек, под каждым горшочком костерок горит. Карлик в красной шапке скачет с ветки на ветку словно белка, помешивает палочкой то в одном горшке, то в другом и распевает:

*Выучил я пряху за одну лишь ночь,
получить награду я теперь не прочь,
отгадает имя – пусть живет в покое,
а не отгадает – уведу с собою!
А зовут меня Мартинко Клингач!*

*Девять блюд на ужин я готовлю ей,
спать положу на пуховую постель.
Отгадает имя – пусть живет в покое,
а не отгадает – уведу с собою!
А зовут меня Мартинко Клингач! Ха-ха-ха!*

Больше Адаму ничего и не нужно было, он повернулся и побежал домой со всех ног. Когда он прибежал, до полуночи оставалась самая малость, и Ганка уже ждала в каморке. Адам ей рассказал, что увидел и услышал, и спрятался в углу за мешками – на всякий случай... В полночь стена каморки расступилась, въехал карлик в тележке, закружил вокруг Ганки и запел во всё горло:

*Отгадаешь имя – будешь жить в покое,
а не отгадаешь – уведу с собою!
Ну, гадай, Ганичка, гадай!*

– Попробую отгадать, – говорит Ганка. – Тебя зовут Мартинко Клингач.

Карлик покраснел от злости, сдернул с головы шапку и швырнул ее оземь. Загремело, задрожала земля, всё скрылось в сером дыму. А когда дым рассеялся, от карлика не осталось и следа — но и золотая пряжа исчезла бесследно, она стала обычной конопляной пряжей. Пропал карлик и пропало навсегда Ганкино умение прясть золотую нить. Но это ни ее, ни Адама не огорчало. Они были счастливы вдвоем.

Наутро побежала Ганка в королевский замок, сказать Илене, как зовут карлика. Но не тут-то было. Ведь комната, в которой Илена пряла золото, всегда была под замком, а ключ лежал у короля в кармане.

Ну вот, привели Ганку к королю, а там, хочешь не хочешь, пришлось ей всё рассказать.

„Так, — думает король, — значит, надули меня, обвели вокруг пальца, а теперь я еще и золота могу лишиться? ...“

Но вслух он сказал:

— Так говоришь, его зовут Мартинко Клингач? Ладно, мы сообщим это девице Илене.

— А нельзя ли мне самой с ней поговорить? — спрашивает Ганка. — Так давно мы с ней не виделись.

— Нет, Ганка, нельзя. У девицы Илены и ее матери полно хлопот перед королевской свадьбой, у них там сейчас портные, сапожники, парикмахеры. А это имя я им сам скажу, его зовут Мартинко Клингач, не так ли?

И он послал Ганку прочь.

Близился роковой день, Илена с матерью с нетерпением ждали вестей от Ганки. Ждали до последнего дня, а потом стали у короля допытываться, не спрашивала ли их такая и такая деревенская девушка.

— Была здесь какая-то, назвалась Ганкой и всё норóвила попасть к вам. Но я ее, конечно, не пустил. Только этого не хва-

тало, чтобы любая мужичка ходила в гости к королеве!

– Ох, она ведь должна была нам одно имя назвать! – всплеснула руками мачеха.

– Верно, называла она имя, – говорит король. – Такое смешное имя, нарочно не придумаешь: Мартинко Ценгач!

– Мартинко Ценгач? – повторили Илена с матерью в один голос.

– Или, может, Мартинко Цилингач – одно из двух, – сказал король. И, прежде чем они успели еще что-нибудь спросить, вышел и запер за собой дверь, да еще засов задвинул. А сам-то, сам сгорал от любопытства: „Чем-то всё это кончится?“ И не утерпел: потихоньку спрятался

за занавеской, когда Илена с матерью ужинали.

В полночь, только часы на башне стали отбивать двенадцать, расступилась стена, и в комнату вкатила тележка, а в тележке сидел карлик в красной шапке. Карлик покружил вокруг Илены и говорит:

*Угадаешь имя – будешь жить в покое,
а не угадаешь – уведу с собою.*

Ну, гадай, Илена, гадай!

– Я попробую, – говорит Илена дрожащим голосом. – Тебя зовут Мартинко Ценгач.

Засмеялся карлик, захлопал в ладоши от радости:

– Не угадала, невестушка, садись в тележку!

Тут мачеха отозвалась:

– Это Иленка оговорила. Знаем мы твое имя от Ганы, а что было хорошо для Ганы, то хорошо и для нас.

– Ну ладно, – говорит озадаченный карлик, – тогда гадай еще раз, но это будет последний.

– Тебя зовут Мартинко Цилингач, – прошептала Илена чуть слышно.

Карлик снова засмеялся и радостно захлопал в ладоши:

– Не угадала, невестушка, садись в тележку!

И дотронулся до нее пальцем.

Только он до нее дотронулся, стала Илена уменьшаться на глазах. Была она Иленой, потом стала поменьше, Иленкой, и наконец – совсем крохотной Иленочкой, не больше карлика в красной шапке, даже еще меньше – как раз на эту шапку. Карлик схватил ее за руку и посадил в тележку.

Мачеха стояла как громом пораженная, но тут она опомнилась и бросилась к тележке:

– Нет, пан карлик, так дело не пойдет! Верните моей дочке прежний вид! Она у меня, если хотите знать, выходит за короля, а не за какого-то коротышку, за недомерка, который сам не знает, как его зовут. Не бывать этому!

И она стала перед тележкой, широко раскинув руки: не пущу, мол, и всё тут!

Тут карлик разозлился не на шутку, лицо у него стало краснее его шапки. Он достал из кармана чародейский кнутик, хлестнул им на все четыре стороны и мрачным голосом произнес:

– Анагур, манагур, раманагур!

В ту же минуту вся комната и всё, что в ней было, стало серым камнем: и льняная кудель, и прялка, и мачеха, и король, стоявший за занавеской. А карлик в красной шапке покатиł прочь в своей тележке, обняв за плечи малютку-невесту и распевая во всё горло:

На свадебный ужин будет девять блюд!

Ты не угадала, как меня зовут!

А зовут меня Мартинко Клингач! Ха-ха-ха-ха!

И вот это уже конец сказки.

Ключик на голубой ленте

Далеко, на самом краю света, на таком дальнем краю, что даже и не понятно, начало это или конец света – в общем, в очень далеких краях раскинулась страна Кантагирия, в которой правил король Могай. Долгие годы ждал король Могай сына-наследника, и когда наконец дождался, то страшно обрадовался. Он назвал сына Кристианом, в честь своего отца, и казалось, теперь у него есть всё для полного счастья. Но это было не так.

Как только королевич Кристиан появился на свет, кто-то повесил ему на шею ключик на голубой ленте.

– Кто посмел? – разгневался король Могай. – Если здесь что-нибудь заперто, значит, на то была моя королевская воля! Так какие еще нужны ключи, для чего?

И он велел няне выбросить ключик. Няня бросила ключик в мусорную яму и еще ведро золы на него высыпала. Но когда она вернулась в детскую, ключик висел на шее у королевича, как ни в чем не бывало.

Тогда король приказал зарыть ключик в саду и лично проверил, достаточно ли глубока яма. На семь с половиной сажень закопали ключик и землю плотно утоптали, но когда король вернулся во дворец, ключик на голубой ленте опять висел на шее у королевича.

– В огонь его! – воскликнул король Могай.

Ключик пробовали сжечь, пробовали утопить в глубоком озере. Его ломали, пилили, дробили и еще всячески пытались спровадить со света – но всё впустую. Ключик всякий раз возвращался к королевичу Кристиану и повисал у него на шее.

Наконец король Могай сказал:

– Пусть его!

Это означало: пусть висит. В конце концов ключик всегда можно так прикрыть одеждой, будто его там и нет вовсе.

Но он там был. И король Могай ни на минуту об этом не забывал.

А королевич Кристиан подрастал. Давно уже перестали его называть Кристиаником, все теперь говорили: королевич Кристиан. Такой он стал большой. И такой серьезный. Словно он все время о чем-то размышлял. Но о чем? Король Могай с радостью отдал бы перстень с самым драгоценным своим камнем, только бы узнать, о чем размышляет его сын Кристиан и чем он занимается, когда остается один. Но сердце королевича неумолимо закрывалось перед ним.

Была у короля Могая говорящая птица Моголь. После обеда король имел обыкновение оставаться за столом и беседовать со своей птицей.

— Так чем сегодня занимался мой сын? — каждый день спрашивал король.

— Сегодня королевич Кристиан изволил заниматься математикой, затем соизволил выслушать лекцию по истории нашего славного королевства Кантагирии, затем был урок фехтования...

— Дальше, дальше, — нетерпеливо говорил король.

— А затем, с вашего позволения, королевич Кристиан опять пытался открывать двери и замки во дворце ключиком на голубой ленте.

— Опять, значит, — вздохнул король Могай.

— Опять, с вашего позволения. Королевич изволил проверить все замки,

но ни к одному из них ключик не подошел. А затем королевичу Кристиану угодно было выйти в сад, и там он долго стоял перед чайной розой, которая растет в дальнем углу сада.

– Далось ему это место! Нет, не нравится мне это, совсем не нравится! – воскликнул король. – И о чем же они разговаривали?

– Не могу знать, с вашего позволения, хотя я и сидела неподалеку в кустах. Это была встреча без слов. Роза просто пахла, а королевич качал головой в знак того, что не понимает...

– Нет, не нравится мне это! И вообще, зачем там растут розы? – возмутился король. – Следи за королевичем, друг мой, и извещай меня обо всем.

– Рада услужить вашему величеству, – поклонилась птица Моголь.

На другой день королевич Кристиан опять отправился к чайной розе и обнаружил, что вся дальняя часть сада выкошена и вытоптана. От розовых кустов не осталось и следа. Но на обратном пути королевич заметил сорванную чайную розу, втоптанную в землю каблуком. Он поднял ее, положил на ладонь, словно раненого птенца – и тут его овеяло ароматом сильнее, чем когда-либо прежде. Это роза из последних сил пыталась что-то сказать ему. Она обращалась к нему так настойчиво и страстно, что он наконец-то понял ее. Понял всё, что она хотела ему сказать!

В тайном углу сада, скрытая зарослями ольхи, стоит стена, из-за которой каждый тринадцатый день слышен тихий плач. Найди эту стену и коснись ее ключиком на голубой ленте!

Она еще что-то говорила, но так тихо, что ничего нельзя было понять.

Королевич поцеловал умирающую розу, осторожно положил ее на землю и поспешил в тайный уголок сада. Он миновал темные заросли ольхи – и действительно! – за ними скрывалась суровая серая стена.

Королевич приблизился, достал ключик на голубой ленте, который он всю жизнь носил у сердца, и коснулся им стены.

Только он это сделал, раздался глухой треск, словно ломался лед на реке в конце зимы. В стене появилась трещина, она росла на глазах, стала широкой как ворота.

И из этих ворот вышла девушка! Одежда и волосы ее позеленели от сырости, лицо было измождено, но в глазах ее жарким солнцем сияло счастье.

– Я сестра твоя, принцесса Кристианка, благодарю тебя за избавление, – горячо сказала она.

Она протянула руки навстречу Кристиану, и он обнял ее и поцеловал.

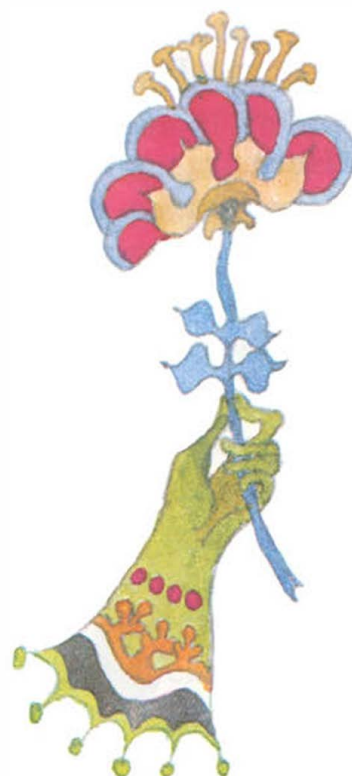
В тот же миг, словно по чьему-то тайному зову, сквозь трещину в стене ворвался ветер. Он зашумел в ольховых кронах, загудел в дымоходах королевского замка, распахнул все окна.

Король Могай в это время обедал, а в передней дожидалась птица Моголь, чтобы доложить о королевиче, доложить очень неприятные новости... и тут в палате распахнулись окна и двери, корона слетела с головы короля и покатилась к дверям. Король Могай ощупал голову, ахнул и бросился вдогонку! Корона загромыкала вниз по лестнице, вылетела из дворцовых ворот и понеслась по улице. А король за ней. Он ничего не видит, кроме катящейся перед ним короны, он бежит, а люди смеются, без короны никто не узнаёт короля Могая. Люди смеются, глядя, как несется по улице какой-то шальной человечек с салфеткой под подбородком, а за ним смешно летит какая-то странная птица...

Так они бежали, бежали – и до сих пор бегут: впереди катится корона, а за ней гонится человечек с птицей-прислужницей...

Королевич Кристиан пошел с принцессой Кристианкой в королевский дворец. А навстречу ему уже бегут люди:

– Наконец-то, королевич Кристиан, а мы уж не можем тебя дождаться!

Отец твой, король Могай, вдруг исчез без следа вместе с короной, придется тебе занять его место на троне, хотя бы даже и в шапке.

– Значит, всё же сбылось предсказание! – воскликнула принцесса Кристианка.

– Что сбылось?

– Королю Могаю однажды предсказали, что в ту минуту, когда меня кто-нибудь поцелует, он лишится короны. Поэтому он велел меня замуровать.

– Забудь обо всех своих бедах, моя дорогая, – сказал королевич Кристиан. Вместе с Кристианкой он взошел на трон королевства Кантагирии и огласил свои первые королевские указы:

Немедленно снести серую стену в тайном уголке королевского сада!

Уничтожить все тайные уголки!

Так оно и случилось.

С тех пор в стране Кантагирии повсюду проникают солнечные лучи и свежий ветер, повсюду правит справедливость.

Да здравствует король Кристиан!

Водяной

Где было – там было, за далекой далью, за широкой ширью – ты не знаешь туда дороги? Дай мне руку, мой маленький друг, и зажмурь глаза, я поведу тебя... пустынными местами, тенистыми лесами, лугами некошенными, путями нехоженными, вот мы и пришли. Слышишь музыку? Это река всё еще помнит мелодию, которую играл здесь когда-то водяной Глубочан на своей золотой скрипке.

Водяной сиживал на вербе, играл на скрипке и пел. А там, за рекой, стояла избенка, ветхая, худая, потому что жили в ней бедняки: лесоруб с женой и с целым выводком детей. Накормить их кое-как – это еще куда ни шло, а вот одеть-обуть никак не удавалось. В общем, такая нищета, что и в сказке редко бывает.

Тяжелее всех в доме переносила эту нищету дочь Зузана. Девушка была как картинка; оденься она по-господски и приди в замок на бал, молодые паны поубивали бы друг друга ради одной ее улыбки. И эту красавицу нужда заставляла ходить в заплатанной юбке, в штопаной блузке и почти всегда босиком; единственные сапоги в доме по очереди обували еще две сестры, и то лишь по воскресеньям. Но Зузанина краса не тускнела даже в заплатанной одежде, она сияла на ее лице, в золоте ее волос, во всей ее стати.

Влюбился в красавицу Зузану водяной Глубочан. Всякий раз, когда она переходила реку по мосткам, он глядел на нее сквозь листву старой вербы, и глаза его горели огнем. Водяной Глубочан был еще не стар, было ему всего триста лет, а это для водяных самая лучшая пора. Сиживал водяной на вербе, играл на золотой скрипке и пел при этом свою песню:

*Там, где подводные луга,
стоит дворец хрустальный мой,
в нем злато-серебро, жемчуга,
он светел летом и зимой.
Богатства, собранные мной,*

*не снились королю,
и нет лишь одной, и нет лишь одной:
той, кого я люблю.*

Однажды, когда Зузка шла по мосткам через реку, он окликнул ее со своей вербы:

– Зузка, эй, Зузанка!

Она остановилась, а он говорит:

– Выходи за меня замуж!

А Зузка небрежно отвечает ему через плечо:

– Как же я замуж выйду, если у меня приданого нет?

– А что это такое – приданое?

– Ну, перины, покрывала, полотно, наряды – всё, что положено иметь невесте.

– Ну, если только за этим дело стало – завтра всё у тебя будет, – весело сказал водяной.

На другое утро вышла Зузка из дома во двор – и охнула. Плетень вокруг двора был увешан белехоньким тонким полотном, полыхали яркие шелка, пестрели набивные ситцы, шифоны, батисты, перкаль и бархаты. С деревьев свисали ленты, кружева, бусы, а на колодезном колесе зеленело тонкое сукно, из которого в те времена шили юбки на свадьбу.

У Зузки мороз по коже пробежал, но вскоре она справилась со своим испугом. Вместе с сестрами она поскладывала всё это богатство в сундуки, и они живо понашивали себе юбок, блузок, фартуков. Своими нарядами они даже дочку

самого старосты перещеголяли. Но теперь Зузка избегала реки, а мостки обходила за семь верст.

А все же пришлось ей как-то пойти этим путем, и тут же она услышала:

– Зузка, эй, Зузанка, так когда ж ты за меня пойдешь?

– Ой, пока я никак не могу! – через силу засмеялась Зузка. – Мне гостей на свадьбе угощать нечем.

– Ну, если дело только за этим, – обрадовался водяной, – завтра всё у тебя будет.

Под утро деревню разбудил гул воды, крик, плач, суматоха. Это река вышла из берегов, мутные воды приносили откуда-то издалека бревна, заборы, мостки, курятники вместе с птицей, хлевы вместе со свиньями. И – диво-дивное – всё это застревало на Зузкином дворе. Половодье принесло ей дров выше крыши, свиней, птицы, даже телка с телушкой. Этого добра не то что на одну – на пять свадеб хватило бы.

Тут уж Зузка испугалась не на шутку. Неужто водяной вынудит ее выйти за него?

Побежала она за советом к одной мудрой старухе, та жила где-то аж на седьмом хуторе.

– Тетушка, так, мол, и так, посоветуйте, что мне делать?

– Тогда нужно было совета спрашивать, когда ты начала с водяным шутки шутить, – отчитала ее старуха. – Но вот тебе травка, называется она белое нето. Зашей ее себе в одежду и никогда с ней не расставайся. Белое нето не подпустит к тебе ни водяного, ни другую злую силу.

Зузка щедро отдала мудрую старуху и с той поры шага не делала без белого нето. И зажила спокойно, водяного Глубочана она больше не

встречала – не в его силах было приблизиться к ней. Со временем вышла она за пригожего парня и было им хорошо. Зузана заклинала мужа лишь об одном: вне дома держаться подальше от любой воды, – и он ей это охотно пообещал.

Однажды возвращался он с поля, жарко было, и он умирал от жажды. Не стал он дожидаться, когда дойдет до дома – свернул на луг к колодцу и нагнулся к воде, чтобы напиться. Но только он коснулся губами воды – кто-то хватъ его за язык. Это был он, водяной Глубочан.

– Обещай мне отдать то, чего ты дома не знаешь, – сказал водяной низким голосом, – а не то я утащу тебя в свое водяное царство.

„Чего я дома не знаю, того, наверное, и жалеть не стоит,“ – подумал Зузанин муж и кивнул: согласен, мол.

Тут водяной его отпустил, и он пошел домой.

Поддай мне руку, мой маленький друг, мы пойдем с ним. Как стучит твое сердце! Разумом ты еще не понимаешь, но сердцем чувствуешь: то, о чем мы не знаем, бывает важнее всего на свете.

Приходит муж домой, а жена ему говорит:

– Радуйся, муженек! К весне у нас в доме будет на одного больше.

Но Зузанин муж не обрадовался. Сердце у него сжалось, и он заплакал, поняв, что сегодня пообещал водяному своего ребенка, который еще и родиться не успел. Когда он рассказал Зузана, что случилось, она безмерно опечалилась, и с той поры правый ее глаз все время лил слезы.

Ребенок родился благополучно, это был чудесный мальчик. Зузана сразу зашила сыну в рубашечку белое нето, чтобы не смог к нему приблизиться ни водяной, ни иная злая сила. Мальчик рос здоровый, красивый, веселый. Только одно его огорчало: что родители строго-на-строго запретили ему ходить на реку.

Так прошло двенадцать лет. Однажды собрались ребята на речку купаться. Зузанин сын остался на берегу и глядел, как остальные плещутся в воде. И вдруг его охватило неодолимое желание искупаться. Позабыл мальчик про родительский запрет, разделся, положил одежду под куст, а вместе с нею и белое нето, которое хранило его. Только он вошел в воду, что-то потянуло его вниз, и больше его никто не видел, ни живым, ни мертвым.

После этого несчастья у его матери Зузаны начал слезиться второй глаз.

Из обоих ее глаз не переставая лились слезы. Они и тогда не перестали литься, когда старый лесничий из долины пришел ей сказать, что в лунную ночь он видал водяного – и был это совсем молодой водяной, очень похожий на ее сына.

С тех пор Зузана часто ходила к реке, вечерами сидела под той вербой до глубокой ночи, но ни разу ей не посчастливилось увидеть ни сына, ни водяного Глубочана.

Не звучала больше его золотая скрипка, не слышна была его песня любви. Но река запомнила песню и лунной ночью – вот такой, как эта – иногда тихонько поет ее. Прислушайся:

*Там, где подводные луга,
стоит дворец хрустальный мой,
в нем злато-серебро, жемчуга,
он светел летом и зимой,
Богатства, собранные мной,
не снились королю,
и нет лишь одной, и нет лишь одной:
той, кого я люблю.*

Дети и дракон

Под скалами в глубокой долине жил дракон.

Когда-то он был просто огромным змеем, но когда ему минуло двести лет, у него начали расти крылья. Крылья росли, становились всё больше и больше, и еще через сто лет змей превратился в настоящего дракона. Спина у него стала тверже железа и вся растрескалась, как кора старого дерева, а хвост был длинный и могучий.

Этот дракон был самый старый и самый сильный из всех змей, поэтому он стал змеиным королем. Но был и над ним господин, которому он вынужден был повиноваться – это был волшебник Чернокнижник.

У Чернокнижника была волшебная Черная книга. Стоило Чернокнижнику прочесть из нее волшебный стих, и дракону волей-неволей приходилось выползать из-под скалы.

Чернокнижник накидывал на него уздечку, садился ему на спину, и они взлетали ввысь.

Они летели словно огненное облако. Дракон бил хвостом, и тогда воздух вскипал и бурлил, как вода в горном потоке.

Дракон ненавидел людей, и будь его воля, он бы их всех сгубил. Но Чернокнижник не хотел этого допустить. Ведь люди приносили ему яйца от черных кур и молоко от черных коров, а это была его любимая еда и питье. Поэтому он старался уберечь людей от драконьего гнева.

Летят они, бывало, над деревнями, над тучными полями, и дракон спрашивает:

– Где мы летим, что там под нами?

– Летим над горами, под нами леса, – отвечает Чернокнижник.

Дракон леса любил, в лесу он вырос и губить его не хотел. Поэтому он сдерживал свою злобу и старался лететь спокойно.

Люди в деревнях и на полях при виде их испуганно умолкали, снимали шапки и низко кланялись Чернокнижнику, а матери шептали своим детям:

*Дети, гнитесь ниже,
летит Чернокнижник
на грозном драконе,
в железной короне...*

Немного погодя дракон опять спрашивал:

– А теперь где мы летим, что там под нами?

Внизу простирались бескрайние леса, но Чернокнижник отвечал:

– Теперь мы летим над деревнями и полями.

Тут дракон начинал бить хвостом с такой яростью, что каждым ударом выкорчевывал полосу леса. И всё вокруг стонало, будто весь мир рушился.

Налетается дракон, отбушует, даст волю своей ярости, но потом по приказу Чернокнижника покорно возвращается под свои скалы в глубокой долине.

И вот что однажды случилось.

Днем Чернокнижник улегся спать, а сундук, в котором хранил свою Черную книгу, забыл запереть.

Ну, а двое его детей, мальчик и девочка, давно уже этого дожидались.

Тут же вынули книгу, стали ее листать и наткнулись на страницу, на которой было написано заклинание дракона. Мальчик умел читать, вот он взял и прочел вслух:

*Выползай,
король змеиный,
из-под скал
среди долины!*

Как только он эти слова произнес, дракон выполз из-под скалы, распростер свои крылья и взлетел в воздух.

Вот тут-то и началось!

Дракон буйствовал в небе, бил хвостом, и деревья в садах выдергивало из земли словно рассаду из грядок, крыши с трубами слетали на землю, всё ходило ходуном и кружилось, будто в адском котле.

Увидев, что дракон вылетел без своего наездника, люди страшно испугались. Кто был посмелее – те набрали по домам яиц от черных кур и молока от черных коров и побежали к Чернокнижнику.

– Где отец? – спрашивают у детей.

– Спит, – отвечают дети. А сами спешат убрать Черную книгу в сундук – видят, что дело плохо.

Стали люди будить Чернокнижника, но тот спал, как убитый. Пришлось

подергать его за нос и пощекотать ему пятки – только тогда он открыл глаза.

– Что вам здесь надо? – сердито прикрикнул он на людей.

Но когда он увидел яйца от черных кур и молоко от черных коров, тут весь его гнев как рукой сняло.

– Верни дракона на землю, очень тебя просим! Усмири его, пока все мы не погибли! – стали умолять его люди.

Чернокнижник открыл сундук, достал Черную книгу и прочел заклинание:

*Повелитель змей,
в ярости своей
мир губить не смей!*

Дракон приутих и, казалось, вот-вот послушается – но тут же снова взъярился. Без уздечки и без хозяина вольготно ему было в небе, и он вздумал выйти из повиновения.

Но Чернокнижник воскликнул во второй раз грозным голосом:

*Повелитель змей,
вниз лети скорей!
Ну, живей!*

И столько властной силы было в этих словах, что дракон не посмел ослушаться. Он даже хвост поджал под себя, словно провинившийся пес. Поспешно он спустился на землю и покорно влез под свою скалу в глубокой долине.

Любор и Любка

Не девушка была, а просто загляденье. Стан тонкий, голос звонкий, щечки налитые, косы золотые. И звали ее тоже хорошо: Любка.

Заглядывались на Любку парни со всей округи, но ей никто не был мил кроме ее Любора.

Любор был парень стройный как тополь, высокий, сильный, и к тому же добрая душа. Одна беда: был он гол как сокол, не было у него ни вола, ни стола. Да и какой Любору прок от вола, если не было даже кола, чтобы этого вола привязать. И на что ему был стол, если некуда было его поставить. Не было у Любора своей крыши над головой, всю свою жизнь он батрачил, мыкался по чужим дворам.

Однако Любку это нисколько не огорчало. У нее сердце пело от счастья, когда Любор приходил под окошко, ручку ей пожимал и ласковые слова говорил.

Зато родители девушки только о том и думали, как бы им Любора от Любки отбить, как бы их любовь загубить.

И придумали наконец.

Однажды, когда Любки дома не было, вколотил отец в оконную раму ножи да бритвы. Подвечер пришел Любор, протянул руки к своей милой и – что же это, господи! – ножи в оконце чуть-чуть руку ему не отхватили.

Разгневался Любор, решив, что эта измена – Любкиных рук дело. Повернулся и пошел прочь. Пропал из виду, пропал из деревни, ни одна живая душа не знала, куда он подевался.

Любка, ясное дело, сразу поняла, что случилось, когда утром увидела окровавленное окно, а в оконной раме – вколоченные ножи и бритвы. Отцу-матери слова не сказала, тайком узелок увязала и однажды еще до свету отправилась искать своего Любора.

Шла она, не разбирая дороги, шла в любую погоду и каждого встречного

спрашивала: не видал ли он такого-то, статного, сильного, красивого – неужто не попадался? Но никто ей ничего сказать не мог.

Долго Любка ходила, долго бродила и пришла наконец к какому-то замку.

Замок выглядел пустым и безлюдным, но ворота сами перед ней распахнулись и она вошла. Полон замок сокровищ, а ни души не видать, только летает по замку большая зеленая птица и всё поет: „Вилюм! Вилюм!“ – как будто Любку за собой зовет.

И Любка идет за ней из комнаты в комнату, из одной прекрасной палаты в другую: всюду золотые столы, на столах золотая посуда, на стенах – сверкающее оружие. Пришла Любка в последнюю палату, а там полным-полно дорогой одежды, но только мужской. Нарядилась Любка в мужскую одежду, одела серебряный панцирь с тремя золотыми обручами и сразу стала похожей на прекрасного юного рыцаря или на принца. А та большая зеленая птица всё летала вокруг нее и пела: „Вилюм! Вилюм!“, словно звала ее куда-то.

Пошла Любка за птицей, и та привела ее в конюшню, где били копытами, трясли гривами четыре великолепных коня. Запрягла их Любка в карету, и кони понеслись! Летели как на крыльях, пока не остановились на одном постоялом дворе в королевской столице. Любка отдала коней на попечение слуги, а сама вошла в дом, велела подать себе обед и спрашивает у хозяина:

– Ну, хозяин, расскажи-ка, что у вас нового в городе?

– А то у нас нового, – говорит хозяин, – что наша принцесса выходит за доброго молодца, который ее от дракона освободил. На сегодня была назначена свадьба, а тут как назло первый дружка заболел. И теперь неясно, будут ли эту свадьбу справлять.

Тут хозяин присмотрелся к гостю и говорит:

– А вы, молодой пан, не пошли бы первым дружкой?

– Отчего ж не пойти! – отвечает Любка.

Хозяин дал знать во дворец, и вскоре прибыл оттуда королевский советник: мол, так и так, король и принцесса спрашивают, не заменит ли молодой пан первого дружку на свадьбе.

Пришла Любка на свадьбу в королевский дворец, взглянула на жениха – и обмерла! Ведь это же Любор, которого она столько времени ищет

и найти не может. Она так тяжело и горестно вздохнула, что один из золотых обручей панциря со звоном лопнул на ее груди.

– Что это зазвенело? – спрашивает сваха.

– Обруч лопнул! – отвечает Любка. – Неужто Любкино сердце не лопнет, когда ее милый пойдет под венец?

Но сваха ее не слушала, у нее ведь своих хлопот был полон рот.

Подошла Любка к невесте, взглянула на ее счастливое лицо – и второй обруч со звоном лопнул на ее груди.

– Что это зазвенело? – спрашивает невеста.

– Обруч лопнул! – отвечает Любка. – Неужто Любкино сердце не лопнет, когда ее милый пойдет под венец?

Но разве станет невеста в такую минуту вслушиваться в чьи-то слова? Она как раз расправляла золотую кайму на своем драгоценном наряде.

Перед алтарем подвел дружка невесту к жениху. И когда Любка приблизилась к Любору, лопнул третий золотой обруч на ее панцире.

– Что это зазвенело? – спрашивает жених.

– Обруч лопнул! – отвечает Любка. – Неужто Любкино сердце не лопнет, когда ее милый с другой идет под венец?

Вгляделся Любор дружке в лицо, узнал свою Любку и понял, что она держится на ногах из последних сил. Схватил он ее за руки, повернулся к королю и принцессе и говорит:

– Чему быть, тому не миновать: Не та моя невеста, что стоит здесь в золотом венце, а та моя невеста, у которой от горя сердце разрывается. Вот она, моя любимая.

И рука об руку с Любкой ушел Любор от алтаря. На постоялом дворе сели они в карету, и четверка коней вихрем полетела к покинутому замку, а там ворота сами перед ними распахнулись. Большая зеленая птица размахивала крыльями на пороге и громко пела: „Вилюм! Вилюм!“

Любка погладила ее и поцеловала. В ту же минуту зеленая птица превратилась в старика в богатом княжеском наряде.

– Добро пожаловать, молодые, в мой замок, который отныне будет принадлежать вам, – сказал старый князь. – Двести лет ждал я этого часа и наконец-то дождался. Был и я когда-то молодым и красивым, как вы, но я скверно поступил с девушкой, которая любила меня. Я бросил ее ради другой, и она прокляла меня: до тех пор должен был я летать в своем замке зеленой птицей, пока не помогу двум другим людям найти свое счастье. Долго пришлось мне ждать, страшно долго, ибо, знайте, подлинной любви на свете меньше чем золота, меньше чем драгоценных камней. Из всех сокровищ любовь драгоценнее всего, поэтому храните ее, дети мои.

Молвил и тихо скончался, так вот догорает и гаснет свеча.

Любор с Любкой похоронили старца и остались жить в замке. И вскоре замок ожил. Вокруг него расцвели цветы, во дворе загромыхали кареты с гостями, а через год-другой в нем уже и детские голоса щебетали.

Жили Любор и Любка в счастье и любви, и было ее у них столько, что иным бы на три жизни хватило. Жили долго и сейчас еще живут. Вы хотите знать – где? – В той стране, где о счастливых супругах не говорят: „Живут как голубок с голубкой“, а говорят: „Живут как Любор с Любкой“. Вот там они и живут.

Янко Горошек

Только Янко Горошек родился, и ему уже понравилось на белом свете. Зато мать его убивалась:

– Боже мой, боже, какой же он малюсенький, этот мальчонка, как горошинка! Что же из него, такого крошечного, будет? А мне-то, бедной, что же делать? Придет родня с сыном поздравить, а мне и угостить их нечем, в кладовке хоть шаром покати. И отец с поля еще когда только придёт!

Мальчик с горошинку подпрыгнул, чтобы мама его лучше видела, и говорит:

– Матушка, не огорчайтесь, всё у нас будет!

Выбежал из дому прямо в лес, в лесу поймал дикого кабана и принес его на плечах домой.

– Ну, мама, теперь жарьте, варите! Если придут гости – голодными из-за стола не встанут. А имя, – говорит, – мне дайте такое: Янко Горошек.

Тут как раз вернулся с поля отец и спрашивает:

– Так кто же у нас родился, мальчик или девочка?

– И не девочка, и не мальчик, – закричал Янко Горошек, да так, что стены задрожали, – а родился у вас парень!

Сел Янко с отцом за стол, стали они есть и пить: отец миску, Горошек – две, отец кружку, Горошек – две.

– Вижу, ты и в самом деле парень хоть куда, – говорит отец, – завтра пойдем пахать, посмотрю я, каков ты в работе.

А Янко и рад, он-то ведь знал, что пахота – работа для настоящих парней.

Пришли на поле. Янко Горошек прыгнул волю в ухо и давай командовать: „Но, Кеша, ну, Серый!“ Волы пашут, будто пляшут.

Отец видит, что работа и без него идет на славу, взял и завалился под вербу, шляпу на глаза надвинул и задал храпака.

Едет мимо пан на коне:

– Эй, мужик, чего дрыхнешь? Гляди, у тебя волы по полю ходят без присмотра.

Вскочил отец на ноги, глубоко поклонился пану:

– Волы не сами по полю ходят, ваша милость, мой сын Янко их погоняет.

Пан глядит, глаза вытаращив, но никакого сына не видит. А тот знай покрикивает: „Но, Кеша, ну, Серый!“

– Слышать-то я его слышу, – говорит пан, – а нигде не вижу. Где же он, черт подери?

– Он, ваша милость, у левого вола в правом ухе сидит.

Заглянул пан вола в ухо и глаза у него загорелись словно у хорька:

– Неслыханное чудо! Продай мне мальчонку, мужик, я тебе за него двадцать дукатов дам.

– Нет, ваша милость, не продам. Как же можно, ведь это моя кровиночка!

– Пятьдесят дукатов!

– Очень мнегодились бы такие деньги, ваша милость, но не могу!

– Ладно, даю тебе сто дукатов! И по-хорошему тебе советую: бери, пока даю, а не то может статься, что и вовсе ничего не получишь!

Тут Янко Горошек подмигнул отцу: „Соглашайтесь, батюшка, я ведь от него все равно уйду!“

Отец и согласился. Пан достал кошель, отсчитал отцу сто дукатов, а Янко Горошка сунул в кошель к остальным деньгам – и поскакал прочь! Едет и думает: „То-то жена обрадуется живой игрушке!“

В кошеле было темно и тесно, и дышать нечем. Достал Янко Горошек ножик и – чирк! – разрезал кошель и карман у панской куртки. Сразу стало легче ды-

шать. А потом он начал выбрасывать из кошелька дукат за дукатом, а за последним дукатом и сам вывалился. Побежал домой и по дороге все монеты подобрал, а было их немало.

Приходит он домой и говорит отцу:

– Ну, вот, батюшка, я и вернулся, да еще и денег принес.

А тот головой качает:

– Ох, сынок, сынок, добром это не кончится!

Мать в это время как раз галушки собралась варить. А у Горошка с голоду уже трубы трубят в животе; вот он и вскочил на край горшка, стоявшего на огне, и стал галушки вылавливать. Только галушка всплывет, он ее цоп! – и в рот. Никак наесться не может.

Тут раздался топот во дворе, словно целый конный полк прискакал. Разлетелись двери и ввалился тот самый пан со своими гайдуками, мол, так и так, сбежал прохвост-мальчонка, да еще и деньги с собой прихватил. И не иначе как он домой вернулся, пусть его же на месте и выдадут!

Горошек шепнул матери:

– Скорее накройте горшок крышкой!

Так она и сделала.

Искал пан Горошка, искали его гайдуки, всё вверх дном перевернули, но заглянуть в горшок на огне никому и в голову не пришло. А Горошек там маялся в пару, но терпел.

Так и не нашли его, зато нашли и отобрали отцовские дукаты, и волов со двора свели – вместо штрафа. А пан всё грозил, что он еще доберется до мальчика!

Как только пан со своими гайдуками ушел, мать живо сняла с горшка крышку, Янко выскочил из него и забегал по комнате, совсем одурел от горячего пара. Но потом всё как рукой сняло, он даже здоровее стал, закалившись в кипятке.

– Отец мой и матушка, – сказал Янко, – придется мне вас покинуть, потому что здесь мне покоя от пана не будет, да и вам тоже. Пойду-ка я на белый свет поглядеть и счастья поискать.

Жалко было отцу с матерью отпускать Янко. Но что поделаешь, ведь он был прав. И они его отпустили.

Идет он по белу свету, далеко уже зашел и повстречал на дороге возчиков: они железо везли на семи возах.

– Доброго пути вам, мужики! – поздоровался он с ними.

А те давай гоготать: Смотрите, горох по дороге катится и в мужика играет. Смотри, как бы на тебя не наступил кто-нибудь!

„Вот вы как?“ – подумал Горошек, и от гнева у него силы прибавилось втрое. Поплевал он на руки, уперся плечом в придорожный холм и сдвинул его на дорогу.

Тут возчики заохали, мол, что делать, то ли на дороге оставаться, то ли домой ворочаться?

– А всё оттого, что вы малыша на смех подняли вместо того, чтобы вежливо с ним поздороваться, – говорит один возчик. – Бегите за ним, попросите вернуться и помочь нам.

Сразу двое припустили за Янко Горошком, стали его уламывать. Тогда он вернулся и говорит:

– Освобожу я вам дорогу, если дадите мне столько железа, сколько я на плечах унесу.

Те согласились.

Глядят возчики на Горошка, а тот уперся в землю ногами, поднажал немножко – и плавно отодвинул холм словно кусок масла.

Теперь стали они класть железо ему на плечи. Первый воз опорожнили, за ним второй, уже и на третьем возу ничего почти не осталось.

– Ну что, неужто тебе всё мало?

– Валяйте, кладите еще, я с таким грузом играючи дерево перепрыгну.

Взял и перескочил через двухлетнюю елочку.

Пришлось возчикам опорожнить все семь возов, а Горошек пошел дальше с этим железом, насвистывая.

Пришел он к одной кузнице и скинул с плеч эту гору железа, только земля задрожала. Выбежал из кузни кузнец: что это делается, что за светопреставление?

– Не пугайся, – говорит Горошек, – это я железо принес, а ты выкуй мне из него палицу.

– Так значит, ты это железо принес? – захохотал кузнец. – Ах, паршивец, тебя ведь от земли не видать! И откуда только такая мелюзга берется?

Тут Горошек рассердился не на шутку:

– Гляди, зубы себе не обломай о такую мелюзгу! – воскликнул он, подхватил железо и перебросил его через кузню. И когда железо упало по ту сторону, кузня подпрыгнула на добрых две пяди.

Испугался кузнец, стал упрашивать Горошка, чтобы простил обиду и не гневался больше.

– Ладно уж, – говорит Горошек, – но палицу ты мне все-таки выкуй. Сумеешь?

Двадцать четыре молотобойца ковали палицу. А кузнец в это время угощал Янко Горошка: кузнец ел и пил за троих, а Горошек – за пятерых.

Двадцать четыре дня ковали палицу двадцать четыре молотобойца. Весила она девятьсот девяносто девять пудов – как раз по руке Горошку.

Щедро расплатился он за работу, за угощение и отправился дальше.

Шел он, шел, и вдруг заметил, что башмаки у него разодрались, пальцы из них выглядывают. Отложил он палицу и уселся в тенок под грибом, чтобы солнце его не слепило. Достал из кармана дратву и стал башмаки чинить.

Шел мимо мужик, остановился возле гриба и вздумал на этом месте присесть передохнуть.

– Но-но! – кричит Горошек. – Сюда не садись, здесь люди!

Стал мужик оглядываться, а под гриб-то и не заглянул. Подумал мужик,

что это ему померещилось, и решил всё-таки сесть. Тут Янко Горошек подставил шило, и оно кольнуло мужика. Тот взвыл и пустился наутек.

– Говорил я тебе, что здесь люди! – раздалось из-под гриба, но мужик был до того напуган, что и оглянуться не посмел.

Потом уже Горошек спокойно дочинил свои башмаки и пошел дальше, в глубокий лес.

Вдруг видит он большой костер на поляне. Сидят вокруг костера одиннадцать разбойников и пекут целого вола. Вскарабкался Янко на ель и глядит на них сверху. Вол уже испекся, на семь верст вокруг жареным мясом пахнет. Выкатили разбойники из кустов бочку вина, едят, закусывают. Не стерпел Горошек, сорвал шишку и швырнул в разбойника, который подносил ко рту чашу вина. „Ты будешь винищем наливать, а мне от жажды подышать?“ Выбил чашу у него из руки, потом у второго, и третьего, и так до одиннадцатого.

Разозлились разбойники, стали искать, кто это с ними такие шутки шутит. Искать искали, а найти никак не могли, пока он сам с дерева не слез. Говорит им Горошек:

– Не меня ли вы ищете? Так вот он я.

– А ты что за птица? – спрашивают они.

– Разбойник, как и вы.

А они давай смеяться:

– Гляньте, каков разбойник с гороховой грядки! Вашего брата по девять штук на один стручок!

Они бы, пожалуй, до самого утра хохотали, если б Горошек не подхватил свою палицу и не стал крутить ее над их головами. Тут они живо присмирели, усадили его к себе как ровню, угостили мясом и вином как полагается.

На другой день собирались разбойники выбирать себе капитана, а как это сделать – сами не знают. Один то советует, другой это. Горошек говорит им:

– Что вы спорите? Подбросьте вверх свои палицы, у кого она позже всех на землю упадет, тот и будет капитаном.

Так они и сделали.

Стали они бросать вверх свои палицы, а потом говорят Горошку: раз ты к нам пришел, бросай и ты. Тот не заставил себя долго упрашивать,

взмахнул палицей над головой разок-другой – и швырнул вверх. Долго все ждали, когда палица упадет, но так и не дождались. Вечером спать улеглись, утром повставали, а палицы всё нет. Наконец, к полудню упала она с неба со свистом и зарылась в землю так глубоко, что и следа от нее не осталось.

Пришлось разбойникам назвать Горошка своим капитаном, хотя это не всем было по вкусу. Ну, а он грустил, он всё о своей палице думал. Наконец говорит Горошек:

– Вот что, ребята, не будет у нас дела, пока палицу мою не достанем из земли.

Велел он им землю рыть. Три дня копали разбойники, чуть ли не до самого пекла докопались, а от палицы один только кончик выглядывает. Но Горошку и этого было достаточно. Ухватился он за этот кончик и одним рывком выдернул палицу. И сразу отлегло у него от сердца.

Был в той стране расчудесный королевский замок, серебром обитый, золотой крышей крытый. А какое богатство там внутри было – этого и рассказать нельзя. Не раз пытались разбойники подобраться к этому замку, но как только они подойдут к нему на версту – тут же закукарекает на золотой крыше петух, все в замке просыпаются и поджидают разбойников. Не раз и не два им там ребра пересчитали, кровью поумывали.

– Ну, с таким лихим капитаном можно и в замке счастья попытать, – говорит как-то один из разбойников.

– А что ж, и попытаем, – отвечает Горошек, а сам думает: „Будь у меня золото, купил бы я отцу волов.“

Но идти в замок пешком ему не хотелось.

– Ребята, – говорит Горошек, – замок далеко, а мне, капитану, негоже пешком идти, да еще палицу волочить за собой.

Велел он десяти разбойникам нести его палицу, а сам сел одиннадцатому в карман. Карман был глубокий, темный, и пахло в нем чесноком. Тогда стал Горошек то

и дело из кармана выскакивать, камешки на дороге подбирать и в карман класть. Набрал полный карман камней и сидит на них довольный.

– Откуда такая тяжесть? – говорит разбойник и хочет пощупать карман. Но Горошек всякий раз его руку отпихивал:

– Не лапай капитана!

Только, когда у разбойника стали колени подламываться от тяжести, Горошек выпрыгнул ему на шляпу и смеется, заливается. Но тому что-то было не до смеху, да и остальные поглядывали на Горошка исподлобья. Тяжеловата показалась им его палица.

Приблизились они к замку на одну версту и на один шаг и остановились. Горошек раскрутил палицу над головой и – фрр! – сшиб петуха с крыши, тот и пикнуть не успел. Разбойники подкрались к сокровищнице замка, Горошек протиснулся через замочную скважину и тихонько подошел к окошку, чтобы открыть его и остальных впустить. И тут вдруг слышит, как они под окном совещаются:

– Теперь, без палицы, он совсем слаб, мы с ним запросто справимся. Самая пора от этого недомерка избавиться.

„Ага, вот вы каковы,“ – подумал Горошек, но виду не подал.

Полез в окошко первый разбойник, Янко щелк его по лбу, тот и свалился без памяти. Так он всех в окошко втаскивал, по лбу щелкал и укладывал рядом словно бревна. Для верности руки-ноги им посвязывал и пошел в королевские палаты.

Велел Горошек разбудить короля и говорит ему:

– Ваше величество, у вас разбойники в сокровищнице.

Король испугался и велел трубить тревогу.

– Но они там связанные лежат, – говорит Янко.

Король обрадовался и тут же пошел поглядеть на разбойников. Они там лежали дрова-дровами.

– А кто же их поймал? – спрашивает король. – Эти негодяи который год мне спокойно спать не дают.

– Я их поймал, ваше величество, – говорит Горошек.

И он рассказал, как было дело. Король смерил его взглядом:

– Может, всё так и есть, но это еще нужно доказать.

– Хоть сейчас, – говорит Янко, – только, пожалуйста, велите разыскать и привезти мою палицу.

Послал король слуг на поиски Горошковой палицы. Через час-другой слуги вернулись и говорят:

– Нашлась палица в полуверсте от замка, до половины в землю зарылась. Но очень уж она тяжела, без коней нам не обойтись.

– Так запрягите пару коней, – сказал король и с удивлением поглядел на Горошка.

Проходит какое-то время – опять возвращаются слуги:

– Двух лучших коней запрягли, ваше величество, но они палицу даже с места не стронули.

– Так запрягите четверку коней, – говорит король, а сам всё Горошка взглядом меряет, словно что-то у него в голове не укладывается.

Снова приходят слуги:

– Ваше величество, запрягли мы четырех наилучших коней из королевской конюшни, но они палицу только на три пальца сдвинули.

– Так запрягите шестерик и привезите ее наконец!

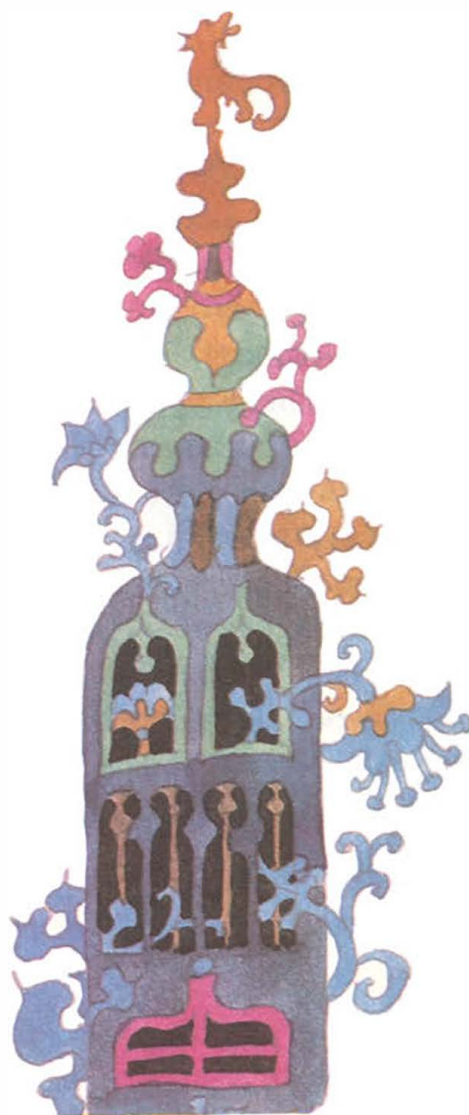
Шесть коней, все в пене, втащили палицу во двор замка, ногами в землю по колена зарываясь.

Янко Горошек взял палицу и раскрутил на мизинце левой руки. Воздух зазвенел, у придворных шляпы взлетели вверх, перьями замахали и поднялись выше золотой крыши. А у девиц юбки раздулись, вот-вот оторвутся и тоже улетят, пришлось удерживать их руками изо всех сил.

– Довольно, довольно! – вскричал король.

Подозвал Янко Горошка к себе и говорит:

– Вижу, что силы тебе не занимать, но ведь не только в ней дело. Если именно ты сбил петуха с крыши моего замка, значит, глаз у тебя меткий и рука верная. Вот в этом я и хочу убедиться. В саду второго

моего замка растёт куст лещины, а на самой его верхушке – три драгоценных лесных ореха. Если ты, не сходя с этого места, сумеешь сбить хоть один из трех орехов, не повредив лещину – быть тебе моим зятем, а со временем и королем этой страны. А не сумеешь – значит, ты плут и обманщик, и я велю казнить тебя без всякого сожаления.

Озадачился Янко Горошок. Не то чтобы он боялся промахнуться, этого у него и в мыслях не было! А вот не был он уверен, пришла ли пора ему жениться. Но, поразмыслив немножко, он решил: „А почему бы и нет, разве мало я совершил славных дел?“

Взял он свою палицу, прицелился и – фук! Со свистом и звоном полетела палица и коснулась самой верхушки лещины, нимало ее не повредив.

Через два часа прибегает из второго замка садовник и протягивает на ладони три орешка:

– Пресветлый король! – говорит он запыхавшись. – Неведомо кто сшиб с лещины все три драгоценных ореха!

Король похлопал Горошка по плечу:

– Вот теперь я вижу, что ты мне всё рассказал по правде.

Взял он один орешек, расколол и достал из него чудесное звездное платье.

– Дочь моя старшая, – говорит, – вот твоё свадебное платье. Подойди и поцелуй жениха.

Но принцесса надула губы.

– Вот это, что ли, мой жених? Ни за что! Ведь его же первая встречная кошка слопает!

Король нахмурился, но ничего ей на это не возразил. Взял второй орешек, расколол и достал из него чудесное лунное платье.

– Дочь моя средняя, – говорит, – вот твоё свадебное платье. Подойди и поцелуй жениха.

Но принцесса захихикала:

– И это вот мой жених? Ни за что! Ведь наш повар из него гороховый суп сварит!

Ещё больше нахмурился король, но ничего не ответил и на этот раз. Расколол он третий орешек и достал из него чудесное солнечное платье:

– Дочь моя младшая, это твоё свадебное платье. Подойди и поцелуй жениха.

Младшая принцесса смотрит на Горошка, Янко Горошек смотрит на принцессу. Если и эта его отвергнет, он умрет от стыда и горя.

Но тут принцесса, побледнев, подходит, наклоняется к самой земле и целует Янко Горошка.

В ту же минуту Горошек почувствовал, что кожа его стала ему тесна. И почудилось ему, будто кто-то приподнимает его. Глянул он вниз – а он на каких-то длинных ногах стоит.

– Дайте же мне зеркало, – сказал он.

Принесли большое зеркало, заглянул он в него – нет Янко Горошка! А из зеркала смотрит на него какой-то статный юноша. Но тут младшая принцесса бросилась этому юноше на шею и назвала его „милый мой Янко“, и только тогда он понял, что это он сам и есть. Младшая принцесса ликовала от счастья, а ее старшие сестры раздувались от злобы как жабы.

И была большая свадьба. Приехали на нее родители Горошка, да так и остались при сыне навсегда. Грелись на солнышке, с внучатами забавлялись. А если, бывает, соскучатся по крестьянской работе, то возле замка всегда найдется для них дело.

Старому королю со временем надоело править, и он уступил трон своему зятю. Стал Янко Горошек королем, и правил он долго и счастливо – до самой смерти.

Смелая Софья

Жил когда-то один король – страстный охотник. Недели не проходило, чтобы во дворе замка не звучали охотничьи рожки, не заливались лаем нетерпеливые собаки. Во всех коридорах и покоях замка красовались королевские трофеи: нависали великолепные оленьи рога, скалились головы диких кабанов, медведей, рысей и зубров, неживыми глазами глядели орлы, дрофы, ястребы. И всякий раз охотничья дружина возвращалась с полными возами дичины.

Так продолжалось много лет, и звери в лесах убывали прямо на глазах. Больше терпеть было нельзя, и тогда медведь, хозяин леса, созвал всех зверей на совет.

– Он застрелил мою мать, когда я была еще детенышем, – пожаловалась серна. – И сестричка моя тогда же погибла, а сама я спаслась только чудом.

После нее вышел вперед зубр:

– Из всего нашего рода остался лишь я один, – сказал он угрюмо. – Вместе со мной вымрет все наше славное племя.

И так все подряд. Все звери обвиняли короля, ни один за него не заступился. Наконец, все решили, что за свою жестокость король ничего иного не заслуживает, кроме смерти.

Таков был приговор.

И вот на следующей охоте дорогу королю перебежал великолепный олень и тут же скрылся в чаще. Король за ним. Олень показался снова, тряхнул головой, увенчанной ветвистыми рогами, и вновь скрылся в чаще. Началась бешеная погоня, король оторвался от своей дружины, летит, сам не зная куда... Тут конь его вдруг увяз в трясине, земля под ним расступилась и поглотила коня вместе со всадником.

Долго разыскивала короля его дружина: каждый куст осмотрела, каждую пещеру обрыскала, каждую пропасть обшарила – всё напрасно. Пришлось возвращаться домой без короля.

Так и пропал король, и стала править страной королева, жена его. Королева не увлекалась охотой или какой-нибудь другой забавой и правила справедливо. Но вот беда: с тех пор, как пропал король, стала в замке шалить нечистая сила, особенно по ночам. И когда напуганные слуги все разбежались из замка, что оставалось делать королеве? Покинула она свой замок и переехала в другой. Но это очень ее огорчало, потому что тот, первый замок она любила больше всего.

И велела она кликнуть клич по всей стране: кто переночует в том замке

хотя бы одну ночь, тот получит такую награду, какую сам себе пожелает.

Разлетелась эта весть по всей стране, стали один за другим приходить смельчаки, готовые переночевать в опустевшем замке.

Но когда в глухую полночь стены замка начинали дрожать от страшного рыка и рева, писка и визга, любой пускался наутек и больше уже там не показывался.

А где-то там в одной маленькой деревушке жила девушка Софья, красивая, прилежная, добрая, но бедная, как церковная мышь. Присмотрел ее один парень, и она его полюбила; хотели они пожениться, только его родители и слышать об этом не желали:

– Сынок, выбрось ты эту голодранку из головы! Ведь

она к тебе в хозяйство даже корову не приведет, небось, у нее в приданом даже приличной юбки не найдется.

И это была чистая правда, и оттого Софья и ее парень были очень опечалены: знать, судьба не хотела, чтобы они были вместе.

И тут услышала наша девушка про награду, обещанную королевой. Собралась она в путь, приходит к королеве и говорит: так, мол, и так, попытаюсь я переночевать в том замке.

– А знаешь ли ты, девушка, сколько смельчаков бралось за это дело и уходило ни с чем? – говорит ей королева.

– Слышала я об этом, ваша милость, но все же хочу попробовать. А в награду я немного прошу: одну корову и одну зеленую юбку.

– Ты можешь просить и много больше, – улыбнулась королева и хлопнула в ладоши.

Вошел придворный.

– Отведешь эту девушку в заклятый замок и дашь ей всё, что понадобится, – велела королева.

Но Софье ничего не понадобилось. Она заранее взяла из дому прялку с куделью, а в пустынном замке выбрала себе комнатку с камином, чтобы в ней переночевать. Разожгла в камине огонь и села прясть, чтобы время быстрее шло.

Пришел вечер, приблизилась ночь. Тишина везде, только огонь в камине потрескивает. Но в самую полночь поднялся вдруг рев и рык, и писк,

и скрежет, словно ожили вдруг все звери, чьи шкуры, головы, рога и бивни украшали стены замка.

А когда шум стал таким страшным, что страшнее уже и быть не могло, всё вдруг стихло и слышны были только тяжелые шаги, приближавшиеся к комнате. У дверей шаги затихли, двери сами собой распахнулись, и вошли четыре чудовища: ноги у них были медвежьи,

пасти волчьи, а рога как у зубра. На плечах они несли носилки с мертвым телом. Чудовища поставили носилки наземь и молча вышли вон.

Софья даже бровью не повела, сидит, прядет, только руки у нее трясутся.

Тут покойник на носилках открыл глаза и сел. На нем богатый наряд, на голове шапка с маленькой коронкой.

– Прядешь, девушка? – обратился он к Софье.

– Пряду, господин мой, – отвечает она.

– А знаешь ли ты, кто я?

– Нет, не знаю, господин мой.

– Так знай, что я король этой страны. А передашь ли ты королеве то, что я тебе сейчас скажу?

– Охотно передам, ваша милость, – говорит Софья.

– Так скажи ей, что мое мертвое тело лежит в седьмой долине на самом краю трясины. И скажи, пусть устроит мне королевское погребенье и похоронит меня в той церкви, где отец мой лежит. А еще передай королеве, что я запрещаю тревожить мой покой охотничьими рожками и трубами.

Сказав это, король снова лег на носилки и закрыл глаза. Слуги-чудовища вошли в комнату, взяли носилки на плечи и унесли. Снова начался рев и рык, писк и крик, но вскоре всё утихло. Тогда Софья легла на лавку и спокойно проспала до рассвета.

Утром она пошла к королеве и рассказала ей, что видела ночью и что передавал покойный король.

Королева велела привезти тело короля и погребла его с подобающими

почестями. И согласно его посмертной воле отменила всякую королевскую охоту.

С тех пор призрак короля не являлся больше в замке, и в нем снова можно было жить спокойно.

А Софья в награду за свою смелость получила не только корову и зеленую юбку, но и красные сапожки, и перину с подушками (то есть всё, что полагается девушке на выданье), а еще кошель золотых дукатов впридачу.

Теперь уже ничто не мешало счастью молодых. Зарезали козу рогатую, сыграли свадьбу богатую, и меня на нее позвали и щедро угощали: дали мне винца на вилке и мясца в бутылке.

Отцовский совет

Когда-то давным-давно, в те далекие времена, когда железо было дороже, чем теперь золото, – так вот, жизнь тогда была тяжелая и очень суровая. Слабых, больных детей бросали на произвол судьбы, а стариков, уже не способных к работе, заводили в лес и оставляли на съедение зверям. Таков был тогда обычай, и таков был княжий приказ. Ослушника ждала жестокая кара.

И все же нашелся такой смельчак.

Один сын так сильно любил своего отца, так его уважал, что решился нарушить закон. Вырыл в полу чулана яму и спрятал в ней старика-отца. Только по ночам выходил старик из подземелья, чтобы подышать свежим воздухом и поговорить с сыном.

Так прошло несколько лет. Тяжелые это были года, война прокатилась через эту страну и всё опустошила; а потом, вдобавок ко всем бедам, настала страшная засуха. Земля даже того не вернула, что люди в нее вложили, а ведь еще надо было отдать хлебный налог в княжеский амбар. И начался голод.

Как-то осенью говорит сын своему отцу, когда они вышли на ночную прогулку:

– Не миновать нам голодной смерти, отец. Зиму еще так-сяк перемаемся, но что потом будет, что в землю засеем?

Повесил отец голову, задумался. Потом говорит:

– А помнишь, сынок, какая славная рожь уродилась двенадцать лет тому назад? Такая была высокая – любого с головой укрывала. Соломой от той ржи мы еще потом крышу покрыли, помнишь? Ты ведь у нас тогда уже в женихах ходил.

– Помню, отец.

– Так вот, сними эту солому с крыши и еще раз ее вымолоти. Думаю, от этого будет какой-то прок.

Сын его послушался.

Услыхали соседи стук цепа и пришли взглянуть, что это хозяин молотит, ведь у него зерна осталось не больше, чем у них. И видят они, что это он старую солому цепом обрабатывает, а потом снова на крышу кладет.

– Видно, помешался бедняга, испугавшись голодной смерти, – говорили соседи и качали головами.

А наш хозяин из каждого снопа старой ржаной соломы добыл по несколько зерен. Зернышко к зернышку, горсть к горсти – и набрал почти полную мерку. Этим зерном он потом засеял полоску земли за избой.

Когда пришла весна, а за ней лето, поля по всей стране заросли бурьянами, только на полоске молодого хозяина красовалась высокая озимь, с человека ростом.

Выехал князь со своей свитой поглядеть, как обстоят дела в его владениях. И увидал он картину – хоть

плачь: люди бродят как тени, обдирают кору с деревьев, толкут из нее муку и пекут горькие лепешки, или выискивают в бурьянах щавель, лебеду и крапиву. Только на одном-единственном поле колыхается рожь, красивая и чистая как золото. Чудо да и только!

Призвал князь хозяина и спрашивает, откуда он взял такое зерно на посев, если страну уже который год преследует одна беда за другой. Хозяин отвечал по правде:

– Поснимал я старую солому с крыши и еще раз вымолотил, так и набрал зерна.

– Что ж, мысль, достойная мудреца, – говорит князь. – Сам надумал, или тебе кто-нибудь посоветовал?

Хозяин осекся:

– Позволь мне, княже, не отвечать на этот вопрос: лгать я не смею, а правду сказать не могу.

– А все же придется тебе сказать правду, – нахмурился князь, – иначе не сносить тебе головы.

– Но если я скажу правду, не сносить головы сразу двоим: и мне, и тому, кто дал мне этот совет.

– Ну, если ты этого опасаясь, тогда даю слово, что ни тебе, ни тому другому ничего не будет. А теперь говори!

Тут хозяин рассказал, как он из любви к отцу ослушался княжьего приказа и не послал своего отца на смерть, а скрыл в чулане. И как он по ночам беседует с отцом о своих делах, и как отец помогает ему советами. По отцовскому совету он и добыл осенью зерно на посев.

Задумался князь. Понял он, что обрывать стариков на смерть не только жестоко, но и неразумно; ведь искушенные в жизни старики многое знают и могут быть полезны молодым.

И он отменил свой жестокий приказ.

С тех пор старики доживают свой век в покое. Пока в силах, они помогают детям и внучатам, а когда нет у них сил, дети и внуки помогают им. Или не помогают – это уж кто как.

Невеста и петух

В давние-прадавние времена жила в деревеньке под названием Преход одна девушка, и почему-то женихи ее стороной обходили. Все ее сверстницы давно повыходили замуж, а вот к ее избе дорожка травой заросла – а ведь вроде была она не хуже других. Озлобилась девушка и срывала свою злость на ком только могла. И чаще всего на петухе. Придет он поклевать зерен вместе с курами – а она тут же гонит его прочь, словно он в чем-то виноват:

– Кыш, поганец!

Прослышала девушка, что в сердечных и всяких других делах может помочь Госа Ива – знахарка, если и вовсе не ведьма. Набралась девушка смелости и пошла в лес, где Госа Ива жила в своей хижине. Всё ей выложила и просит:

– Нельзя ли мне, тетушка, подыскать хоть какого-нибудь завалищего жениха, хоть кривого, хоть хромого. Мне теперь уже все равно!

Госа Ива внимательно ее выслушала, а потом присела на корточки к коту, лежавшему на лежанке у печи, и стала с ним советоваться на непонятном языке. Кот был черный, и половины хвоста у него как не бывало. Потом Госа Ива дунула в печную золу, что-то на ней нарисовала мизинцем левой руки, кивнула и говорит:

– Ну, девка, не печалься. Завтра вечером придут к тебе свататься.

Девушка полетела домой как на крыльях, выбелила избу, а мать напекла пирогов и мяса нажарила. И в самом деле, вечером нагрянули к ним гости – в каретах прикатили, видно, что издалека. Все расфуфыренные, разодетые по-пански – и сразу свататься: не пойдет ли девушка за этого вот молодого пана, мол, ей с ним хорошо будет. Жених, знай, улыбается, глазами поблескивает, черные свои усики пощипывает. Ничего не скажешь – хорош! Девушке он с первого взгляда понравился, и она ему вроде тоже.

Дело живенько сладилось, гости уселись за стол и началось веселье,

гулянье, пированье. И вдруг у жениха вилка под стол упала. Девушка не поленилась, нагнулась ее поднять – и что ж она видит? У жениха вместо ног копыта! И не только у него – у всех гостей тоже. Она живо сообразила, каким ветром этих гостей принесло, но виду не подала; только побледнела чуток – знала, что ее ждет. Стала она ломать себе голову, как бы ей спастись от напасти. И тут вспомнился ей петух. Вот кабы он сейчас вдруг запел, жених тут же и провалился бы к себе в пекло вместе со своими сватами.

Отломила она кусок пирога и потихоньку сунула его себе в карман. Потом встала из-за стола, вышла во двор и прямо к курятнику. Дверцу курятника отворила и просит:

*Петушок мой, запой поскорей,
ты спровадь моих черных гостей!*

Петух ей с обидой отвечает:

*Ты ж меня прогоняла,
когда курам есть давала!*

А девушка говорит:

*Ох, помню, знаю,
что была я злая,
пережить бы эту ночь,
стану я иная!
Спаси меня, петушок!*

И протянула ему кусок свадебного пирога.

Поддался петух на ее просьбы и запел во все горло, хотя до полуночи еще было далеко.

Только раздалось петушиное пенье, чертовские гости исчезли, словно их корова языком слизнула. Только остался после них угарный смрад, какой бывает в кузнице.

Девушка была счастлива, что так легко отделалась, но черти чертовски разозлились, да и стыдно им было, что свадьба в Преходе у них не вышла. И решили они отомстить за свой позор и затопить Преход.

Стали они таскать камни в узкую долину, по которой река текла, чтобы реку перегородить и деревню затопить. Уже построили большой кусок запруды, но к утру запел петух, и всё у них рухнуло. Попробовали они на следующую ночь – и снова: всё, что они построили, обрушилось, как только петух на заре запел. И так каждый раз.

Наконец поняли они, что ничего у них не выйдет, и отступились. А в память об этой истории только присказки остались: „Где бывали? – В Преходе, где черти свадьбу справляли.“ Или еще: „Ты откуда родом? – Из Прехода, откуда черти приходят.“

А девушка вскоре все же вышла замуж. Жених, правда, глазами не поблескивал и усики не пощипывал, зато были у него ноги, как у всех добрых людей, а не копыта. И вышел из него хороший муж и заботливый отец.

А петуха девушка взяла с собой на новое хозяйство. Она всегда о нем пеклась и не давала зарезать, пока он сам не помер от старости.

Принцесса Щебетунья

Жил один король, и была у него только одна дочка, принцесса Щебетунья. Сперва его огорчало, что нет у него сына-наследника, но потом он подумал и успокоился. Щебетунья подрастет, замуж выйдет – и появится во дворце молодой государь. Только бы она не ошиблась в выборе!

Время шло, принцесса Щебетунья росла и хорошела. Еще ей шестнадцать не минуло, а во дворце уже толпились принцы и королевичи со всех концов света. Дни проходили в сплошных забавах, праздниках и гуляньях.

– Очень мил королевич из седьмого королевства, – щебетала принцесса Щебетунья старому садовнику, придя по привычке в теплицы за розами. – Что ни слово, то шутка, ха-ха-ха! А вот у принца из двенадцатого королевства – у этого есть такой прозрачный камень медового цвета, а внутри того камня переливается капля воды, честное слово! Так и перекачивается в нем, уж такая красота! А самый замечательный – король из тридесятого королевства, он ведь привез с собой богатырского петуха. Выпустит петуха во двор и привяжет ему к ноге огромную дубовую колоду. И ты только представь себе, садовник! Петух прохаживается с этой колодой как ни в чем не бывало! Это самый могучий петух на свете! И если я выйду за короля, он обещал подарить мне этого петуха.

Садовник улыбается, но улыбка у него что-то невеселая.

– Надеюсь, ваша светлость выберет самого достойного.

– Ну конечно, садовник. Наверно, я выберу этого петуха, я хочу сказать, этого короля с петухом. Колода мне ни к чему, я лучше запрягу петуха в карету, а зимой – в сани. То-то весь свет будет дивиться, когда я выеду на петухе! И тебя как-нибудь прокачу на нем, садовник, хотя бы от сада до ворот.

Принцесса щебечет, кружится среди розовых кустов, а садовник молча слушает ее и озабоченно качает головой.

Проводил он ее и снова вернулся к своей работе, но вдруг заметил на одном из розовых кустов шелковый платок. Это Щебетуньян платок зацепился за шип.

Сама судьба посылает ему этот платок!

Садовник снял платок, пошел с ним в дальний угол теплицы, сорвал там четырехлистник клевера и зашил его в уголок платка. А четырехлистник, как известно, обладает волшебной силой: он открывает глаза, и они видят любой обман, могут заглянуть в самую душу.

На другой день садовник вернул платок принцессе, а в душе пожелал: „Пусть этот четырехлистник поможет тебе выбрать лучшего из женихов, Щебетунья ты наша щебетливая!“

В тот самый день король из тридесятого королевства решил попросить руки принцессы Щебетуньи. И конечно, сделать это лучше всего тогда, когда принцесса опять станет восхищаться богатырским петухом. Вынес он во двор клетку, выпустил из нее петуха, привязал к его ноге дубовую колоду – пусть прохаживается с ней.

Все во дворце это уже видели, и опять все ахают, глаза таращат, в ладони хлопают. И принцесса Щебетунья широко открывает глаза, но почему-то не ахает, а с насмешкой говорит:

– Люди добрые, а ведь у этого петуха к ноге привязана никакая не колода, а самая обыкновенная соломинка! Неужели вы этого не видите?

И она смеется, заливаясь во все горло, а за ней начинают смеяться все остальные. И этот смех открывает им глаза: действительно, самая обыкновенная соломинка, самый обыкновенный петух, самый обыкно-

венный обманщик! Все смеются, все довольны, что из Щебетуньиных поклонников отпадает именно тот, кто казался самым опасным соперником.

Только королю из тридесятого королевства не до смеха: не только сорвался его план, он еще и стал всеобщим посмешищем. Нет, этого он так не оставит!

Он подошел к Щебетунье – она все еще смеялась – глянул ей в глаза пронзительным взором, от которого ее мороз пробрал до костей,дохнул ей в лицо и, не сказав ни слова, ушел. Закружилась голова у Щебетуньи, и она села. Веки у нее словно свинцом налились и смежились. В мыслях у нее все затуманилось, и она погрузилась в глубокий сон.

Спала она день, спала два, спала три, спала целую неделю. Принцы из замка исчезли, а вместо них зачастили доктора, лекаря, знахарки со всякими лекарствами, снадобьями, мазями и притираниями.

Один решил лечить принцессу так: привел в ее спальню целый окрестр, даже с барабанами. Оркестр играл, гремел, грохотал, но принцесса сладко спала, улыбаясь во сне.

Второй лекарь расставил вокруг постели три дюжины будильников. Через каждые полчаса будильники так адски трезво-нили, что все картины во дворце падали со стен. Но принцесса сладко спала, улыбаясь во сне.

Третий лекарь привел девушек-щекоталок. Щекоталки щекотали принцессе пятки, щекотали ее под мышками и сами при этом чуть не лопались от смеха, но принцесса сладко спала, улыбаясь во сне.

И чего только еще не пробовали, но все впустую.

Наконец король велел объявить повсюду: кто принцессу разбудит, тому она достанется в жены.

Слух об этом пролетел по всей стране, до самых глухих ее уголков

долетел. Дошел он и до угольщика Тихона, который жил со своей молодой женой где-то в лесах.

Удивился Тихон, услышав о спящей принцессе, удивился и задумался. Вспомнилось ему, как зашел он когда-то с покойным отцом в глубокий лес; сам Тихон тогда еще мальчишкой был. Лес был темный, сырой и совсем глухой. Отец тогда показал на старую вербу и сказал: „Эта верба ни разу не слыхала, как вода журчит и как петух кричит. Большая сила кроется в такой вербе, запомни это, сынок.“

Тихон эти слова не забыл и собирался когда-нибудь, на склоне лет, передать их своему сыну. Но сам он к этой вербе ни разу не ходил – незачем было. А тут вдруг он про нее вспомнил и словно опять услышал отцовский голос: „Эта верба ни разу не слыхала, как вода журчит и как петух кричит. Большая сила кроется в такой вербе, запомни это, сынок.“

Задумался Тихон: А не поможет ли эта сила разбудить спящую принцессу? Что если попробовать? Правда, брать принцессу в жены он бы не хотел, жена у него уже есть. И потом, хороша была бы парочка – угольщик и принцесса! Не на королевском же дворе ему уголья жечь. А принцесса – неужто она пошла бы жить в избушку углежога? Только этого не хватало! – А все же он попытается пробудить ее от этого странного сна.

Отправился Тихон в тот глубокий лес. Далеко это было, ни дорожка туда не вела, ни тропинка, пришлось ему брести по пояс в снегу. Долго он прокладывал себе дорогу к той вербе, а когда пришел – удивился: стоит старая верба, ну и что? Верба как верба. Но когда Тихон отломил вербовый прутик, то почувствовал на ладони сок. „Теперь, среди зимы? – подумал он. – В самом деле, видно, непростое это дерево.“

Вырезал он из прутика дудочку и заиграл на ней. Ну и диво, только он заиграл, как снег стал таять на глазах, на деревьях налились почки, из земли выглянул первоцвет, зачирикала пташка на ветке. Всё вокруг проснулось.

Пошел Тихон лесом, куда глаза глядят, а глаза его глядели как раз в сторону королевского города. Идет он, наигрывает на дудочке, и просыпается вода в реках, трава на лугах, ветерок в кустах.

Пришел он к королевскому дворцу и сказал, чтобы доложили о нем королю.

– Так и так, хочу попробовать, не удастся ли мне разбудить вашей милости дочку, – говорит Тихон королю.

Король тут же отвел его в опочивальню, где на шелковой постели сладко спала принцесса Щебетунья, улыбаясь во сне.

Заиграл Тихон на чудесной дудке. Принцесса сперва только застонала, словно отвечая во сне на чей-то зов. Потом зашевелилась, руки у нее проснулись, она протерла глаза, открыла их и радостно рассмеялась:

– Ах, как сладко мне спалось!

Вскочила с постели и обняла отца, потом повернулась к Тихону и давай его обнимать, бедная одежда угольщика не сбила Щебетунью с толку, ведь у нее за поясом – шелковый платок, а в нем зашит четырехлистник, который помогает видеть человека насквозь, до самого сердца.

Королю такой жених не очень был по душе, но слово есть слово.

– Ты свое слово сдержал, – говорит, – сдержу и я свое. Через три дня можете праздновать свадьбу.

– Это какую же свадьбу? – удивился угольщик.

– Какую же еще, как не твою – с принцессой Щебетуньей.

– Да ведь я женатый, – объясняет Тихон. – Принцессе я просто так помог, от души – жаль мне ее стало. А в мужа пусть выберет себе кого-нибудь другого, который лучше придется к вашему двору. Охотников, небось, много найдется.

И он с удовольствием поглядел на красавицу Щебетунью. И она загляделась на статного, пригожего Тихона, у которого такое доброе, щедрое сердце.

– Ну, тогда возьми что-нибудь отсюда на память.

– На память? – Тихон глянул на всю эту дворцовую красу: кругом мрамор, ковры, резная мебель, золотые чаши – на что ему всё это? – У вас здесь всё такое большое, тяжелое, богатое – не для моей избы.

– Тогда знаешь что? – пришло вдруг в голову Щебетунье. – Я подарю тебе этот платок.

И она достала из-за пояса шелковый платок с зашитым в него четырехлистником.

– Спасибо, принцесса, вот это хороший подарок, – обрадовался Тихон, свернул платок и бережно спрятал его во внутренний карман куртки – там он хранил самые ценные свои вещи.

И пошел довольный в свою избу, затерянную в лесной глухомани.

А принцесса Щебетунья словно глаза свои отдала вместе с этим платком – мы-то знаем, почему.

И когда снова повалили во дворец женихи со всех концов света, Щебетунья остановила свой выбор на женихе в самом нарядном мундире. Особенно хороши были на мундире позолоченные пуговицы – они так блестели на солнце, что глазам больно было.

Янко Поленко

В маленьком домике на берегу реки жили муж и жена. Детей у них не было, и это очень их огорчало. Однажды говорит жена мужу:

– Послушай, муженек! Скушно ведь жить без ребеночка, ты бы мне выстругал из поленца сыночка.

У мужа как раз выдалось свободное время, вот он подыскал славный такой липовый чурбачок и выстругал из него мальчика. Чудесный мальчонка у него получился, вот только что был неживой. Но все равно жена прижала его к сердцу, завернула в пеленку, уложила в колыбельку, раскачала ее и запела:

*Баю-баю, сыночек,
испеку пирожочек,
наварю тебе каши,
подареньице наше.*

Спела она эту песенку раз – деревянный мальчик заморгал глазами. Спела другой – деревянный мальчик ручонками зашевелил. Спела в третий раз – и тут деревянный мальчик выскочил из колыбели, обнял мать, отца и говорит:

– Давайте пирожочек, и кашу тоже давайте! Я есть хочу!

Тут родители вмиг собрали на стол всё, что у них было в доме, и накормили сыночка на славу. А так как родился он у них из полена, назвали его Янко Поленко.

Вырос Янко Поленко у воды и все свое время проводил на воде. Отец смастерил ему челночок, Янко в нем плавал вверх и вниз по реке и ловил рыбу. Рыбак он был отменный, и для семьи это было большое подспорье. А мать носила ему обед прямо на реку. Выйдет на берег и запоеет ласковым голосом:

*Плыви сюда, мой сыночек,
испекла я пирожочек,*

*наварила тебе каши,
подареньице наше.*

И Янко, как бы далеко он ни был, услышит эту песню, приплывет на своем челноке, поест, поговорит с мамой и опять уплывет рыбу ловить.

Так они жили в покое и радости и не догадывались, какая беда их ждет.

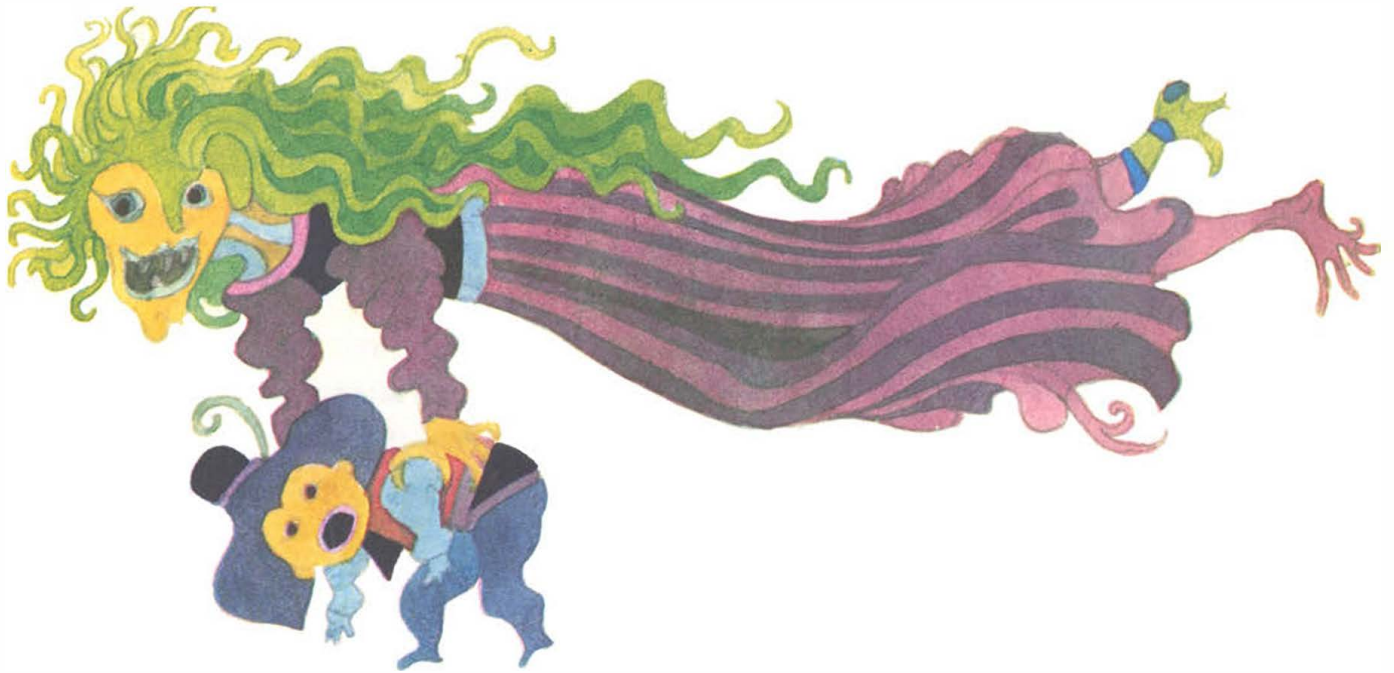
В густом лесу на крутом берегу жила ведьма. Не раз слышала она, как мать зовет своего сыночка, и выучила ее песню. Однажды в полуденную пору пришла она на берег и запела:

*Плыви сюда, мой сыночек,
испекла я пирожочек,
наварила тебе каши,
подареньице наше.*

Янко Поленко услышал ее и удивился: песня мамина, а голос какой-то другой, хриплый. Может, простыла мама и охрипла, нельзя заставлять ее долго ждать. Поворотил он челнок и приплыл к тому месту, откуда слышалась песня. Но только он вышел на берег – выскочила из-за куста ведьма, схватила мальчика и побежала с ним в глубокий лес, к своей избушке. Заперла его в чулане, а сама пошла печь растапливать, чтобы Янко изжарить.

Понял Янко, что дело плохо, но головы не потерял. Стал он осматриваться в чулане: как бы ему отсюда уйти? И увидел в углу мышиную нору. „Ну, – думает, – где нора, там и дыра!“

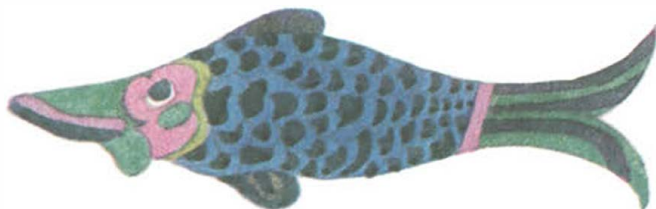
Стал он выбираться из чулана через эту нору. Все ногти обломал, все пальцы в кровь ободрал, но всё-таки выбрался наружу. Он из чулана – а ведьма в чулан! И в печи уже огонь трещит.

Но чулан-то пуст, а под стеной дыра раскопана. Ведьма долго не раздумывала и припустила за мальчонкой. Он три шага, она один – вот-вот схватит его!

И тут увидал Янко высокий дуб, ветви раскинуты до самых облаков. Полез Янко на тот дуб словно белка, раз-два – и он уже на самой верхушке.

Сел на ветку и ждет, что теперь будет.

Рассвирепела ведьма, чуть не лопнула от злости: вот он, мальчонка, совсем рядом, а не дотянуться. А карабкаться по деревьям она давно разучилась.

Вернулась она в избушку, принесла три топора, а они тупые! Стала она тот дуб-великан подрубать: ударит раз-другой, подточит топор и опять рубит.

Видит Янко: плохо дело! Но тут увидел он в небе стаю диких гусей. Стал он их просить-умолять:

*Гуси вы, гуси-серокрылы,
возьмите меня к матушке милой,
унесите меня за речку,
к отцовскому крылечку!
Злая ведьма топор точит,
погубить меня хочет.*

А гуси ему отвечают:

– За нами другая стая летит, может, она тебя возьмет.

Тут у ведьмы сломался первый топор, а дуб дрогнул. Янко Поленко глядит по сторонам, кто бы ему в беде помог, и видит в небе другую стаю гусей. Стал он их просить-умолять:

*Гуси вы, гуси-серокрылы,
возьмите меня к матушке милой,
унесите меня за речку,
к отцовскому крылечку!
Злая ведьма топор точит,
погубить меня хочет.*

А гуси ему отвечают:

– За нами еще один гусь летит, может, он тебя возьмет.

Тут сломался у ведьмы второй топор, а дуб закачался, вот-вот рухнет.

Пролетал над самой верхушкой дуба одинокий старый гусь. Закричал Янко Поленко отчаянным голосом:

*Гусь ты мой серокрылый,
возьми меня к матушке милой,
унеси меня за речку,
к отцовскому крылечку!
Злая ведьма топор точит,
погубить меня хочет!*

Говорит ему одинокий старый гусь:

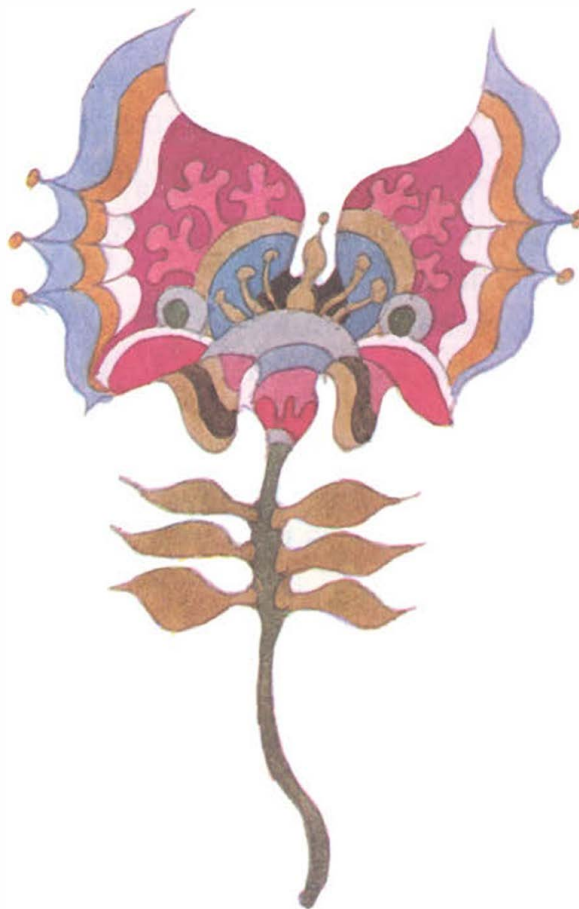
– Скорее садись ко мне на спину!

Сел Янко Поленко ему на спину, и в ту самую минуту дуб-великан с треском упал на землю.

Пролетел старый гусь через тот большой дремучий лес, перелетел речку и опустился с Янко Поленком на крыше родного его домика. Заглянул Янко через трубу в дом и видит: сидят отец с матерью за обедом, но есть не едят, сыночка оплакивают, слезы в чашку роняют. Тут он им крикнул:

– Не плачьте, отец и мать, ведь я здесь!

Радость эту нельзя словами описать! Все трое плакали, но теперь уже от счастья. И даже старый гусь, который мальчика спас, украдкой уронил слезу. Дальше он уже не полетел, остался жить в домике на берегу реки и ни разу о том не пожалел.

Две сестры

Где это было – там и было: а было это там, где воду лопатой копали, а песок в снопы вязали.

Жили однажды муж с женой, и были у них две дочки. Одна дочка мужнина, другая дочка женина. Муж любил обеих дочерей, а жена любила только свою. Падчерицу она ненавидела и всячески выживала из дому. Что было бедняге делать? Потихоньку собралась и ушла из отчего дома.

Шла она, шла и пришла к печке, полной раскаленных угольев.

– Добрый день, печка, – поздоровалась девушка.

– И тебе добрый день, девица. Куда путь держишь?

– Иду службу себе искать.

– А мне ты не послужишь?

– С большой охотой, печка.

– Тогда wygrеби из меня уголья, они меня насквозь прожигают.

Взяла девушка кочергу и wygrебла уголья из печи.

Вздыхнула печь и говорит:

– Спасибо тебе, умница.

Идет девушка дальше и приходит к родничку, а тот был весь илом занесен.

– Добрый день, родничок, – поздоровалась девушка.

– И тебе добрый день, девица. Куда путь держишь?

– Иду службу себе искать.

– А мне ты не послужишь?

– С большой охотой, родничок.

– Тогда wygrеби из меня этот ил, меня уже так давно никто не чистил.

Девушка wygrебла ил из родничка и пошла дальше.

Идет она, идет, и приходит к яблоне, усыпанной яблоками.

– Добрый день, яблонька, – поздоровалась девушка.

– И тебе добрый день, девица. Куда путь держишь?

– Иду службу себе искать.
– А мне ты не послужишь?
– С большой охотой, яблонька.
– Тогда стряхни с меня яблоки, ветви мои обламываются под их тяжестью.

Девушка забралась на яблоню, тряхнула ветви, и яблоки посыпались на землю.

Идет она дальше и видит карету, запряженную четверкой коней.

– Добрый день, лошадки, – поздоровалась девушка.

– И тебе добрый день, девица. Куда путь держишь?

– Иду службу себе искать.

– А нам ты не послужишь?

– С большой охотой, лошадки.

– Тогда почисти нас скребницей, так давно нас никто не чистил.

Девушка вычистила их скребницей до блеска и пошла дальше.

Шла она, шла и пришла к дому, в котором жил один старик.

– Добрый день, дедушка, – поздоровалась она.

– И тебе добрый день, девушка. Куда путь держишь?

– Иду службу себе искать. Нет ли у вас какой-нибудь работы?

– Дам я тебе работу, – говорит старик. – Я уйду из дома на год, а ты оставайся на хозяйстве, да позаботься о собаке и о кошке. А через год я вернусь.

Повел старик девушку в кладовую и показал, где у него чечевица, где горох и другие припасы.

– Из этого и готовь, на год вам хватит, – сказал старик и ушел.

Осталась девушка с собачкой и кошкой. Хорошенько их вычесала, прибралась в доме, обед сварила, их накормила и сама поела.

Так оно и шло изо дня в день. Жилось им славно, они и не заметили, как год прошел.

Возвращается старик домой, а собачка с кошкой бегут ему навстречу.

– Ну, как девушка о вас заботилась? – спрашивает старик.

– Дедушка, ой как хорошо! – отвечают собачка и кошка. – Вот бы нам всегда иметь такую хозяйку!

Пришел старик домой, позвал девушку с собой в комнату, в которой полно было всяких сундучков, и говорит:

– Выбирай, какой по душе придется. Это тебе награда за добрую службу.

Приздумалась девушка, глядя на сундучки. Большой взять – не донести, дорога ведь длинная. Выбрала она самый маленький, который под мышку можно взять.

– Пока домой не придешь, не открывай сундучок, – сказал ей старик на прощанье.

Поблагодарила девушка старика, распрощалась с ним, с собачкой, с кошкой и отправилась домой.

Идет она, идет. Сундучок хоть и мал, да тяжел, умаялась его нести. Хотела было уже открыть его и выбросить лишнее, но тут загремела карета, забили копытами четыре удалых коня:

– Садись, девушка, мы тебя подвезем!

Села девушка в карету, и кони понеслись словно ветер.

Подъехали они к яблоне. Яблоня наклонилась к самой карете и подала девушке три румяных яблока. И до чего же они были вкусные!

Полетели кони дальше, и остановились у родничка. Запел-зажурчал родничок и подал девушке ковшик прозрачной воды. Ах, хороша была вода!

Полетели кони, помчались, и остановились перед печью.

– Отведай моего пирога, девушка, – сказала печь и подала ей теплый, душистый пирог. Пока девушка его доела, кони привезли ее домой.

Поставила она сундучок на стол, открыла, а там блестят золотые монеты, сверкают дорогие камения: одни зеленые как трава, другие синие как небо, третьи красные как кровь.

И как раз в тот день пришли к ним в дом сваты и стали сватать падчерицу за пригожего парня. Был он, правда, беден, ну, и что с того! Продали они один драгоценный камень – и на вырученные деньги купили избу с хлевом

в придачу. Продали второй камень – купили пару волов и корову, чтобы хлев не пустовал. Продали третий камень – купили поле и плуг, чтобы волы без дела не застаивались. Продали четвертый камень – купили луг, грабли и косу, чтобы корова без травы не оставалась. И еще было на что купить в дом миски, тарелки, зеркало. И сапоги, и тулупчик, и шелковый платок.

А мачеху с дочерью завидки берут.

– Откуда у тебя такое богатство? – спрашивают.

Падчерица не стала таиться, всё им рассказала по правде: как она служила у старика и всё это выслужила.

Собралась и мачехина дочка к старику на службу.

Шла она, и пришла к печи. Не поздоровалась, даже не взглянула на нее.

– Девушка, милая, – говорит печка, – не выгребешь ли ты из меня уголья? Насквозь прожигают!

– Это ты верно сказала – конечно, не выгребу! – отвечает девушка. – Этак я платье свое сожгу!

Пошла она дальше и пришла к родничку.

– Девушка, милая, – говорит родничок, – не выгребешь ли ты из меня ил? Так давно меня не чистили!

– Только этого мне не хватало, – буркнула девушка. – Этак я платье свое намочу!

Пошла она дальше и пришла к яблоне. Стала яблоня просить ее:

– Девушка, милая, стряхни с меня яблоки, ветви ломаются от их тяжести.

– Больше ничего не хочешь? – сказала та. – Этак я платье свое разорву!

Пошла она дальше и пришла к коням.

– погоди, девушка, почисть нас скребницей, – просят кони. – Давно нас никто не чистил!

– Что это вам в голову взбрело? Этак я платье свое запачкаю!

Вскоре пришла она к домику, в котором тот старик жил.

– Добрый день, – поздоровалась она. – Это у тебя моя сестра служила?

– У меня, – говорит старик.

– А меня не возьмешь на службу?

– Отчего ж не взять? Я как раз собирался уходить, а позаботиться о собаке и кошке некому.

Показал он ей, где у него чечевица, горох, другие припасы, и ушел из дому на целый год.

Осталась девушка с собакой и кошкой, но заботиться о них она и не думала. Для себя наварит, наестся досыта, а собака и кошка горшки за ней вылизывают.

Год прошел, и старик домой вернулся. Собака с кошкой выбегают ему навстречу, а он их спрашивает:

– Ну, так как же она о вас заботилась?

– Плохо, дедушка. Мы больше голодными были, чем сытыми.

Ничего не сказал на это старик, только головой кивнул. Пришел домой, привел девушку в комнату с сундучками и говорит:

– Твой срок вышел, выбирай сама награду за свою службу.

А она всё время только о том и думала. Выбрала сундук побольше, взвалила себе на спину и отправилась домой.

Идет она, идет, а сундук с каждым шагом все тяжелее. Приходит она к карете, четверней запряженной, и просит коней:

– Не отвезете ли меня домой?

– Мы ведь грязные, нечищенные, еще замараешь об нас свое платье, – отвечают кони. Топнули копытами – и нет их.

„Ах, зачем я их тогда не почистила!“ – вздохнула девушка.

Идет она дальше, колени у нее подламываются. „Ага, вон яблоня виднеется, попрошу-ка я у нее яблочка подкрепиться!“

Но яблоня стояла покалеченная, все ветви у нее обломились под тяжестью плодов.

„Ах, зачем я тогда не стрясла с нее яблоки!“ – упрекнула себя девушка.

Побрела она дальше. Скоро должен родничок показаться, там она хоть воды напьется.

Но родничок весь был занесен илом, даже с наперсток воды в нем не осталось.

„Ах, зачем я его тогда не вычистила!“ – загоревала девушка.

Из последних сил потащилась она дальше; скоро придет она к печи, хотя бы пирожка у нее попросит.

Но только печь давно уж перегорела, пирог в уголь превратился.

„Ах, зачем я тогда уголья из нее не выгребла!“ – заплакала девушка.

Насилу-насилу дотащилась она до дому. Мать увидала ее в окошко, выбежала навстречу:

– Глядите, люди добрые, что моя доченька выслужила! Полный сундук драгоценных камней!

Подбежала она к дочке, но у той ноги подкосились, и сундук свалился с ее плеч. Крышка у сундука отлетела, и тут из него полезли змеи, жабы и прочая нечисть.

– Хороши драгоценные камни! – смеются люди. – Вон они, одни ползут, другие скачут!

Девушка сбежала в избу и долго людям на глаза не показывалась. И замуж она так и не вышла.

– Это ведь та самая, – говорили парни со смехом, – у которой в сундуке с приданым змеи вывелись!

Дерево-краса, живая вода и правдивая птица

Собрался раз молодой король прогуляться и пришел к одинокой избушке. Присел он на лавочку отдохнуть и вдруг слышит голоса из окошка. Заглянул в окошко – а там сидят на скамье три девушки и прядут.

– Кто знает, сестрицы, за кого мы замуж выйдем, – говорит одна. – А то еще и в девках останемся.

– Если б я могла выбирать, – говорит старшая, – я бы пошла за королевского повара. Вот была бы жизнь! Муж приносил бы мне каждый день лакомства из королевской кухни.

– А я если б могла выбирать, – говорит средняя, – я бы пошла за королевского камердинера. Жила бы я как барыня, прохаживалась по дворцу и разглядывала королевские наряды.

– А если б я могла выбирать, – говорит младшая, – я бы пошла за нашего пана короля. Жили бы мы в любви и ласке, и со временем родились бы у нас дети, два мальчика и одна девочка. И были бы наши дети здоровые, как рыбки, проворные, как пчелы и щедрые, как земля.

Старшие сестры надулись: она, мол, затем за короля хочет, чтобы быть над ними госпожой.

Тут дверь открылась и вошел тот, о ком они говорили – молодой король. Поклонился он им по-кавалерски и говорит:

– Слышал я, девушки, ваши желания, они мне по душе, и потому я постараюсь, чтобы они сбылись. Старшая из вас выйдет за королевского повара, средняя – за королевского камердинера, а младшая станет моей женой и королевой.

Так оно вскоре и случилось. Сыграли три свадьбы, и стали три сестры жить в королевском дворце.

Теперь они могли быть довольны – ведь сбылось то, о чем они мечтали.

Да только у старших сестер поселилась в сердце зависть, не могли они стерпеть, что младшая сестра королевой стала.

И вот такая беда вскоре случилась: напал на ту страну соседний государь, и пришлось молодому королю идти на войну. На прощанье просил он повариху и камердинершу позаботиться о королеве, которая вот-вот должна была родить, и никого чужого к ней не пускать.

Пришло время, и родился у королевы чудесный мальчик. Но повариха и камердинерша выкрали мальчика, а вместо него подложили щенка – да так ловко, что ни сама королева, ни слуги ничего не заметили. Ребенка они положили в корзину и пустили по реке – пусть его вода унесет. А королю отписали на войну: так, мол, и так, родила королева не ребенка, а щенка, и все короля очень жалеют. Огорчился король, но все же написал, чтобы за королевой и за щенком этим ухаживали как следует. Вернувшись домой, король увидел жену печальную, но еще более прекрасную чем прежде. Он всё ей простил, и стали они снова жить в любви.

Собралась королева родить во второй раз, а королю опять уходить на войну. Оставил он жену на попечение сестер и уехал с тяжелым сердцем. Пришло время, и родила королева мальчика краше первого, но сестры выкрали ребенка и подсунули вместо него котенка. И этого мальчика пустили в корзине вниз по реке, а королю отписали, что вместо ребенка родила королева котенка и уже в городе над королем посмеиваются.

Убитый горем король написал домой, что скоро вернется и разберется во всем, а пока велел за королевой и за котенком ухаживать как следует.

Вернувшись с войны, король увидел, что жена его вдвое печальнее, но зато и вдвое краше стала, и опять он ей всё простил, и снова они зажили в любви и ласке.

Но только беда всегда приходит трижды.

В третий раз собралась королева родить, и опять пришлось королю идти на войну. Оставил он жену на попечение сестер и с тяжелым сердцем покинул дом.

Пришло время, и родила королева красавицу-дочку. И снова злые сестры выкрали у нее ребенка, а вместо него подбросили трухлявое полено.

Ребенка положили в корзину и пустили по реке, пусть вода делает с ним, что хочет. А королю отписали на войну, что жена его родила вместо ребенка трухлявое полено, что возмущенный народ считает это позором для всего королевства. А про королеву, мол, все говорят, что она злая колдунья.

Страшно разгневался король на свою молодую жену. Он уже и сам начал верить, что замешаны здесь злые чары. А когда вернулся домой, то осудил королеву на пожизненное заключение. Велел он построить для нее перед собором темницу с одним зарешеченным окошком и строго-настро-го наказал, чтобы каждый, кто мимо пройдет, плюнул в это окошко. Так оно и стало. Год за годом томилаcь королева в темнице, и каждый прохожий или проезжий обязан был плюнуть в нее.

Все решили, что это справедливая кара для женщины, которая вместо детей рождает всякую пакость.

А тем временем оба сына королевы выросли и стали статными юношами, и сестра их стала девушкой, прекрасной как маков цвет. Ведь когда материны сестры побросали детей в воду, река их не обидела. Волны бережно передавали детей друг другу и выносили их к большому саду у реки.

У тамошнего садовника детей не было, и он радовался, когда река вынесла на бережок сперва двух мальчиков, а потом и девочку.

Вскормил он их, воспитал, и отличные выросли дети: здоровые, как рыбки, проворные, как пчелы. Стали ребята помогать своему названому отцу в саду, и в награду сад дарил им не только свои плоды, но и всю свою красоту.

Проходили мимо путники, останавливались отдохнуть в тени деревьев и все как один говорили, что нет равного этому саду на свете. А когда они видели в саду двух славных юношей и прекрасную девушку, то думали

про себя: Кто знает? – то ли дети украшают сад, то ли сад их украшает.

Однажды шла мимо сада старушка с клюкой. Вошла она в сад – и залюбовалась.

– Красивый, – говорит, – у вас сад, но есть на свете чудеса, которые сделали бы его еще краше.

– Какие чудеса? – спрашивают садовник и дети.

– Да вот, есть на свете дерево-краса, оно всё вокруг себя украшает, а из-под дерева ключ бьет с живой водой, и живет на том дереве правдивая птица – она всю правду открывает.

– Я пойду за этими чудесами и принесу их в наш сад, – говорит старший брат, – только вы мне, бабушка, скажите, куда идти.

Старушка протянула руку, сорвала с дерева яблоко и подала ему – оно, мол, дорогу покажет. А сама дальше пошла.

Старший брат сплел венок из веток, дал его младшему и говорит:

– Пока я жив, венок этот будет зеленый. А если он завянет, знайте – я попал в беду. И тогда, братец, поспеши мне на помощь.

Сел юноша на коня, бросил перед собой яблоко – куда оно, туда и он за ним.

Катилось, катилось яблоко вдоль реки и остановилось под горой, а там лежит старый человек с бородой до пят, а ногти у него длиной с аршин.

– Добрый день вам, дедушка Длиннобород.

– Здравствуй и ты, королевич, – отвечает ему старик.

– Что я королевич – об этом мне ничего не ведомо. Меня река принес-

ла, а садовник выпестовал. Ищу я на свете три чуда: дерево-красу, живую воду и правдивую птицу. Вы, дедушка, не подскажете, где мне их разыскать?

– Нелегкое дело ты взял на себя, королевич, – говорит Длиннобород, – не знаю, не знаю, под силу ли оно тебе. Чудеса эти – в заклятом замке, а кто туда хочет попасть, тому нельзя оглядываться по дороге, что бы вокруг ни делалось. Оглянешься хоть раз – и пропал.

– Ну, да уж я постараюсь, – сказал юноша, поблагодарил за совет и поехал дальше. Едет день, другой, третий – и видит замок на высокой горе, а путь к нему лежит через долину. Спустился юноша в долину, и тут зашипели на него змеи, с грозным рычанием стали кидаться на него волки, медведи и всякие другие звери.

И вот что еще было: со всех сторон окликали его голоса, то ласковые, то грозные:

- Ты ведь молод и пригож – жаль, погибнешь ни за грош!
- Злой конец тебя не минет, станешь камнем ты в долине!
- Слышишь грохот, видишь дым? – Не уйти тебе живым!

И гул такой, словно валятся со склонов срубленные деревья. Чуть было не оглянулся юноша, чтобы знать, в какую сторону отскочить, но удержался, вспомнил слова Длинноборода: „Что бы ни было – не оглядывайся.“

Вот он уже больше половины долины прошел, как вдруг раздался за ним нежный, милый голос. Таким голосом говорила мать, когда она ему во сне снилась.

Говорит ему голос:

– Как же ты попал сюда, сыночек мой?

Не утерпел он, оглянулся – и в тот же миг превратился в черный камень.

А дома брат и сестра то и дело поглядывают на венок. Два дня венок был свежий, а на третий – увял.

– Эх, ну и растяпа наш братец, не смог без меня справиться, – говорит младший брат. – Поспешу-ка я ему на помощь!

Собрался он в путь. Перед отъездом тоже сплел венок из зеленых веток и сестре отдал, чтобы она знала, что с ним. Потом вскочил на коня и поскакал по следам брата. Приехал он к тому месту, где лежал старик с бородой до пят, с ногтями в аршин.

– Добрый день вам, дедушка Длиннобород!

– И тебе того же, королевич.

– Что я королевич – об этом мне ничего не ведомо. Меня река принесла, а садовник выпестовал. Скажите, дедушка, не проезжал ли здесь старший мой брат? Поехал он искать три чуда: дерево-красу, живую воду и правдивую птицу.

– Как же, как же, проезжал. Я еще посоветовал, что ему делать нужно, только он не послушался. И то правда, до сих пор никому не удавалось в этот замок пройти.

И он рассказал юноше, что с его братом случилось и как можно попасть в тот заклятый замок.

Юноша поблагодарил его и поехал дальше. Попал и он в ту долину, пробился сквозь тьму тьмущую волков, медведей, змей и прочей нечисти, слышал все мольбы и угрозы, но все шел и шел вперед, не оглядываясь. А как прошел он половину долины, сразу узнал среди множества камней своего окаменелого брата. Заплакал он, закричал громким голосом:

– Ох, братец ты мой несчастливый!

И вдруг слышит за своей спиной:

– Не плачь, братик, вот он я, живой и здоровый!

Обрадовался юноша, повернулся, чтобы поскорее обнять брата – и тоже стал черным камнем.

А дома сестра глаз от венка не отводит. Два дня был венок красивый и свежий, а на третий день увял, словно его морозом прибило.

„Ну, братцы мои милые, – думает сестра, – видно, не обойтись вам без меня!“ Как садовник ее ни отговаривал: не ходи, мол, пропадешь и ты на чужой стороне, – не послушалась она его, села на коня – и в путь! Вскоре добралась она до горы, под которой лежал старик Длиннобород, борода до пят, ногти в аршин.

– Добрый день вам, дедушка Длиннобород, – поздоровалась она.

– И тебе того же, королевна, – отвечает старик.

– Что я королевна – о том мне ничего не ведомо. Всю жизнь я у садовника прожила, а к нему меня река принесла. Еду я искать своих братьев, они у меня за тремя чудесами отправились: за деревом-красой, за живой водой и за правдивой птицей... А у вас, дедушка, такая бородача, такие ногти – вам из-за них и с земли-то не подняться.

Достала она ножницы и ловко остригла Длиннобороду ногти и бороду. Вздыхнул старик, словно свалилось с него тяжкое бремя, и поднялся с земли.

– Большую службу ты мне сослужила, королевна. Целую тысячу лет лежу я здесь и не могу умереть из-за силы в бороде. Сняла ты с меня проклятие, наконец-то примет меня земля. Похорони меня здесь, как полагается, а потом поезжай за своими братьями.

И он рассказал ей, что и как нужно делать, а главное – велел не оглядываться, что бы ни делалось вокруг. И еще дал ей волосок из своей бороды и сказал:

– Коснешься им ворот заклятого замка, и они сами перед тобой распахнутся.

С этими словами он закрыл глаза и умер. А девушка, как могла, вырыла могилу, похоронила его и отправилась дальше.

Пришла и она в ту долину, за которой на горе заклятый замок стоял. Бросились к ней змеи и всякие звери, вот-вот разорвут, но она и не глядит на них, знай, идет себе долиной. И разные голоса ее окликают, то словно издалека, то в самое ухо ей шипят:

– Будешь, девка, плакать слёзно, воротись, пока не поздно!

А она всё идет вперед, не оглядывается. Прошла она больше половины долины и увидела своих окаменелых братьев. Остановилась она, слезы покатались у нее по лицу. И тут слышит она за спиной:

– Не плачь, сестричка, здесь мы, живые и здоровые!

Сестра на радостях чуть-чуть не обернулась. Но всё же удержалась и говорит:

– Коли вы живы и здоровы, тогда подойдите ко мне, нельзя мне оборачиваться.

Подождала она немного – никого и ничего, и тут она поняла, что это был обман. Пошла она дальше и пришла наконец к тому замку, коснулась ворот волоском деда Длинноборода, те распахнулись, и она вошла.

Первым делом бросилось ей в глаза невиданное дерево-краса. Листья на нем сверкали, переливались всеми цветами, а когда подул ветерок, зазвучали они на разные голоса, словно каждый листок играл на своем инструменте. А всё вместе звучало волшебной, никогда не слыханной музыкой.

На том дереве, на самой нижней ветке, висела золотая клетка, а в ней была птица.

– Так ты и есть птица, которая всё знает, всю правду говорит? – обратилась к ней девушка. – Тогда скажи: как мне братьев своих оживить?

Защебетала птица, словно на серебряной струне заиграла:

*– Набери, королева, пенной живой воды
и окропи ею своих братьев,
в камень обращенных.*

Осмотрелась девушка и увидела под деревом источник. Вода в источнике бурлит, пенится, ключом бьет. Набрала она этой воды в кувшин и побежала в долину. Окропила своих окаменелых братьев, а потом и все остальные камни. И тут стали камни живыми людьми, все девушку обнимают, благодарят за избавление.

Вернулась она с братьями в замок. Там они отломали веточку от дерева-красы, набрали кувшин живой воды, сняли клетку с правдивой птицей и отправились домой.

Дома посадили они ветку посреди сада, и принялась ветка и вскоре выросла в большое дерево. Листья на нем сверкают, переливаются всеми цветами, а когда ветерок подует, звучат они неслыханной музыкой. И от этой музыки трава в саду становится зеленее, розы душистее, плоды деревьев сочнее и даже утренняя роса – свежее и ярче.

Разлетелась молва о чудесном саде по всем краям. Люди приходили

поглазеть на дерево-красу, и, затаив дыхание, слушали его музыку. Восхищались живой водой, которая всё пенилась, бурлила, была ключом из-под дерева, и благоговейно слушали птицу, которая даже то знала, чего никто другой не знал.

Прослышал про эти чудеса король и решил сам посмотреть на них. Напрасно отговаривала его повариха с камердинершей: зачем, мол, тащиться бог знает куда, если и так всем известно, что краше всех садов на свете его королевский сад, даром что нет в нем таких диких винок. Но король не дал себя отговорить, сел в карету и поехал.

Вот приходит он в этот сад. Там встречают его и ведут к чудесному дереву собственные его дети, а он этого и не знает, и они тоже. Смотрит на них король и думает: „До чего же они хороши, здоровые как рыбки, проворные как пчелы, щедрые как земля!“ Только на них он и глядит, они для него большее чудо, чем три чудесные вещи. Радостно ему с ними, и никак не может он этой радостью насытиться. Наконец он и говорит:

– Ну, побывал я у вас в гостях, а теперь вы приезжайте в королевский мой город и будьте моими гостями.

Братья с сестрой согласились, и когда через несколько дней прикатила за ними карета, они сели в нее и поехали.

В королевском городе, перед собором, карета вдруг остановилась, кучер подошел к зарешеченному окошку и плюнул в него.

– Зачем ты это сделал? – спрашивают его те, что в карете сидели.

– Таков королевский приказ. В этой темнице сидит бывшая королева,

которая вместо детей рожала одних щенят да котят. Поэтому каждый, кто проходит мимо, должен в нее плюнуть, иначе его ждет суровое наказание.

– Мы этого не сделаем, – говорит старший брат.

– Это почему же?

– Потому что эта женщина – мать без детей, а мы – дети без матери.

И не стали они плевать в окошко.

А король сидит в своей зале и ждет не дождется своих молодых гостей. И тут стража докладывает, что эти два молодца и их сестра ослушались королевского приказа, не стали плевать в окошко и поэтому посажены в тюрьму.

– Ну и пусть сидят, – разгневался король. – Только этого не хватало, чтобы королевские приказы – и вдруг не выполнялись!

Да, разгневался король, никак успокоиться не может, все страшатся попасть ему на глаза. Но постепенно гнев его стихает, и вместо него приходит сожаление. О чем-то он сожалеет бесконечно – кто знает о чем? Отчего-то щемит у него сердце – кто знает отчего? И когда уж ему совсем стало невмоготу, вспомнился ему чудесный тот сад и три чуда в нем – а ведь он их толком и не разглядел. И всё-то он думает о той пташке, которая всё знает, обо всем правду говорит – а ведь он у нее ничего не спросил.

Снова собрался король в тот сад и сразу велел отвести его к дереву-красе, к правдивой птице.

– Скажи мне, правдивая птица, отчего я места себе не нахожу, отчего душа у меня болит? Ты ведь, говорят, всё знаешь.

Тут запела птица, словно серебряная струна зазвенела:

*– Жжет, король, твою душу зло, которое ты причинил
своим близким людям, людям невинным.*

*Это тайна всей твоей жизни,
несчастный ты человек.*

*Жена родила тебе трех чудесных детей,
родила тебе двух сыновей и красавицу-дочку,
а сестры – завистницы детей тех украли,
бросили в воду, реке на милость.*

*Детей твоих добрый человек приютил,
вырастил их в этом саду,*

*сделал из них честных людей, со щедрым сердцем.
Когда ехали дети к тебе, королю
– к родному отцу –
отказались они плюнуть в королеву, свою неузнанную мать,
и попали в тюрьму по твоему приказу.
Оттого-то и болит твоя душа...*

Пока пташка пела, слезы выступили на глазах у короля. Вытер он глаза, подозвал садовника и стал спрашивать: кто эти двое юношей и девушка, чьи они дети?

Отвечает ему садовник:

– Хоть и люблю я их, как родных детей, только я им не отец. На мое счастье подарила мне их река, сначала мальчиков, а потом и девочку. А было это как раз тогда, когда случилась война с соседним королем.

Тут король обнял садовника как родного брата, набрал кувшин живой воды и поспешно вернулся в королевский свой город.

Перед собором велел он остановиться и отпереть темницу. Вошел король и упал на колени перед своей женой, которая уже ни стоять, ни сидеть не могла, а лежала без сил на камнях, тысячу раз оплеванная с головы до ног. Взял король кувшин с живою водой и обмыл ею королеву. И словно рукой сняло с нее годы страданий – стояла она пред ним молодая и прекрасная как когда-то. Рука об руку вышли они из темницы и поехали к своим детям. Радость их нельзя никакими словами описать. Дети то мать обнимут, то отца, глядят в глаза друг другу – не наглядятся, слушают друг друга – не наслушаются. А когда насытились они радостью встречи, король велел тайно отвезти их во дворец.

В тот же день созвал он королевский совет и пригласил на него повариху с камердинершей.

– Хочу я с вами посоветоваться, – ска-

зал король. – Скажите мне, какой кары заслуживает тот, кто посылает на смерть невинных людей?

Советники советовали то одно, то другое. Наконец отозвалась повариха:

– Я бы такому человеку то присудила, что он сам сделал невинным людям.

– Сама себе ты вынесла приговор, – сказал король, – себе и своей сестре. Потому что вы и есть те злодейки, которые бросили моих детей в реку, а их мать тяжко оклеветали. То же будет и вам.

Заколотили повариху и камердинершу в большой ящик и бросили в реку. А река гудит, сердится, ни одна волна не хочет тот ящик нести, тут же швыряет его другой волне. Летит ящик вниз по реке и наконец попадает в синее море. Но и там волны его не принимают, злобно отбрасывают его от себя. Так он и носится по сей день по широкому морю.

А король с королевой и тремя детьми стали жить в счастье, какого они до сих пор не знали. Садовника они богато наградили, а когда он состарился и не в силах был больше работать, взяли его во дворец – доживать свой век рядом с ними.

Три чудесные вещи король велел перенести в королевский сад.

Дерево-краса растет посредине сада. Бурлит, кипит, пенится у его корней живая вода. А правдивая птица живет в золотой клетке на нижней ветке, и о чем ее ни спросят – всё она знает, всё скажет.

Жаба

В глубокой долине, на лугу зеленом, у белого камня выросли три клена.

На этом самом лугу, спиной к лесу, а лицом к высохшей речке стояла избушка, бедная, ветхая, маленькая. Жила в той избушке мать-вдова, да сын ее Андрей. Был он парень рослый, сильный, деревенские хозяева охотно звали его к себе работать. Но однажды случилось то, что часто случается: полюбил Андрей дочку богатого хозяина, и она его полюбила. Сначала они лишь несмело переглядывались, потом повстречались и друг другу во всем признались. Тогда собрался Андрей с духом и пришел к ее отцу. Только ничего хорошего из его сватовства не вышло. Богатый хозяин тут же его и выставил:

– Ах ты, голь перекатная! Тоже мне жених нашелся! Нищета за ним по пятам ходит, а он еще смеет соваться...

Андрей побежал домой как ошпаренный, от стыда и горя у него сердце разрывалось. Попросил он мать испечь ему каравай хлеба, косу отбил и ушел из родных мест.

Шел он, шел, дошел не то до седьмой, не то до семнадцатой деревни и нанялся там в косари. Взялся косить с чужими людьми огромный луг и за работой забылся, отлегло у него от сердца. Уже почти весь луг выкосили, как вдруг один косарь заметил в траве жабу.

– Гляньте на нее, жабищу толстобрюхую! – кричит.

– Ну и страшилище! – плюнул другой косарь.

– Дайте-ка я ее косою полосну! – подбежал третий.

Жаба не шелохнется, только глаза таращит, словно чувствует, что вот-вот ей конец придет.

Тут Андрей говорит:

– Мужики, оставьте вы жабу в покое, она ведь тоже жить хочет!

– Ну, тогда сунь ее себе в карман, красавицу ненаглядную! – рассмеялся первый косарь, а остальные насмешливо загоготали.

Однако Андрей и бровью не повел на их насмешки, положил жабу в шляпу и отнес на самый край луга, подальше от людских глаз. И еще кусок сыру перед ней положил.

На другой день хозяин расплатился с косарями, и все разошлись кто куда: кто домой, кто на новые заработки.

И Андрей решил подыскать себе новую работу. Пошел он дальше, да видно не туда, куда надо, потому что забрел он в какую-то безлюдную глушь. Три дня шел, ни одной живой души не увидел, ни одного людского

жилья. Всё что в сумке было съестного – всё подъял, голод его изводит, а жажда еще больше... Вот и еще одна ночь на подходе. И тут вдруг учуял он такой аромат! Нет, не розами запахло, и не фиалками, а тушеной капустой с колбасой – для голодного человека лучшего аромата быть не может!

Пошел он на этот запах и пришел к освещенным окнам какого-то дома. Двери сами собой перед ним отворились, послышался гул веселых мужских голосов... Да ведь это корчма!

– Добро пожаловать, Андрей! – встречает его красавица-корчмарка.
– Второй день я тебя дожидаюсь.

Подвела она его к накрытому столу, поставила перед ним тушеную капусту с колбасой и бутылку доброго вина.

– Откуда же вы меня знаете? – спросил у нее Андрей, как только утолил голод и жажду.

– А ты лучше не допытывайся, – говорит она ему. – Одно тебе скажу: давно я не едала ничего вкуснее, чем твой сыр.

Как вспомнил Андрей, кого он недавно сыром угощал – мороз пробежал у него по коже. Жабу! Господи, и что же это за корчма такая? Все гости одеты как лесничие, в костюмах зеленого сукна, смуглые, будто солнце их опалило дочерна. Хлещут вино, режутся в карты, глаза у всех так и блестят. А один в дальнем углу что-то там распевает во все горло, видно, хлебнул лишнего. То и дело распахиваются двери, еще входят лесничие,

топая ногами, словно кони копытами, и ни один не поздоровается, не скинет шляпу.

„Ну, брат, отсюда нужно уходить подобру-поздорову! – думает Андрей. – Однако на дворе темно как в мешке. Придется переждать до рассвета, в этой темноте сам черт ногу сломит.“

И он решил прикинуться спящим: положил локти на стол, голову на локти, будто сон его сморил, а сам не спит, наострил уши как заяц. Тут пьяный в углу опять начал горланить. И если вслушаться, то можно разобрать, что он там распекает:

*В глубокой долине
протекала речка,
уронила с бела камня
девица колечко.
Три парня колечко
выловить пытались,
занесло песком ту речку –
следа не осталось.
В глубокой долине
на лугу зеленом
у белого камня
выросли три клена.*

Андрей чуть на ноги не вскочил, услышав эту песню. Он ее, правда, в жизни не слышал, но место, о котором в ней пелось, он знал очень хорошо. Ведь на этом месте его изба стоит! Но он сдержался, ничем себя не выдал, даже похрапывать стал. А тот, что в углу, знай распевает:

*А под белым камнем
клад лежит богатый,
сколько на тех кленах листьев –
столько там дукатов.*

Андрей сидит, не дышит. Кто знает, что с ним эти гости сделают, если догадаются, что он подслушал песню? Но никто на него внимания не обращал, а со временем стали гости подниматься из-за столов и с громким топотом расходиться. Когда Андрей осмелился, наконец, поднять голову, корчма была пуста. Под окном проходил последний гость, шляпа у него съехала набок, а из-под нее выглядывал рог – не хуже чем у барана.

– Молодец, Андрей, – говорит корчмарка. – Так и надо было себя вести. А что ты услышал – тем пользуйся на здоровье. Это мой подарок за то, что ты жизнь мне спас.

За угощенье она ни гроша с него не взяла, вывела со двора и дорогу показала.

К вечеру Андрей уже был дома, а в ту же ночь он выкопал из-под белого камня клад – два сундука золотых дукатов. И только он успел вместе с матерью перенести клад в избу, как зажурчала в сухом русле быстрая вода, заплясали в ней рыбки, склонились к ней цветы.

Первое, что Андрей сделал – купил этот луг с кленами, с белым камнем, с речкой, и поставил на лугу дом. И поле купил, и теперь уже считался настоящим земледельцем. Но все равно оставалось у него много дукатов. Тогда однажды в воскресенье созвал он на луг детей со всей деревни и каждому дал по дукату. И тогда в первый раз многодетные бедняки радовались, что у них так много детей, а те, у кого их было мало, пожалели об этом.

А вечером пришел к Андрею тот самый хозяин, который еще недавно выставил его из своего дома.

– Сынок, – сказал он Андрею, – неразумно ты поступаешь. Чужим детям раздаешь, а о своих не думаешь. Ты ведь жениться хотел, и вроде тебе наша Ганка приглянулась. Так вот, если ты не раздумал, то и я не прочь. Как говорится, веселым пирком да за свадебку!

Андрей обрадовался, потому что он Ганку до сих пор забыть не мог, и вскоре была свадьба. Со всей деревни гостей созвали, и за мной тоже послали. Молодых посадили в красном углу, а меня – у дверей на полу. А рядом стоял мех с вином, дубинкой подпоясанный, перевяслом подпертый. Вдруг этот мех лопнул, вино рекой потекло и меня сюда принесло.

Буй-волк

Случилось это где-то далеко, а может, не так уж далеко, но очень давно – а раз давно, то значит, и далеко. В общем, жила когда-то одна женщина, звали ее Вакеша, и была она знахаркой и вещуньей. И чего она только не знала, чего не умела! Умела наслать порчу и снять ее. Умела лечить раны открытые и закрытые. Знала траву, которая открывает клады. И еще такую траву знала: если сунуть ее в правый сапог и кого-нибудь этим сапогом ударить, тот сразу разольется лужей дегтя. Много тайн знала Вакеша, но ей всё было мало. Так уж это бывает: у кого много, тот хочет иметь еще больше, а кто много знает, тот хочет еще больше знать.

Прочла Вакеша в чародейской книге, что есть на свете трава, которая может превратить кого хочешь во что хочешь. Цветет эта трава раз в семь лет. Нужно сорвать ее в ночь на Яна Купалу, в самую полночь, положить на язык и проглотить.

Высчитала Вакеша, что теперь как раз тот самый седьмой год, когда этот цветок распускается, и пошла по нехоженной тропе, которую подсказала ей эта чародейская книга. Пришла она на заповедный луг посреди глухого леса, тысячи цветов переливались там всевозможными красками. Ходила Вакеша среди цветов и с помощью чародейской книги нашла-таки тот волшебный цветок: был он пестрый как бабочкино крыло. Присела она перед этим цветком и стала ждать. Как только звезды показали полночь, она сорвала цветок, положила на язык и проглотила. И не заметила, что к пестрому цветку прилипло зернышко волчьего мака – проглотила его вместе с цветком. Проглотить зернышко волчьего мака в такую ночь – большая беда, даже для мудрой Вакешы. Вскоре Вакеша заметила, что она забеременела.

Пришло время, и родился у нее мальчик. Но только какой странный! Ходить начал чуть ли не в первый день, уши – остроконечные, торчком а рот полон зубов. Нрав у мальчика был мрачный, замкнутый, а брюхо

ненасытное. Ел, что придется, а если его дома не было – значит, он непременно где-нибудь по лесу бродит в поисках съестного. У Вакеша в темном углу избы было волшебное окошко. Подойдет она к нему,дохнет на стекло и сразу видит, где мальчик и что он делает.

Однажды заглянула она в это окошко. И увидела дальний косогор, а на нем своего сына, который глодал что-то. Вгляделась она получше и помертвела от ужаса. Мальчик обгладывал волчий-корень! Выходит, сбылось то, чего она давно уже опасалась: сын ее – буй-волк, оборотень.

Стала она варить ему всякие целебные зелья. Если б он их пил, может, ей бы и удалось переменить его буй-волчью натуру. Только мальчик тайком выливал их на землю, а сам все чаще уходил на косогор искать волчий-корень. А когда возвращался оттуда, то злобно скалил зубы, и глаза у него горели красным огнем. Вакеша от этого очень страдала, и про себя иначе его не называла как буй-волком, хотя у него было свое имя: Матей.

Пришел раз к Вакеше странник откуда-то из дальней деревни и не застал ее дома. Буй-волк в ту самую пору вернулся с косогора, втащил беднягу в избу и сожрал его.

Воротилась Вакеша домой и увидела в сенях ременную сумку.

– Кто это к нам пришел? – спрашивает.

– Никого не было, – буркнул буй-волк.

– А откуда сума на лавке?

– Ах, сума! Я ее нашел. На косогоре нашел, она у пенька валялась. Видно, кто-то ее там забыл. Я и взял, думал, пригодится вам для трав и кореньев.

„Что это он так разговорился? – удивилась Вакеша. – Иной раз слова из него не вытянешь, а тут вдруг...!“

– Ты ведь знаешь, сынок, люди к нам ходят за советом и помощью.

– Ну и пускай себе ходят, мне они ни к чему-у-у! – проворчал буй-волк, и из горла у него вырвался хриплый вой, как у настоящего волка.

„Придется мне глаз с него не спускать, – подумала Вакеша. – Пока я с ним рядом, он не посмеет людей обижать.“

Однако легко сказать, глаз с него не спускать! То ее к больному позовут, то травы пора собирать, то на речку нужно, белье постирать. А как вернется домой, то и дело находит в избе чей-то посох, или корзину, или постолы. Всё чужие, незнакомые вещи. Станет она выспрашивать буй-волка, чье это, а тот даже отвечать не хочет, только засмеется так, что в горле у него заклоочет. И вид у него зловещий, глаза горят, ноздри раздуваются. Не нужно быть вещуньей, чтобы догадаться, что здесь без нее делается что-то страшное.

Тогда Вакеша вообще перестала выходить из дому. Каждого, кто к ней придет, она норовила спровадить поживее – только бы буй-волк не увидал.

Однажды буй-волк опять ушел на косогор, мать видела в волшебном окошке, как он там лакомится волчьим-корнем. И тут пришла к ней девочка-сирота. Хозяин, у которого она служила, послал ее дрова пилить, пила сорвалась и полоснула ее по руке. Рана загноилась и никак не затянется. Вакеша ввела девочку в дом и наложила ей на порез целебные травы. Не успела она рану перевязать – буй-волк кричит со двора:

– Мама, кто там у нас?

– Да кому у нас быть, Матейко! – Вакеша выбежала ему навстречу, а дверь за собой заперла, уж больно ей не понравился голос буй-волка на этот раз.

– От меня, мама, не скроете! Я был на косогоре и глядел оттуда на наш двор. Двое вас по двору ходило, двое!

– Верно, была тут девчушка с порезанной рукой, так она давно уже ушла.

– Не ушла! Иначе не стали бы вы дверь запирать! Уйдите, мама, с дороги!

– Не уйду, сын мой.

Буй-волк оттолкнул мать от двери и попытался ее взломать. Но дверь не поддавалась, была она толстая, дубовая. Тогда побежал буй-волк в сарай за домом. А Вакеша поспешно вошла в дом, даже дверь за собой не заперла. Положила девочке на голову ладонь и превратила ее в иглу. В иголку нить вдела, села к окну и принялась фартук чинить. А буй-волк тут как тут, уже в дверях.

– Ну что, видишь, нет здесь никого! – говорит ему мать.

– А только что был, непременно был! Человечиной пахнет! Вы меня ее лишили, мама! Но это в последний раз, слышите?

– Слышу, сын мой! – говорит Вакеша. Воткнула она иглу в передник и стала рыться в травах, которые у нее были повсюду: на подоконниках, в ящиках и на балках. Нашла она траву, которую искала, и вложила ее в правый сапог. Обула сапоги, будто она в деревню собралась идти, подошла к буй-волку и говорит:

– Твоя правда – сегодня это было в последний раз, сын мой, который не по своей вине родился буй-волком.

И правым сапогом, в который она только что вложила колдовскую траву, она ударила буй-волка по лодыжке.

Взвыл буй-волк страшным волчьим голосом, пал на землю и разлился лужей дегтя.

А Вакеша снова превратила иглу в девочку и говорит ей:

– Не успела я тебе рану перевязать, покажи-ка мне ее, дитя мое. А то, если хочешь, и вовсе оставайся у меня, ты сирота, и я сирота. Вдвоем нам веселее будет.

Так и осталась девочка у Вакеши, и они быстро привыкли друг к другу, им было хорошо вместе. Вакеша научила ее многому из своего искусства, но не всему, нет, далеко не всему. Она ведь знала, что не всякий человек выдержит бремя познания, и что цена, которую приходится платить за познание, бывает жестокой.

Крутомета

Было это очень давно, когда слова еще не успели износиться и имели огромную силу. Что слово говорило, то и должно было стать. Слова благословения охраняли от беды, даже от смерти избавляли. А слово проклятия своей страшной силой пробивало небеса и землю.

В те далекие времена жил один король. Жена у него умерла, и он решил снова жениться. Ему давно уже приглянулась молодая принцесса из соседнего государства. Так она ему понравилась, что он решил лучше не говорить ей, что у него есть дети, а сразу же повел речь о свадьбе. А потом будь что будет, решил он.

И была свадьба, богатая, великолепная, еще и на седьмой день не утихло свадебное веселье. В тот седьмой день молодая королева незаметно скрылась от гостей, чтобы осмотреть дворец, в котором она теперь будет хозяйкой. Дошла она до дальнего крыла дворца и открыла дверь на террасу. На террасе играли семь мальчиков: от юноши до совсем маленького ребенка.

– Вы чьи? – спросила молодая королева.

– Мы сыновья короля этой страны, – отвечал старший. – А ты кто?

– А я... я...

Молодая королева в изумлении глядела на королевских сыновей, на своих пасынков, и в сердце ее вливалась ненависть. И к горлу ее подступали слова, губительные как змеиный яд. Не смогла она сдержать эти слова, они пробились у нее сквозь зубы:

– Чтоб вам стать... селезнями!

Только она их произнесла, как семь королевичей превратились в семь белых селезней с золотыми хохолками, замахали крыльями и с ужасным криком поднялись в воздух. Через минуту они растаяли в небе, а королева вернулась к свадебным гостям, как ни в чем не бывало. И не заметила, что за колонной террасы стояла девушка, которая всё это видела и слышала.

Это была принцесса Барборка, она в тот день присматривала за младшим братцем, пока старая няня помогала королевским кухаркам.

Заплакала Барборка и решила тут же уйти из дому и не возвращаться, пока братьев не найдет и не вызволит из беды. Собрала узелок и ушла из дворца, а как, когда, куда – никто и не знал.

Шла она не день, не два, а очень много дней, и пришла на какую-то пустошь, где не то что деревья или кусты – даже трава не росла. Под вечер пришла она к домику, а в нем жила Звездочка. Та как раз лампадку чистила, собираясь ее зажечь.

– Добрый тебе вечер, Звездочка, – поздоровалась Барборка.

– И тебе добрый вечер, девочка. Как ты сюда попала, ведь здесь ни пес не залает, ни петух не запоет.

– Я своих семерых братьев ищу, семь белых селезней с золотыми хохолками. Не видала ты их, Звездочка?

– Нет, девочка, не видела. Но если хочешь, я тебя отведу к моему братцу Месяцу, может, он их видал.

Пошли они к Месяцу, но не застали его дома, он уже ушел на свою ночную работу.

– Ты не огорчайся, – говорит Звездочка, – пойдем спросим моего второго братца, Солнышко.

Солнышко уже улеглось в свою золотую постель, но еще не спало – оно рассказывало матери, что видело за день. И тут входят Звездочка с Барборкой.

– Добрый вечер, мама, добрый вечер, братец Солнышко, – поздоровалась Звездочка. – Эта девочка, Барборка ее зовут, ищет семерых своих братьев, семь белых селезней с золотыми хохолками. Не видал ли ты их, братец?

– Постой, постой... семь селезней, говоришь, с золотыми хохолками... Ну как же! Я их часто вижу на одном зеленом лугу в Египте. Там они пасутся, а улететь с того места не могут. Такое на них наложено заклятье. Там ты их, Барборка, обязательно найдешь.

– А какие они были, твои братья, когда еще жили дома с тобой? – спрашивает мама Солнышка.

– Какие? – задумалась Барборка. – Наверно, такие же, как и все мальчики. Первый любил верховую езду, второй любил фехтовать, третий любил гулять в саду, четвертый любил танцевать, пятый любил играть в прятки, шестой – качаться на деревянной лошадке, а седьмой был совсем еще маленький мальчик – он любил сосать пальчик.

– Деревянная лошадка... пальчик... совсем как мои, когда были маленькими, – вздохнула мама Солнышка. – Так они, говоришь, в Египте? Но это же страшно далеко, да еще и за морем! Сынок, давай одолжим Барборке наши волшебные башмаки!

Дали они Барборке волшебные башмаки, и не успела она их обуть, как очутилась в Египте, на том самом зеленом лугу, где паслись ее братья-селезни.

Семь белых селезней подняли головы с золотыми хохолками, сразу узнали свою сестру и радостно закричали:

– Здравствуй, сестрица Барборка, как ты нас нашла?

Она им всё рассказала, а потом спрашивает:

– Скажите, братья мои белые, как мне вас высвободить?
– Мы тебе расскажем всё, что знаем, – отвечает старший селезень.
– А всё, что мы знаем – это крутомета.

– Крутомета – это всё, что мы знаем, – грустно сказали остальные шесть селезней.

– А кто это – крутомета? Какая-нибудь колдунья? Или, может, волшебный камень? Или змеиная мазь? Или еще что-нибудь?

Но белые селезни только грустно качали головами: „Этого мы не знаем.“

Задумалась Барборка, стала голову себе ломать, с кем бы ей посоветоваться. Наконец придумала: обула волшебные башмаки, и в тот же миг не стало ее на зеленом лугу в Египте, потому что она уже стояла перед полками королевской библиотеки в отцовском дворце. Там было множество книг, может, тысяча, может, полторы тысячи – по тем временам это было очень много – и никого, кроме Барборки. Достала Барборка книгу величиной с четверть стола, искала, листала, но о крутомете в ней не было ни слова. Вытащила Барборка книженцию величиной с полстола, искала, листала, но и в ней ни слова о крутомете. Выволокла Барборка книжищу величиной с большой стол, искала, листала, но о крутомете не было в ней ни слова, ни полслова, ни четвертьслова. Опечалилась Барборка и снова стала голову себе ломать: с кем бы ей посоветоваться? Вспомнилось ей, что из всех, кого она знавала, самой мудрой была их старая няня, которая и ее, и братьев ее растила и пеклась о них как родная мать.

Обула она волшебные башмаки и тут же очутилась у нянюшки.

С тех пор, как исчезли королевские дети, няня разыскивала их изо дня в день по всей округе и повсюду о них выспрашивала. И в тот день она только-только вернулась после своих поисков, глядь, а перед ней принцесса Барборка! Сидит в няниной комнатке и мило улыбается, будто ничего и не случилось, будто и не пропадали без следа семеро королевичей и сама принцесса Барборка! Обрадовались обе безмерно, а объятиям и рассказам не было конца. И когда всё уже было рассказано, Барборка говорит:

– Старые люди бывают мудрые, иногда они даже то знают, чего в книгах нет. Ты, нянюшка, случайно не знаешь, кто это или что это такое – крутомета?

– Крутомета, крутомета... что-то мне сдается... Ага, постой! Когда я еще девочкой была, вот как ты сейчас, был у нас черный поросенок с длинной мордой, и мама о нем всегда говаривала: „Этот поросенок – лакомка, каких свет не видывал, за крутомету он в лепешку готов расшибиться.“ Но что это такое – убей, не знаю.

– Спасибо, нянюшка, и на этом, – сказала Барборка, обула волшебные башмаки и загадала: „Хочу попасть туда, где моя няня жила, когда была маленькой.“

И сразу там очутилась.

Буковый лес, у леса белый домишко, а неподалеку мальчик свиней пасет.

– Добрый день, мальчик, – поздоровалась Барборка. – Ты случайно не знаешь, что такое крутомета?

Мальчик головой покачал: не знаю, мол.

– Тогда скажи мне хотя бы, какая из твоих свиней самая лакомка...

– Все они, дряни, лакомки, – разговорился мальчик, – но особенно вон та, черная, с длинной мордой. На желуди она и глядеть не хочет, всё выкапывает из земли какие-то корешки.

„Может, это ей по наследству передалось“ – подумала Барборка, и сердце у нее заколотилось.

– А ты можешь, мальчик, дать мне один такой корешок?

– Конечно, только нужно время улучшить... Ага, вот она как раз его вырыла!

Мальчик подбежал к свинье, а та – гам! – и проглотила корешок целиком.

– Лакомка паршивая! Ну ладно, теперь-то я не прозеваю!

И тут свинья опять корешок вырыла. Мальчик подкрался к ней и шлепнул ее палочкой по морде. Свинья взвизгнула и выронила корешок.

– Вот, держи, девочка-красавица, – протянул его мальчик Барборке.
– А скажи, зачем он тебе?

– Понимаешь, мальчик, может быть, этот белый корешок и есть крутомета, которую я ищу. Тогда он спасет моих бедных семерых братьев.

Поблагодарила она за помощь, обула она волшебные башмачки и подумала: „Хочу в Египет, на зеленый луг, где пасутся мои братья!“

И тут же очутилась на том лугу.

Дрожащими руками разделила она белый корешок на семь частей и раздала братьям. Съел первый брат свой кусочек – и ничего, совсем ничего не случилось. Второй съел – опять ничего. Проглотили свои кусочки третий, четвертый, пятый, шестой – и ничего, ничего-ничего-ничего. А седьмой селезнечек, самый младший, всё воюет со своим кусочком, никак не может с ним справиться. Наконец, проглотил он его – и тут... Тут вся стая замахала крыльями, и вместо селезней оказались на лугу семеро прекрасных мальчиков. Тех самых, из которых первый любил верховую езду, второй любил фехтовать, третий любил гулять в саду, четвертый любил танцевать, пятый любил играть в прятки, шестой – качаться на деревянной лошадке, а седьмой был совсем еще маленький мальчик – он по-прежнему сосал пальчик.

Обнимали братья свою верную сестру, а сестра обнимала спасенных братьев. Потом отправились они к морю и там увидели корабль, который собирался плыть в их края. Попросили они корабельщиков перевезти их через море, и те охотно согласились.

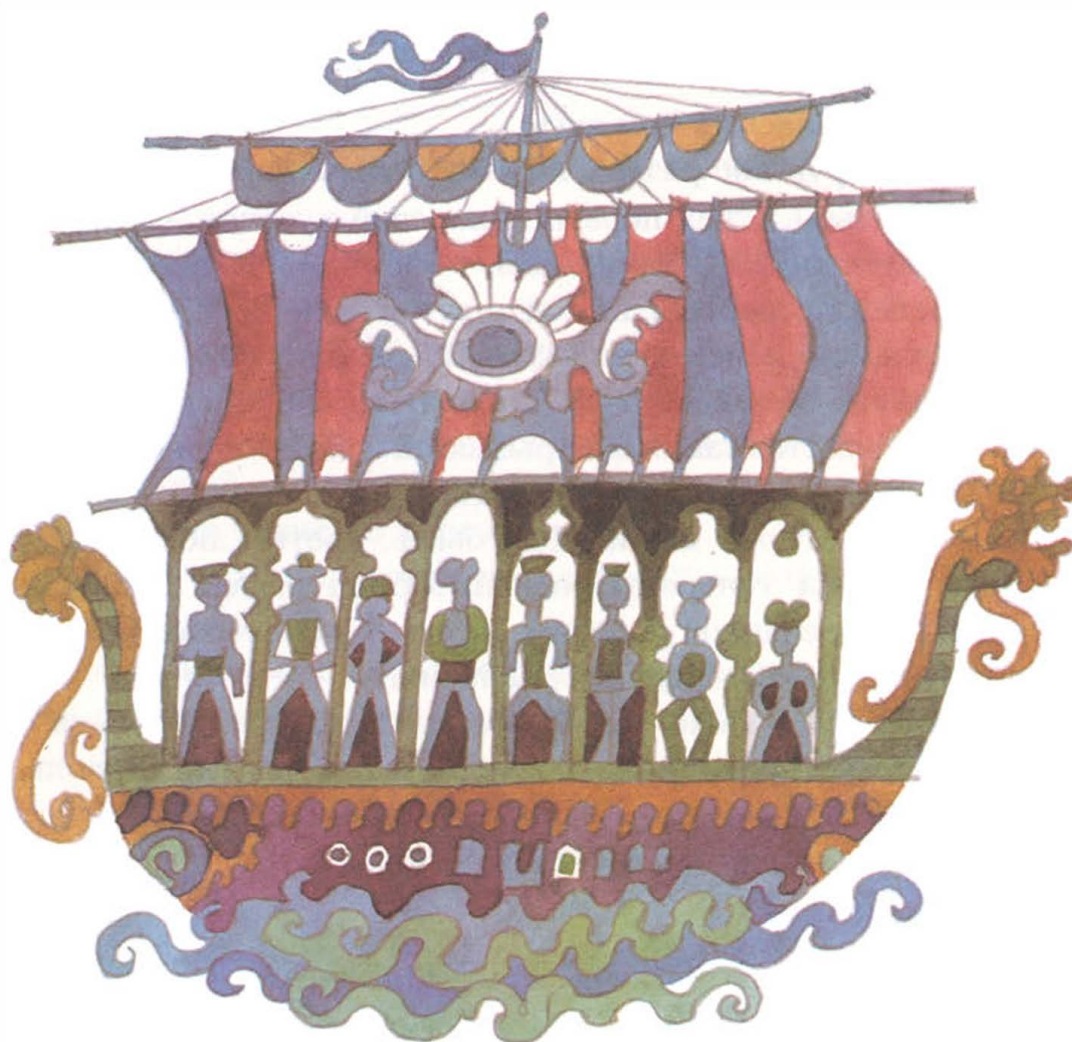

Не знаю, как это вышло, но только слух о том, что семь королевичей, а восьмая – принцесса Барборка, возвращаются к отцу, ветром перенесся через море и долетел до столицы.

Король тут же велел запрячь в три серебряные кареты двенадцать лучших своих коней, подкованных серебряными подковами, и выехал навстречу своим детям. Вся страна ликовала и провозглашала славу королю и его детям. А Барборка не забыла по пути вернуть Солнцу волшебные башмаки, без которых бы вряд ли всё так хорошо кончилось.

Король был счастлив, но в то же время терзался, не зная, как ему поступить со своей молодой женой. „Ну что ж! – решил он наконец, – я у нее спрошу, чего заслуживает человек, который хотел загубить семь невинных жизней. Что она выберет, то и получит.“

Но королеве не больно-то хотелось снова увидеть своих пасынков. Она знала, что добром эта встреча не кончится – и удрала туда, откуда пришла.

Водяницы

Когда было, тогда и было, но было это на самом деле. Если не верите, спросите старых людей, они не дадут соврать.

В одном озере жили водяницы, мерзкие такие уродины. Никогда они не умывались, не причесывались, и даже собственных детей им лень было накормить. Зато какие они были сладкоежки! Больше всего на свете любили они сладкую морковь и поэтому каждую ночь паслись на грядках в ближайшей деревне.

Как-то ночью воровали они морковь в огороде рядом с домом молодой Желинки и ее мужа Стокласа. Полакомились водяницы вволю, а потом заглянули в окошко избы, любопытно им было, отчего там ночью свет горит? Желинка неделю как родила и как раз кормила грудью младенца, пухленького и беленького как булочка. Накормила сыночка и уложила в колыбель, и тут вдруг кто-то в окошко: тюк, тюк, тюк!

– Кто там? – выглянула Желинка в окошко, но никого не увидела, только услышала, как за углом дома какой-то ребенок плачет навзрыд. И хоть бы она мужа разбудила, раз уж ей ребенка жалко стало! Но она никак не могла растолкать Стокласа, уставшего после трудного дня – и вышла сама. Только она порог переступила, водяницы схватили ее под руки и вмиг уволокли в озеро. Там сбежались вокруг нее все эти образины и запрыгали, заверещали:

– Добро пожаловать, Желинка! Будешь теперь у нас жить, детей наших кормить и пеленки им стирать.

А детей там тьма-тьмушая, голодных, грязных...

Гадко было Желинке вместо своего сыночка выкармливать этих ублюдков. Никак не могла она с этим смириться и попыталась как-то сбежать от водяниц. Но те настигли ее и за волосы приволокли в озеро. Больше она и не пыталась, потому что силы у нее убывали на глазах, она хирела и чахла и подконец уже еле-еле ноги передвигала.

Так прошел год.

Однажды стирала Желинка пеленки в ручье, что впадал в озеро, и вдруг услышала чьи-то шаги. Кто же это осмелился ходить у самого озера? А это был мужик из их деревни, он свою заблудившуюся овцу искал.

– Сосед, эй, сосед! – окликнула его Желинка.

Тот остановился, смотрит и не признаёт ее.

– Какой я тебе сосед, коли я тебя впервые вижу!

– Да вы присмотритесь получше, сосед. Я Желинка! Вот уже год, как меня водяницы украли и заставили своих детей кормить, всю кровь, все соки из меня высосали, оттого меня и узнать нельзя.

– А мы-то думали, что тебя давно в живых нет, – говорит сосед. – Как твой муж убивался! А отец-мать! Что же мне им от тебя передать?

– Скажите им, сосед, что меня можно отсюда вызволить, если они всё так сделают, как я им скажу; только запомните хорошенько: Пусть муж мой Стоклас соберет завтра всю морковь со всей деревни, чтобы и в огородах ни одной морковины не осталось. Эту морковь пусть погрузит на телегу, запряжет в нее самых лучших коней и приезжает сюда через неделю. Я его буду здесь ждать.

Побежал сосед домой – и о пропавшей овце позабыл.

Стоклас всё выполнил точно и ровно через неделю приехал на то самое место. Там его уже поджидала Желинка, села в телегу, и кони понеслись!

Водяницы живо обнаружили, что Желинка снова от них удрала, и бросились за ней всей стаей. Когда они уже готовы были вцепиться в телегу, Желинка скинула им охапку моркови. Набросились водяницы на морковь, дерутся из-за нее, за волосы друг друга таскают, визжат, верещат, изголодавшись по моркови после недельного поста. Потом заметили, что телега уже далеко, и опять пустились вдогонку. Но Желинка опять им скинула охапку моркови, и пока водяницы ее подбирали и дрались из-за нее, телега далеко отъехала. Так повыкидывала Желинка всю морковь, и когда она последнюю охапку сбросила, кони уже въезжали в деревню.

Вот так спаслась Желинка. Рядом с добрым мужем и милым сыночком она опять расцвела, набралась сил.

Но только с той поры женщины, у которых были грудные дети, не смели во двор выйти, боялись, что водяницы их уволочут кормить своих поганных

детей. Вся деревня жила в постоянном страхе. А всех больше боялась бедняга Желинка. Не то что ночью – даже днем боялась выйти из избы, и ребенка все время держала в четырех стенах.

Ясное дело, Стокласу это совсем не нравилось. Стал он думать, голову себе ломать, как бы ему жене помочь. И придумал.

Весной засеял он на огороде рядом с домом столько же моркови, что и в прошлые годы, и отличная уродилась у него морковь, крупная, сладкая. В лунные ночи он видел, как водяницы на его морковь ходят и так ею хрустят, что в избе слышно. И вот вынес он на грядки женин сапог, да не какой-нибудь, а праздничный, в котором она под венец шла. Ночью водяницы опять пришли, стали пастись на морковных грядках, и одна из них тот сапог нашла.

– Ага, – кричит, – глядите, что у меня есть! – И рада без памяти, что сапог так славно блестит при луне.

– Дай мне! – вырвала у нее сапог другая водяница.

– Нет, мне дай!

– Ан нет, мне!

Рвут сапог друг у дружки из рук, глядятся в блестящее голенище.

Наконец самая бывалая говорит:

– То, что вы нашли, женщины у людей носят на ногах, им это очень идет. Оно так красиво постукивает, а иногда еще и поскрипывает.

Тут водяница, державшая сапог в руках, вмиг влезла в него обеими ногами. Попробовала пройтись, чтобы у нее постукивало да поскрипывало – но куда там – свалилась носом прямо в грядку. Попробовала встать – даже этого не может. А остальные смеются над ней, скачут вокруг и вопят – только эхо отзывается.

Тут выскочил Стоклас на двор, взмахнул бичом над головой и щелкнул им так, что собаки в соседней деревне завыли. Водяницы притихли и пустились наутек – вмиг попрятались в своем озере! Только та, что в сапоге застряла, валялась на грядке, даже до ограды не смогла доскакать. Стоклас обвязал ее цепью вокруг пояса, притащил в сени и там к лавке приковал. Водяница вертится, крутится, зелеными своими космами сени замечает – сразу всю избу тиной провоняла.

– Отпусти меня, добрый человек! – скулит водяница, – я больше не буду к тебе на морковку ходить!

– Отпущу, – говорит Стоклас, – если скажешь, когда вы, водяницы, из нашего озера уберетесь.

– Это не ваше озеро, – огрызнулась водяница, – мы в нем уже тогда жили, когда вашей деревни и в помине не было. В том озере под красным камнем лежит жемчужина величиной с бычий глаз. Если отпустишь меня, я тебе ее подарю.

– Только тогда я тебя отпущу, – повторяет Стоклас, – если скажешь, когда вы, водяницы, уберетесь из нашего озера.

– Это наше озеро! – заколотила водяница кулаком по лавке. – Мы в нем еще тогда жили, когда этой страной правил король-Ветер. Раз летел он на своем коне над озером и уронил в озеро золотую корону. Если отпустишь, я принесу тебе эту корону.

– Отпущу, – невозмутимо повторяет Стоклас, – если скажешь, когда вы, водяницы, уберетесь из нашего озера.

– Зачем тебе это знать, если этому все равно не бывать?

– Почему не бывать?

– Потому что никто того не сделает, что нужно сделать, чтобы нам, водяницам, пришлось отсюда уйти.

– А что нужно сделать?

– Нужно, чтобы кто-нибудь из вашей деревни сумел пролезть сквозь замочную скважину. А этого никто не сможет сделать. Лучше отпусти

меня, Стоклас! Я тебе принесу золотую рыбку, которая живет среди серебряных водорослей. Эта рыбка исполнит вам три желания: одно тебе, одно твоей жене и одно твоему сыну.

– И это всё? – спрашивает Стоклас. – Достаточно пролезть сквозь замочную скважину? Я понимаю, водяница, что это никому из нас не удастся, а всё-таки хочу узнать всё.

– Ну, ладно, раз уж ты такой настырный. Так вот, пролезть сквозь замочную скважину – это еще не всё. Нужно еще плюнуть в глаза одной из нас, водяниц, и сказать трижды: „Чтоб вам сгинуть!“ Ну, а теперь отпусти меня!

– Сначала я проверю, не обманула ли ты меня, – говорит Стоклас.

Пошел он к кузнецу и говорит ему:

– Слушай, кузнец, можешь ты выковать такой большой замок, чтобы я пролез сквозь замочную скважину?

– Это для каких же дверей он тебе понадобился? – смеется кузнец.

– Ты, мастер, лучше не смейся, – говорит Стоклас, – а берись поживее за работу, если хочешь, чтобы водяницы оставили наших жен навсегда в покое.

Кузнецова жена вот-вот должна была родить. Поэтому наш мастер тут же принялся с подручными за работу – только искры разлетелись. Через три дня замок был готов. Но какой замок! Не замок, а замчище!

Стоклас приехал за ним с возом, и двенадцать мужиков еле-еле взвалили замок на воз. Отвезли его на двор Стокласа, поставили там и ключом от него подперли. А потом вся деревня глядела – и до сих пор об этом вспоминают – как Стоклас пролез сквозь замочную скважину, потом вошел в сени, уродке-водянице плюнул в глаза и сказал трижды: „Чтоб вам сгинуть! Чтоб вам сгинуть! Чтоб вам сгинуть!“ Таким детским голосом заскулила водяница, что все оглянулись, подумав: кто это там ребенку на ногу наступил? А когда посмотрели опять на лавку в сенях, там лежала цепь, а на ней болталась прядь зеленых волос.

С тех пор никто в тамошних краях не видал водяниц. Морковь спокойно росла на грядках, никто ее больше не крал, а главное: женщины с малыми детьми перестали постоянно бояться и прятаться, ничего им больше не делалось.

Замок-великан отвезли на луг и поставили там – на случай, если он

опять вдруг понадобится. А дети, которые пасли гусей на лугу, играли вокруг него, пролезали сквозь замочную скважину и пели:

*Красота, высота –
золотые ворота!
Кто в ворота пройдет,
красно яблочко найдет.
То ли она, то ли он
из ворот выходят вон!*

С годами замок вместе с ключом перержавел и рассыпался, даже следа от него не осталось; осталась только эта сказка, да еще игра в „золотые ворота“, в которую дети любят играть до сих пор.

Третий брат

Где-то когда-то стояла у дороги криница, а рядом дом, а в нем жила вдовица. Муж у нее давно помер, но жила она не одна, было у нее трое детей: двое парней и девушка – маков цвет.

Однажды говорят сыновья матери:

– Завтра мы будем пахать на новом месте, у дальнего леса, а сестра пусть нам обед в поле принесет.

– Отчего ж не принести, – говорит сестра, – только как мне вас найти на новом месте?

Задумались братья, почесали затылки, потом говорят:

– Прямо от деревни мы начнем тянуть плугом борозду до самого нового поля. По той борозде ты нас найдешь.

Так они и сделали, пропахали борозду до нового поля и спокойно там работали.

Ну ладно.

А только на другом краю того леса жил семиглавый дракон Злоглаз, которому давно уже приглянулась вдовицына красавица-дочка. Часто глядел он на нее издали злыми своими глазами, и в головах его зрела черная мысль – а других у него сроду не бывало. Вот увидел он борозду, пропаханную ее братьями, и обрадовался. Примчался на своем коне, борозду затоптал и пропахал своим драконьим хвостом новую, прямо к своему замку.

В полдень собрала сестра обед для братьев и пошла вдоль той борозды. Шла она, шла, долго шла. „Как же далеко они пашут, – думает она, – давно уже за полдень перевалило, а братьев всё не видать.“

Уже вечерело, когда девушка увидала перед собой замок: зубчатые стены чернели в ясном небе словно драконьи клыки.

Выбежал из замка дракон Злоглаз:

– Добро пожаловать, красная девица, давно я тебя дожидаясь! – И разглядывает ее со всех сторон. – А ты знаешь, вблизи ты еще красивее, чем

издали! Теперь будешь ты со мною жить и в волосах у меня искать, я страсть как это люблю. И вообще – будешь обо мне заботиться, как добрая жена заботится о своем муже.

Заплакала девушка, заломила руки, но что тут поделаешь?

Вечером вернулись сыновья с пахоты и стали мать упрекать, что они по ее милости весь день голодали.

– Да ведь сестра вам обед понесла, неужто ее у вас не было? – охнула мать.

– Нет, матушка, не было.

Поняли они, что случилась беда. Подождали день-другой, не вернется ли девушка, но напрасно они ждали. Тогда говорит старший сын:

– Матушка, я пошел сестру искать, без нее я домой не вернусь.

Ну ладно.

Вышел парень из деревни, стал борозду разглядывать: а ведь это не та борозда, которую они пропахали, это чужих рук дело!

Пошел он вдоль борозды. Шел, шел, и пришел на пастбище, на котором старый пастух стадо волов пас.

– Дай вам бог счастья, дедушка!

– И тебе того же, сынок, – отвечает ему старик. – По плохому следу ты идешь, лучше бы тебе вернуться. Эта борозда ведет к замку дракона Злоглаза.

– Коли так, значит, дракон Злоглаз украл нашу сестру, а я ее должен освободить.

– Лучше и не думай об этом, сынок, – говорит пастух, – человеку с драконом не справиться. Ведь он каждый день съедает вола из этого стада и каждый день выпивает целый источник целебной воды. Ну, а ты смог бы съесть целого вола за один присест? Попробуй-ка!

– И пробовать нечего, мне одной воловьей ляжки за три дня не съесть.

– Ну так вот, послушай старика, воротись-ка ты лучше домой. Сестры вы уже лишились, неужто мало вам одного горя?

Но парень не послушался; он ведь матери обещал, что без сестры домой не вернется.

Отправился он дальше и пришел со временем на другое пастбище, на котором старый табунщик пас табун коней.

– Дай вам бог счастья, дедушка!

– И тебе того же, сынок. По плохому следу ты идешь, эта борозда ведет к замку дракона Злоглаза.

– Знаю, дедушка. Дракон Злоглаз украл у меня сестру, а я хочу ее вызволить.

– А ну-ка, садись на одного из этих коней и попробуй трижды объехать вокруг пастбища, пока у меня клок кудели не сгорит.

Вскочил парень на коня, а старик поджег кудель. Кудель горит, а конь летит, но не успел молодец объехать и половины пастбища, как кудель догорела и погасла.

– Ну, сынок, не тебе тягаться с драконом – и сестру не вызволишь, и сам свои кости сложишь. Мало вам, что ли, одного горя? – говорит старик.

Но парень не послушал совета. Он ведь матери обещал, что без сестры домой не вернется.

Шел он, шел вдоль борозды и наконец увидал перед собой замок. Зубчатые стены чернели против ясного неба словно драконьи клыки, и он сразу понял, что это замок Злоглаза.

Постучал молодец в ворота, и они зазвенели, потому что были из кованого железа. Отворилось в замке окно и выглянула сестра, печальная, заплаканная.

– Кто там? – спрашивает.

– Отвори, сестрица, это я, твой брат!

– Ах, братец мой милый, уходи домой поскорее, вот-вот вернется мой муж – семиглавый дракон.

– А все жепусти меня, сестрица, может, я и полажу с зятем. Не оставишь же ты меня стоять перед запертыми воротами!

Тогда сестра отворила ворота ипустила его. Не успели они поговорить по душам, как во дворе что-то грохнуло.

– Ой, это дракон возвращается, – сказала сестра и побледнела. – Стопу-

довую свою булаву он вперед себя забрасывает, чтобы не таскать ее с собой.

Вскоре разлетелись двери и вошел дракон Злоглаз.

– Здорово, шурин! Навестить меня собрался – это славно! – проревел он, насмешливо глядя на парня. – Что-то шурин у меня щупловатый, видно, плохо тебя кормят. Пошли, я тебе покажу, откуда у мужика сила берется!

Отворил он двери в другую комнату, а там ждал их на столе целый жареный вол.

– Садись, шурин, со мною и ешь!

Дракон разорвал жареного вола и принялся за еду. Не успел парень опомниться, как от жаркого и следа не осталось.

– Ну вот, закусили, теперь давай прокатимся наперегонки, – говорит дракон. – Выбери себе в конюшне коня и мы сгоняем до третьей долины и обратно.

Вскочил дракон Злоглаз на своего коня – и только пыль за ним поднялась столбом. Еще пыль не улеглась, еще парень только-только отъехал от замка, а дракон уже возвращается, веселый, бодрый, будто он там заново на свет родился.

– Нет, шурин, не будет от тебя толку! – говорит дракон Злоглаз. – Порядочному дракону от такой родни один срам!

Ударил он парня в грудь, тот слетел с коня и упал на землю уже мертвым. Дракон взял его в охапку и швырнул в чулан на полку...

Горько заплакала сестра, умыла брата слезами с головы до ног, но все напрасно, он так и не очнулся. А она с того дня была еще печальнее и бледнее.

А мать дома ждет детей, не дождется. На крыльце уже вмятина появилась в том месте, где она целыми днями выстаивала, высматривала, не возвращаются ли дети. Младший сын не мог больше глядеть на ее горе, да и самому тошно делалось, как подумает, что с братом невесть что приключилось, а он в это время дома прохлаждается. И в один прекрасный день он сказал, что пора ему идти искать сестру и брата.

Ну ладно.

Пошел он вдоль той борозды, что дракон Злоглаз пропахал, и было с ним всё то же, что и со старшим братом. Дракон усадил его с собой за

стол, но жареного вола сам же и съел, а потом велел шурина скакать с ним наперегонки в третью долину. Пока парень коня выбирал и из замка выезжал, дракон уже вернулся. Загоготал дракон, ударил молодца в грудь, и тот растянулся на земле мертвый. Дракон и его в охапку сгреб и швырнул на полку в чулане, где уже его старший брат лежал.

Шли дни, недели, месяцы, а месяцы превращались в годы. Несчастливая мать всё ждала, хотя и была уверена, что детей ее постигла беда. Жила одна в своей лачуге, тоска всё глубже вгрызалась ей в сердце. „Был бы у меня хоть кто-нибудь, – вздыхала она не раз, – чтобы хоть словечком с живой душой перемолвиться!“

Пошла она раз корове травы нажать и уже кончала свою работу, как вдруг выскочил у нее из-под серпа мальчонка, с вершок ростом.

– Ох, да ведь я тебя чуть было не покалечила! Ты что в траве шныряешь? – прикрикнула она на него, а сама невольно заулыбалась. – Какой ты славный! Ты чей же будешь?

– Могу быть ваш, если захотите, – сказал мальчонка и тоже улыбнулся.

– Как же не хотеть! – обрадовалась женщина. – Конечно хочу! Трех детей я лишилась, так ты у меня будешь за четвертого.

– Ладно, мама. Зовите меня Зубриком, а кормить меня нужно кобыльим молоком, тогда я вырасту крепким. Как наберусь силы, пойду искать ваших детей и верну их вам.

– Ах ты, малыш, да ведь тебя же от земли не видать! – рассмеялась женщина. Положила Зубрика в передник, взвалила на спину узел с травой и пошла домой. Но сделала всё, как он сказал, и целый год поила его кобыльим молоком. Зубрик рос и набирался сил, хотя с виду был еще мал. Но уж если он ударял кулаком, то мог и стол проломить, и стену. Поэтому он осторожно обращался со своей силой.

Через год Зубрик говорит матери:

– Теперь, мама, накормите меня досыта мясом, чтобы я свою силу укрепил, а уж тогда я отправлюсь искать братьев и сестру.

А мать его отговаривала:

– Не берись ты за это дело, Зубрик, а не то и ты пропадешь. Что я буду делать одна-одинешенька на этом горьком свете?

– Ничего, мама, не бойтесь, и наготовьте-ка мне мяса, чтобы я еще больше силы набрался.

У матери только и было мяса, что корова, вот она и дала ту корову зарезать, и стала варить и жарить мясо для сына Зубрика. И диво предивное: не успевала она наварить и нажарить мяса впрок – Зубрик тут же его съедал. К вечеру остались от коровы одни кости.

– Ну, мама, теперь все в порядке, теперь можно и в путь трогаться.

Ну ладно.

Пошел он вдоль той борозды, по которой когда-то его братья шли, и пришел на пастбище, где старый пастух пас стадо волов.

– Добрый день, дедушка! – поздоровался Зубрик. – Скажите мне, не видали ль вы двух парней, которые сестру свою искали?

– Как же, как же! Видел я, как они в ту сторону шли, да не видел, чтобы они возвращались. Оно и понятно, ведь борозда, по которой они шли, ведет в замок дракона Злоглаза. И ты лучше возвращайся домой, не ищи себе гибели.

– Не отговаривайте вы меня, дедушка, а лучше посоветуйте, что мне сделать, чтобы дракона одолеть и сестру и братьев своих вызволить?

– Что тебе сказать, паренек? Дракон Злоглаз должен каждый вечер выпивать источник целебной воды, иначе пропадет его сила, но перед этим он каждый раз съедает жареного вола, а волов этих я для него откармливаю. Я бы рад избавиться от постыдной службы у дракона, рад бы повстречать человека, который сумеет дракона одолеть. Но это лишь тому под силу, кто сумеет съесть целого вола в один присест. Ну, а тебе куда уж там, ведь ты мне только-только по колено будешь.

Засмеялся Зубрик в ответ, вскочил на спину одному волу, трахнул его кулаком по голове, тот и копыта откинул. Потом Зубрик развел костер и испек вола. Старик до десяти сосчитать не успел, как от вола ничего не осталось, кроме куска мяса, который Зубрик оставил пастуху на ужин.

– Ну что ж, едок ты изрядный, в этом ты сможешь с драконом потягаться, – говорит старик. – Желаю тебе удачи.

Пошел Зубрик дальше и вскоре пришел на другое пастбище, где старый табунщик пас коней.

– Добрый день, дедушка! – поздоровался Зубрик.

– И тебе того же, – отвечал ему табунщик.

– Скажите мне, дедушка, не видали ль вы двух парней, которые сестру свою искали? Это были мои братья.

– Было дело, проходили, сперва один, а потом другой, я их еще предупреждал, да они не послушали. Послушай хоть ты меня, воротись, ведь эта дорога ведет к замку дракона Злоглаза.

– Вот к нему я и хочу попасть, так что вы меня, дедушка, лучше не отговаривайте. Посоветуйте, как бы мне вернее с драконом справиться.

– Так вот, паренек, слушай: если сумеешь трижды обскакать пастбище, пока у меня в руке кудель горит, значит, тебе под силу с драконом тягаться.

Пока старик достал кудель и поджег ее, Зубрик уже успел вскочить на коня и помчался вокруг пастбища – у коня ноги так мелькали, что их и видно не было. Чувал конь, что ездок кобыльим молоком вскормлен, и летел как ветер. Еще кудель горела вовсю, а Зубрик уже трижды обскакал пастбище и остановился перед старым табунщиком.

– Ну, ты молодец! – похвалил его табунщик. – Так лететь и сам дракон Злоглаз не сумеет. Бери этого коня, он тебе еще пригодится. Знай, что каждый вечер дракон Злоглаз ездит пить чудесную воду, которая бьет ключом в третьей долине и все время огнем горит. Если он ее хоть один день не напьется, то потеряет всю свою силу. Вот ты и постарайся упредить его, а там видно будет.

Зубрик поблагодарил старика и отправился дальше в путь. Драконов замок он узнал еще издалека, потому что зубчатые стены чернели против ясного неба как огромные драконьи клыки.

Постучал Зубрик в ворота. Из окна выглянула красивая молодая женщина, и он сразу догадался, что это его сестра.

– Кто там? – спрашивает она.

– Я – твой брат Зубрик.

– Нет у меня больше братьев, – сказала молодая женщина и заплакала.

– Да нет, сестричка, я тебе тоже братом довожусь. Матушка меня из травы выжала, когда вас троих давно уже дома не было.

– Брат ты мне или не брат, а лучше уходи поскорее. Каждый, кто за мной в этот замок приходил, жизни своей здесь лишился. Несчастный тот день, когда я родилась!

Но Зубрик ее уговорил, и она отперла ворота и ввела его внутрь. Не успели они словом перемолвиться, как во дворе что-то грохнуло.

– Это муж мой возвращается, – сказала молодая женщина, побледнев.
– Забросил домой свою стопудовую булаву, чтобы с собой ее не таскать.

Услышав это, Зубрик выбежал во двор, подхватил булаву, словно это был мелкий камушек, и швырнул ее обратно – только звон в воздухе пошел.

Прошло время и ввалился в двери дракон Злоглаз, из пастей пламя так и пышет.

– Это ты, что ли, булаву мою зашвырнул? – накинулся он на Зубрика и полыхнул на него пламенем.

– Я, зятек, это чтобы ты заранее знал, с кем тебе придется дело иметь.

Дракон осекся:

– Ну ладно, – говорит, – давай сперва поедим, а потом силой померяемся. – И отворил дверь в другую комнату, где уже их дожидался на столе жареный вол. Сели они за стол и принялись за еду. Дракон еще и червячка заморить не успел, а Зубрик уже умял вола без остатка.

– А с виду про тебя этого не скажешь, – проворчал дракон. – Подожди меня здесь, я хоть воды слетаю напьюсь.

– А гостю что же, от жажды помирать? – засмеялся Зубрик. – Не выйдет!

Вскочил на коня и полетел в третью долину, а дракон далеко отстал. Только где же он, этот источник с чудесной водой, над которым всегда огонь горит? Кружит Зубрик по долине, глядит вокруг соколиным глазом, но вот беда – солнце уже садится за лес, и в его лучах вся долина будто огнем горит. Схватил Зубрик свою шапку и зашвырнул ее на солнце. Шапка села на разгоряченное лицо солнца, и сразу в долине смерклося. И в ту же минуту увидал Зубрик огонек, совсем слабый, словно свечка мерцает у камня. Отвалил он этот камень, а там в ямке горящая вода: огонек трепещет, желтые язычки с красными переплетаются. Прилег Зубрик к родничку и одним духом выпил всю горящую воду, не оставил ни капли. И сразу почувал в себе такую невероятную силу, что захоти он – гору бы сдвинул и долину бы засыпал.

Тут примчался дракон Злоглаз. Увидал, что родничок под скалой весь выпит, и взревел так, что деревья затрещали. Наскочил он на Зубрика, с налету ударил его в грудь, чтобы поразить смертельным ударом. Только просчитался он, Зубрик не дрогнул, зато дракон отлетел от него, словно камушек от скалы, и распластался на земле.

– Вижу, ты сильнее меня, – прохрипел дракон, ползая по земле и пытаясь подняться. – Пусти меня к роднику, дай хоть каплю выпить, не то я погибну от жажды.

– Ну и погибай, злодей, это ты моих братьев погубил.

– Оживлю я твоих братьев, только дай мне напиться горячей воды. Есть у меня мазь... в чулане на полке... Дай же мне напиться...

Зубрик нагнулся к источнику, а там уже несколько капелек выступило, уже замерцали над ними огоньки. Тогда Зубрик отвалил в сторону скалу,

выворотил вторую, третью – и горящее пламя ушло в глубь земли, будто и не было его никогда.

– Из земли вышла эта сила, пусть же земля опять ее примет, чтобы ею не воспользовался какой-нибудь злодей.

Зарычал дракон Злоглаз, забил хвостом, но был уже так слаб, что с земли подняться не мог. И пока он так ёрзал, земля под ним начала расступаться, и он проваливался всё глубже и глубже. Когда он совсем скрылся и следа от него не осталось, Зубрик сел на коня и воротился в замок. Пошел он прямо в чулан, там нашел на полке чудесную мазь, потер ею обоих братьев, и те сразу вскочили на ноги, живые и здоровые.

Радостной была встреча братьев с сестрой и с маленьким братом Зубриком, о котором они слыхом не слыхивали. Наобнимались они, нарадовались досыта и отправились домой, набравши в замке серебра, золота, драгоценных камней. По дороге присоединились к ним старый табунщик с табуном коней и старый пастух со стадом волов. Оба радовались, что наконец-то кончилась их служба у дракона Злоглаза.

Ну ладно.

Всё бы хорошо, но только стали братья коситься на Зубрика. Срам какой! Сморчок, которого и от земли-то не видать, сумел сделать то, что им было не под силу, да еще и жизнь им спас! Недоросток, который и родился-то не по-людски – мать его где-то в траве выжала. Ведь им будет стыдно людям в глаза поглядеть!

– Слушай, – шепчет один брат другому. – А нельзя ли нам от него избавиться?

Стали они сговариваться, и не заметили, что Зубрик неподалеку от них сидит и всё слышит. Договорились братья, что как станут они подъезжать к деревне, заманят они Зубрика на мост, и он оттуда, будто по несчастному случаю, свалится в реку.

Кольнуло Зубрика у сердца, но он не сказал ни слова. Тихо повернулся, ни с кем не простился, никому даже рукой не махнул – просто вошел в густую траву и затерялся в ней. Больше его никогда не видели.

Вернулись трое домой, мать их по очереди к сердцу прижимает, а глазами еще кого-то ищет – четвертого. Где же Зубрик? Как же это он не вернулся? Может, дети, вы ему что-нибудь не так сказали? Может, обидели его?

Нет, неполной была материнская радость, заболело у нее сердце. Болело и болело, не переставая, будто из него капля за каплей уходила сила. Лучше всего ей было, когда она уходила на луг и садилась в высокую, густую траву. Тогда чудилось ей, что где-то совсем рядом ее Зубрик, любимый малыш, сыночек из травы выжатый.

Женское племя

Когда-то – правда, очень давно – женщин было намного меньше, чем теперь, поэтому ценились они очень высоко. Ну, а раз они были в цене, то отец и не думал давать приданое за дочкой, а сам брал выкуп с жениха. А выкуп тогда полагался такой:

*Кусок холстины, две-три овчины,
пшеницы мешок и ведро медовины.*

*Если невеста усердна была,
жених приводил впридачу вола.*

*А если невеста – мила, черноброва,
отцу полагалась еще и корова.*

И случилось в то время одному отцу пообещать свою дочь сразу трем женихам.

*Первый жених был спокоен и тих,
выкуп хороший дать посулился –
отец подумал и согласился.*

Весел и лих был жених второй:

„Будет не свадьба, а пир горой!

*А ежели дочка твоя красива –
завтра же будет бочонок пива!“*

Отец был до пива ужасно охоч.

„Ну что ж, приходи, – говорит, – я не прочь!“

*Третий жених был мужик богатый,
шляпа с пером, борода лопатой:*

„Выкуп двойной, и десяток овец!“

– „Тогда по рукам!“ – согласился отец.

Вот так и получилось, что на следующий день к его избе приближались с трех сторон сразу три жениха: первый нес обычный выкуп, второй катил перед собой бочку пива, а третьего вообще не было видно – такую пыль поднимали его овцы.

Схватил отец дочку за руку и сунул ее в хлев, где он держал свинью и козу:

– Сиди здесь и не пикни, пока я тебя сам не выпущу!

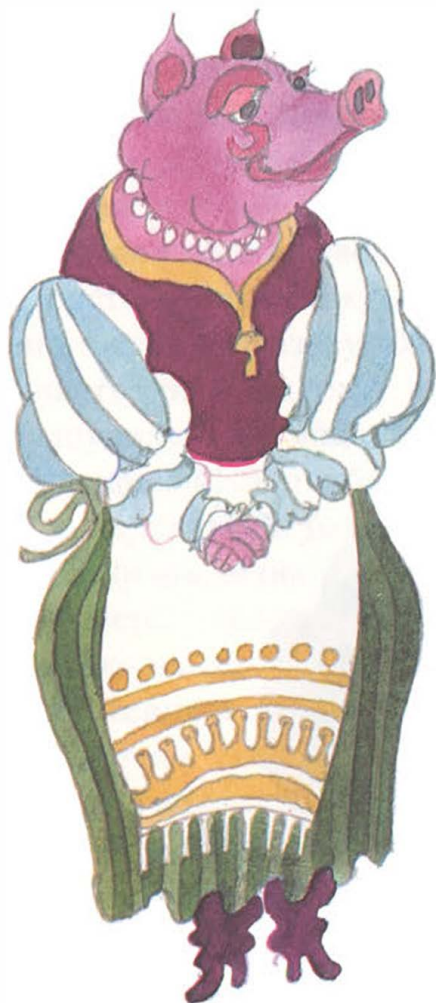
Приходят женихи, и каждый спрашивает молодую.

– А она как раз к тетке своей ушла в соседнюю деревню, – говорит отец, а у самого коленки трясутся. – Приходите, молодцы, в другой раз.

Но в молодцах уже кипят гнев и обида, им сразу стало ясно, что их за нос водят. Вошли они в избу, всё вверх дном перевернули, разыскивая девушку: мол, сначала нужно ее найти, а там уж как-нибудь разберемся. Может, у тебя и вовсе никакой дочки нет!

Отец обмер, чувствует, что это добром не кончится, того и гляди, до поножовщины дело дойдет. Только бы они в хлев не сунулись!

А они уже там!

– Это же хлев, у меня там только и есть, что свинья и коза, – говорит отец дрожащим голосом, а потом начинает бормотать что-то совсем непонятное: то ли он богу, то ли черту молится, не разберешь...

Открывают женихи хлев, а там – подумать только! – забились в дальний угол три девушки: первая похожа на вторую как две капли воды, вторая на третью как яйцо на яйцо, и все три на одно лицо.

Парни смеются:

– Шутник вы, отец, нашли куда прятать наших невест!

Весь их гнев как рукой сняло, поотдавали они отцу выкуп, справили три свадьбы под одной крышей, а потом каждый увел свою жену к себе домой.

Всё вроде бы хорошо, только отец с той поры не знал покоя. Получил он выкуп за трех невест, но мало ему от этого радости: ведь он даже не знает, которая из девушек его родная дочь!

Прошло время, и собрался он девушек навестить.

Приходит к первой. Солнце уже давно взошло, а она еще в постели валяется. Хутор богатый, но грязь всюду несусветная. Чумадые дети шныряют по двору и грызут дикие груши, желуди, корешки какие-то.

„Ну, с этой всё ясно, – подумал отец, – была свиньей и осталась свиньей.“ И пошел дальше.

Приходит он ко второй. А та как раз с мужем ругается, орет на него и головой трясет, будто боднуть его хочет. А муж таращит на нее пьяные свои глаза. Вокруг дети бегают, всё „бэ-э“ да „мэ-э“, путного слова от них не услышишь.

„А эта, видать, козых кровей,“ – подумал отец и пошел дальше.

Вечером приходит он к третьей. Та его ласково встретила, накормила, в чистую постель спать уложила. Утром встала спозаранку, умылась, причесалась, потом детей разбудила, опрятно одела, за стол усадила. И со всеми у нее совет да любовь: с мужем, с отцом, с соседями.

– Вот это и есть моя родная дочь! – говорит отец.

Змок

Жил когда-то один хозяин – большой богач. Имел он два дома, четверо коней, земли вволю, а леса и того боле, двадцать коров, волов десять голов, да овец стадо – чего еще человеку надо? Но не было у него ни жены, ни детей, жил он бобылем.

О том хозяине было известно, что богатство ему приносит змок. Люди его не раз видели, этого змока, когда он спускался к своему хозяину в дымовую трубу в виде огненной цепи, из которой сыплются искры. Увидев его, люди сплевывали через плечо и крестились, так как всем было известно, что змок из чертовской породы. А еще было известно, что связаться с ним легко, а развязаться трудно: змок всегда будет при тебе, душой твоей завладеет и даже помереть тебе не даст, пока кто-нибудь другой не возьмет его к себе.

И все же наш богатый хозяин решил завести себе змока. Вот как он это сделал:

Была у него во дворе курица, черная-пречерная, как самая темная ночь. Подстерег он однажды, когда эта курица яйцо снесла, и еще теплым сунул яйцо себе за пазуху. Девять дней носил хозяин яйцо за пазухой и за эти девять дней ни разу не умылся и не причесался. Через девять дней вылупился из яйца курёнок. И такой он был поганный, плюгавый, шелудивый! Это и был змок.

– Здравствуй, хозяин! – прокричал змок. – Теперь мы с тобой друзья на всю жизнь, верно?

– Верно, змок, – отвечал хозяин. – Вместе будем жить, у меня ведь никого на свете нет.

Поселился змок у хозяина, в его кармане спал, из одной миски с ним ел. По ночам слонялся невесть где, а домой возвращался через дымовую трубу в виде огненной цепи.

– Чего тебе принести, хозяин? – спрашивал он каждый день.

– Принеси мне зерна мешок, – говорил хозяин. А иной раз: – Принеси

мне полотна на рубаху. – А то еще: – Сегодня принеси мне овцу и барана.

Змок всё тащил и тащил, хозяин всё богател и богател, а откуда это богатство берется – об этом он старался не думать.

И опять змок спрашивает:

– Чего тебе принести, хозяин?

„В самом деле – чего? – задумался хозяин.

– Скота у меня полны хлева, хлеба полны амбары, полотна полны сундуки.“

– Знаешь что? Принеси мне денег, деньги всегда пригодятся.

Проходили дни, проходили годы. Деньгами у хозяина были полны сундуки, мешки и горшки, во всех светелках валялись деньги на полках, но только хозяин им уже не радовался. Люди его избегали, и прислуга у него держалась недолго: все знали, что богатство у него нечистое и лучше с ним не водиться. Давно у хозяина побелели волосы, спина сгорбилась, болезни и болячки донимали его, и так ему хотелось избавиться от

всех забот и печалей, забыться, упокоиться там, где столько лет уже покоятся его отец и мать. Но этот змок! Так и скачет вокруг него и спрашивает себе работу.

– Чего тебе принести, хозяин?

– Ох, да по мне хоть дерьма! – буркнул старый хозяин, у которого в тот день все кости ныли.

И что же? – К утру весь дом, весь двор был полон дерьма. Видно, змок его со всей округи натаскал. Пришлось попотеть хозяйским батракам, пока они всё не убрали.

Призадумался хозяин: как бы ему от змока избавиться, кому бы его сплавить?

Спросил он брата, спросил свата, спросил золовку, спросил соседку-мотовку – нет, никто не хочет взять у него змока.

И тут приходит к нему незнакомая девушка, Катренка, и спрашивает, нет ли для нее работы. Говорит ей старый хозяин:

– У меня, Катренка, прислуги и так полон дом. – (А это была неправда.)
– Но меня сегодня злая немочь отпустила, и вот на радостях я подарю тебе дукат и этого вот курёнка. Чтобы ты не уходила с пустыми руками.

Курёнок Катренке не понравился, зато дукат был хорош; взяла она то и другое, еще и спасибо сказала. Вышла она на дорогу, тут вдруг курёнок закричал у нее из-за пазухи:

– Катренка, а Катренка! Теперь мы с тобой друзья на всю жизнь, верно?

„Ой, да ведь это же змок!“ – испугалась девушка. Тут она поняла, за что дукат получила: за то, что черта из дома вынесла.

Бросила она курёнка на землю и пустилась бежать. А он не отстаёт, рядом с ней скачет и кричит:

– Катренка, а Катренка! Теперь мы с тобой друзья на всю жизнь, верно?

Остановилась Катренка, задумалась: видно, без хитрости тут не вывернешься.

Зашла она в лавочку, разменяла дукат и купила за пятнадцать грошей новую юбку. Надела ее, а старую под мышкой несет. Тут, как нарочно – ветошник на возке:

– Куплю ветошь, старые тряпки куплю!

– Что дадите за эту старую юбку?
– спрашивает Катренка. А в юбку она уже змока замотала.

– Дам тебе за нее наперсток и две иголки, согласна?

Согласилась Катренка, мы-то знаем, что она бы эту юбку и даром отдала.

Едет ветошник, погоняет конька – и тут вдруг змок вскочил на оглоблю и закричал:

– Матейко! Теперь мы с тобой друзья на всю жизнь, верно?

Ветошник похолодел: – „Чтоб мне пропасть, если это не змок!“ Выехал на мост, замотал курёнка в юбку и выбросил в реку. Хлестнул конька, и тот полетел, словно копыта у него горели. Прикатил ветошник домой, счастливый, что так легко от змока отделался. Отворил дверь в избу – и чуть с ног не свалился: сидит на лавке змок и весело кричит:

– А здорово мы погонялись, верно, Матейко?

Разъярился ветошник: – „Ах ты, поганец!“ – сунул его под решето и два дня ни крошки ему не давал, сколько тот ни кричал. На третий день вынул змока из-под решета и подкрался с ним к мельничихину двору. Мельничиха там корм птице сыпала, а он и подсунул змока под плетень. Тот сразу присоседился к курам и давай клевать!

– Кыш, паскуда приبلудная! – отогнала его мельничиха, а тот хоть бы что, знай напихивает себе зоб. Тут она схватила его за крыло, чтобы зашвырнуть за плетень – а этого делать нельзя: стоит змока рукой коснуться, и он уже от тебя не отстанет.

– Мельничиха, теперь мы друзья на всю жизнь, верно? – закричал змок.

„Так вот какой ты курёнок!“ – сообразила мельничиха, но не растерялась, даже глазом не моргнула. Она на своем веку всякое повидала. Отнесла она змока в дом, посадила на табуретку перед столом и говорит:

– Ну что ж, друзья так друзья. Вот, смотри, на этом столе буду есть я, а ты – на этой табуретке. Что ты больше всего любишь?

– Больше всего я люблю сладкую кашу! – закричал змок.

Теперь змок целыми днями на табуретке сиживал, сладкую кашу едал, а ночами по свету огненной цепью летал и мельничихе всякое добро таскал. Что она ни попросит, он всё ей приносит. Вот что он ей натаскал:

*Три бочки солонины,
четыре новых перины.
Бочку селедки,
два бочонка водки.
Три бочки вина,
четыре штуки сукна,
пять штук полотна.
Мешок соли,
два мешка фасоли,
три мешка нафталину от моли.
Шкап из мореного дуба
а в нем четыре шубы
да три платья из дорогого броката.
А еще в новой бочке дубовой –
золотые дукаты.*

Вот так мельничиха стала богата.

А змок, что ни вечер, спрашивает:

– Чего тебе еще принести, хозяйюшка?

Тут мельничиха сказала себе: „Пора и честь знать! Всё у меня есть, теперь осталось только от змoka избавиться.“ И говорит ему:

– Наноси мне, дружок мой, полный чердак пшеницы!

А сама тайком сделала дыру в чердаке, и через эту дыру зерно сыпалось из-под крыши прямо в мельничный ручей.

Носит змок пшеницу, носит – а пшеница всё сыплется и сыплется в ту дыру. Никак не может змок наполнить чердак. Сначала таскал он пшеницу мешочками, потом здоровенными мешками, из ночи в ночь... Такую каторжную работу сам черт не выдержит. Вот и змок надорвался. Как-то утром нашла его мельничиха на чердаке: лежит весь черный, как обугленный, ноги вытянуты.

В тот день сунулась мельничиха в свою кладовую и видит: новая бочка дубовая расколота, а в ней грязь вместо золота.

Прошел год со днем – дом у нее лёг огнем.

Прошло два года – опять беда: мельницу унесла вода.

Через три года у жадной бабы добра было столько, сколько шерсти у жабы.

– Как нажито, так и прожито, – говорили люди о ее богатстве. – Всё ушло к черту на рога.

Говорят, это был последний змок в наших краях. Во всяком случае, никто не слышал, чтобы он еще где-нибудь вывелся.

Вместо послесловия

(Четыре вопроса Марии Дюричковой)

Сказка – область, в которой Вы чувствуете себя легко и уверенно, как дома. Расскажите нашим читателям: откуда у Вас это?

Мне повезло: судьба подарила мне бабушку, которая знала множество бывальщин, присказок, загадок и сказок. Она охотно рассказывала их мне, когда пряла, шила или занималась еще какой-нибудь тихой работой. А мама научила меня сотням песенок. – Но не только они учили меня. Во времена моего детства наша деревня жила еще той старозаветной деревенской жизнью, которая заключалась в извечной борьбе с природой, извечной борьбе между людьми, то явной, то скрытой; деревня во всех отношениях была далека от прочего мира, и современная техника совершенно не коснулась ее; радио, кино, телевидение – ничего этого и в помине не было.

Когда я оглядываюсь на свое прошлое, мир моего детства кажется мне маленьким, простым и до прозрачности ясным, почти как мир народных сказок.

Ну так вот, тот маленький детский мир я сохранила в памяти и в сердце, и в этом большом и сложном мире я время от времени возвращаюсь в него. Особенно в сказках. Особенно в таких сказках, как эти. Но иногда одолевают сомнения: как лучше выразить то или это? Тогда я говорю себе: как сказала бы в этом случае моя мать? Или отец. Или бабушка. И они тут же приходят ко мне на помощь, они всё время где-то рядом. Поэтому я чувствую себя в сказке как дома, это мое родное.

Как родилась мысль создать эту книгу сказок, в которой встречаются и совсем новые, незнакомые сказки, и сказки с известными мотивами?

Признаюсь, замысел этой книги я вынашивала давно, но всё как-то смелости не хватало. Но однажды случилось вот что: В „Записях словацких сказок“ Поливки я нашла запись „Сказки об Отолии“ с пометкой на немецком языке „Плохо рассказано“. Действительно, сказка была

рассказана плохо, как-то даже недодуманно. И меня взяла досада, потому что именно об этой сказке у меня были такие чудесные воспоминания, в бабушкином изложении она всякий раз сверкала как многоцветный фейерверк. Мне стало досадно, что сказку моего детства осрамили этой пометкой: „Плохо рассказано“, и я решила заступиться за нее, реабилитировать ее.

Я взялась за дело и перерассказала сказку. (В русском переводе она называется „Любор и Любка“.) На старую сказку она похожа примерно так, как реставрированное здание походит на старое здание, в котором уже давно нельзя было жить. И всё же это одно и то же здание.

Удачная работа над этой сказкой воодушевила меня, и я реставрировала подобным образом сказки: „Белая княжна“, „Третий брат“, „Жених из колодца“ и другие.

Однако в этой книге есть большая группа сказок, которые возникли на основе одного, двух или нескольких небольших, часто вообще не взаимосвязанных мотивов. В устной традиции они встречаются в виде небольших эпизодов или даже в виде своеобразных сказочных присказок и поговорок. Комбинируя эти частные мотивы, я складывала из них цельную сказку. Это примерно то же самое, как если бы вы обнаружили среди развалин башенку и пристроили к ней целый замок на основе собственных представлений. Или как если бы вы нашли замечательную пуговичку, каблук от туфли, кусок кружев и сделали целый костюм, руководствуясь своими представлениями. Так родились сказки: „Принцесса Щебетунья“, „Ключик на голубой ленточке“, „Крутомета“, „Буй-волк“, „Дети и дракон“, „Змок“, „Водяной“, „Жаба“ и другие.

Хотелось бы узнать, как и почему возникли Ваши варианты „Янко Горошка“ и „Золотой пряжи“.

Словацкая народная сказка – всегда благородная, чуткая, с глубоким чувством справедливости. Добро в ней вознаграждается, а зло наказывается. Поэтому меня всегда огорчало, что некоторые сказки изменили этим принципам. Например, „Золотая пряжа“: ленивица, которая даже прясть не научилась, благодаря обману становится королевой и обретает большое счастье. Правда, в жизни такое случается, но в сказке не следовало бы этого допускать. Или „Янко Горошек“: маленький рост

и привлекательность героя прямо-таки предназначают эту сказку для маленьких детей. Но что делать, если вся она построена на грубой разбойничьей морали и изобилует столькими жестокостями, что даже народному сказителю приходится в конце концов привести Янко Горошка на исповедь к священнику – иначе нет ему прощения. Что делать с такой сказкой? В изданиях для детей печатается только ее начало, и то не без колебаний. Вот я и пересказала „Янко Горошка“ и „Золотую пряжу“ по-своему, чтобы они стали настоящими сказками для детей.

Первоисточником для Вашей сказки „Янко Поленко“ послужил сюжет из книги „Янко Гондашик и золотая пани“ Само Цамбела.

Кроме записи Цамбела мне известны и другие варианты этой сказки. Не многие сказки по своему сюжету так подходят для детей, как эта, но мне всегда казалось, что она рассказана сухо, скупо, вяло. И мне очень не нравилось, что дракон в ней съедает собственную жену Оленку (в другом варианте ведьма съедает собственную дочь Оленку). Поэтому я пересказала и эту сказку, так же как и „Янчика-Мизинчика“ из той же книги. Мне кажется, что обеим сказкам это пошло на пользу. Мне кажется, что сказки Цамбела обязательно нужно пересказывать, если они адресованы детям. Вообще я очень высоко их ценю и с удовольствием читаю, как точные записи ученого-языковеда, однако я убеждена, что в своем первоначальном виде они с трудом дойдут до сердца детского читателя.

Содержание

Белая княжна	5
Янчик-Мизинчик	14
· Жених из колодца	21
Хлеб великанов	25
Золотая пряжа	29
Ключик на голубой ленте	40
· Водяной	45
· Дети и дракон	50
Любор и Любка	54
Янко Горошек	58
Смелая Софья	70
Отцовский совет	75
Невеста и петух	78
Принцесса Щебетунья	81
Янко Поленко	87
Две сестры	92
Дерево-краса, живая вода	
и правдивая птица	98
· Жаба	111
Буй-волк	116
Крутомета	120
Водяницы	127
Третий брат	134
Женское племя	146
Змок	149
Вместо послесловия	155

МАРИЯ ДЮРИЧКОВА

Белая княжна

Иллюстрировал МИРОСЛАВ ЦИПАР
Художественное оформление ЯН ШВЕЦ

Со словацкого оригинала
Biela kňažná, Mladé letá, Bratislava 1973,
перевел ЮЗЕФ ПРЕСНЯКОВ

Издание этой книги осуществлено
издательством „Младе лета“,
Братислава, ЧССР, в творческом
содружестве с издательством „Детская
литература“, Москва, СССР.

Редактор Л. Либет

Тираж 50 000 экз.

Отпечатано в Чехословакии

Цена 3 р. 32 к.

Larisa_F

